

ОБЕШАЛИ МНЕ

КОРА БРЕНТ

Промиз Тэлбот необходимо защитить. Вынужденная жить в полигамном браке с садистским человеком, она отчаянно хватается за возможность сбежать из его лап. И попадает в мир Отступников. В Грейсоне Меркадо кипит гнев от несправедливости долгого тюремного заключения за преступление, которое он не совершал. Теперь он свободен, и пытается построить жизнь среди его новых Отступных братьев. Но все меняется, когда избитая молодая женщина подходит к нему, прося помощи. Промиз и Грейсон слишком разные. Но столкновение страсти и опасности зажжет искру любви, написанную в их судьбах. Этот эпический роман охватывает затворническую жизнь общины в Северной Аризоне суровой пустыни Мохаве. **ВНИМАНИЕ:** Данный роман содержит нецензурную лексику, зрелые эмоциональные темы и откровенные сцены. Не предназначена для лиц младше 18 лет.

**Кора Brent
Обещай мне**

(Пустыня Мохаве вне Куартзсайт, Аризона)

/Прим. Мохаве (исп. Moj ave, по названию индейского племени Мохаве) — пустыня на юго-западе Соединённых Штатов Америки, занимает значительную часть южной Калифорнии, юго-запад Юты, юг Невады и северо-запад Аризоны./

Грейсон.

Он выдул свою последнюю бутылку пива и наблюдал за девушкой. Она не понимала его. Никто в ее странном прошлом, не показывал ей, насколько она красива. Он все еще чувствовал сильное напряжение после зажигательного танца на липком полу бара «На дне реки». Грейсон неохотно отстранился, когда почувствовал, что возбуждается, но то, как она прижалась к нему с еще большей решимостью, сказало ему все, о чем он должен был знать.

Услышав окрики и свист его собратьев, он усмехнулся, отступив в тот момент, когда она посмотрела на него с недоумением в красивых зеленых глазах. Грейсон хотел объяснить ей причину.

Нет, детка, не так... грязный трах в задней комнате не для тебя.

Он просто развалился на кресле в задней части бара и попытался успокоить свой дикий стояк.

— Дай угадаю, у кого-то долбанные проблемы? — Сказал Каспер, вместо приветствия, опускаясь напротив.

Грейсон посмотрел на вице-президента Отступников (Defiant Motorcycle Club). У него была интересная история с этим человеком. Тюрьма Пикачо не зря была названа «школой гладиаторов» — сокамерники могли убить тебя или спасти твою жизнь, это было делом случая. С тех пор, как в девятнадцать лет, предательство стоило ему свободы, Грейсон рассматривал друзей, как обузу. Он видел характер Каспера Вайца, и начал верить, что, может быть, есть еще люди, которые уважают друг друга. Поэтому, когда небо разверзлось, и на него полилось все дерьмо, он пришел к Касперу, не жалея, что это стоило ему год в четырех стенах. Одиночная камера. Это была жертва, которую он принес за место здесь, в Отступниках, и он был рад.

Каспер выпустил дым и терпеливо ждал его ответа.

— Черт побери. — Вздохнул Грейсон, откинувшись в кресле. Он не должен был догадаться. Он обвинял себя в том, что не отшил Талию гораздо раньше. Но она запрыгнула на него, когда он был на свободе меньше двенадцати часов. Прошедшие шесть лет молодости — это очень долго для мужчины, обходящегося без женского тела. Грейсон никогда не был слишком сведущ в тайнах женского ума, и эта гадина, смогла обмануть его. Ненадолго.

Женушка Каспера, Рэйчел, спешила к ним, её лицо было встревоженным. — Кас. Мохаве снаружи. — Ее интонация дала понять, что визит не был дружеским.

Мохаве. Мародеры Мохаве. Рука Грейсона сжалась в кулак. Мохаве, в основном, были друзьями, ведь они были клубом из соседнего Паркера. Но Грейсон знал, что некоторые друзья продаются за копейки.

Орион Джексон подошел к двери первым. Он был главарем Отступников, и большим сукиным сыном, который никогда не боялся атаковать первым. Он даже не оглядывался на

то, кто последует за ним.

Грейсон огляделся. Кроме него и Каспера была только морда Брэндона, который неуверенно встал на ноги, когда Каспер дернул его за руку. Он пошатнулся в сторону Грейсона, до того, как его затуманенные глаза попытались разобраться, что, черт возьми, происходит.

У Грейсона перехватило дыхание, когда он заметил девушку смотрящую прямо на него.

Испуганный взгляд на ее лице, когда она сжала руки, разбудил частичку его души, которая не просыпалась с того дня, когда она наткнулась на него, умоляя о помощи. Нет, он не подвергнет её опасности. Кем бы ни были Мохаве, он не хотел, чтобы это происходило на её глазах.

— Рэйчел, — сказал он хрипло, мотнув головой в сторону двери. Рэйчел поняла и вывела девушку через бар.

Когда он вышел в тихую пустынную ночь, первое, что он услышал, был зловещий голос Ориона посылающий кого-то помочиться дважды и вы*бать себя.

— Пусть сначала он ответит за это собственной проклятой задницей.

Грейсон узнал этот голос, прежде чем он увидел человека. Это был Анджело, правая рука главаря Мародеров. Он был тем человеком, на которого заменила его Талия в своей постели, поскольку Грейсон бросил ее.

Руки Ориона были скрещены, и он почти рычал. Никто не двигался со своего места, ни к чему не притрагивался и не нарушал приказа. Это могло плохо кончиться. Грейсон насчитал восемь других Мохаве за спиной Анджело. Некоторые устрашающе посмеивались, так как маячила перспектива драки, другие ерзали, предчувствуя войну.

Анджело заметил его и указал своим толстым пальцем. Он был достаточно пьян.

— Ты. — Прорычал он. — Ты думаешь, что ты можешь бл*ть дать мне деньги, а потом смеяться над этим?

Грейсон выругался про себя, чувствуя, что к этому приложила руку Талия. Скорее всего, она затрахала мозги Анджело и накормила его этой херней.

— Смотри, — сказал он, шагая мимо Ориона и обращаясь к Анджело, — я не знаю, что, черт возьми, она сказала тебе, но ничего этого не было. Подумай гребанную минуту и пойми, что тобой воспользовались.

Каспер стоял рядом с ним: — Ло,— он кивнул Аджело и твердо сказал, — с каких пор слова какой-то подстилки могут встать между мужчинами?

Анджело, возможно, был пьян и зол, но разум еще не полностью покинул его. Он сплюнул в песок. — Никогда, — проворчал он. Некоторые из его парней забормотали в знак согласия.

Орион уже устал от всего этого. — Так что мы будем делать с этим дерьмом? Ты и твои щенки заходите внутрь и располагайтесь в доме.

Анджело медленно поднял голову. Запал, возможно, вышел из него, но он все еще не двигался, сомневаясь.

Грейсон сделал шаг вперед, раскинув широко руки, завершая его сомнения. Анджело сорвал своих парней без причины. Не важно, что причины не существовало, он не мог просто смиренно отпустить это.

— Что будем делать? — Тихо спросил Грейсон.

Анджело мрачно улыбнулся. — Ты должен устоять от двух моих ударов кулаком.

Грейсон оглянулся на Ориона. Громила кивнул. Грейсон снял кожанку и выцветшую

футболку под ней, бросая их Касперу для сохранности.

— Давай, — сказал он.

Первый удар был жестким апперкотом (*Примеч. Апперкот — классический удар из традиционного бокса; наносится кулаком по внутренней траектории наотмашь, при этом кулак повернут на себя; используется в ближнем бою.*), который угодил под левый глаз. Анджело был на голову ниже, но перевешивал его на добрых пятьдесят фунтов, и он был боксером, прежде чем достиг своего уровня в Мохаве. Грейсону пришлось сделать шаг назад, чтобы остаться в вертикальном положении, он был в норме. Второй удар предназначался в ребра. У него были десятки побед в боях Пикачо, кишащей беспорядками, и он знал, что выдержит, несмотря на то, что тело начинало коченеть, а мышцы отказывать.

Грейсон вздохнул, расслабил живот, его лицо распухло. Эти удары были не так уж и плохи.

Правая рука предводителя Мародеров Мохаве пытался сохранить лицо и в то же время быть справедливым. Он добродушно похлопал Грейсона по плечу, пока все шли за Орионом в бар «На дне реки». — Мы в расчете, малыш.

Напряженность среди других мужчин ушла, и они начали издеваться друг над другом. Каспер вернул ему одежду и покачал головой с улыбкой.

Грейсон улыбнулся в ответ, но улыбка сползла через секунду, когда он увидел ее. Она проделывала путь, расталкивая широкие спины мужчин, чтобы добраться до него.

Он позвал её по имени. — Промиз, — стараясь сохранять голос, чтобы девушка поняла, что он в порядке. Но она была свидетелем произошедшего и не владела собой.

— Грей, — прошептала она, касаясь отека под глазом кончиками пальцев, и дотрагиваясь другой рукой до голой груди. Затем она обняла руками его шею, так же как и тогда, когда они танцевали, только на этот раз это было крайне решительно.

Он застонал, его тело мгновенно отреагировало на ее прикосновение. Она знала это, еще сильнее прижимаясь к нему. Их губы встретились и это была самая сладкая боль, которую он когда-либо испытывал. Его руки двигались по ней по собственному плану, и она плотнее прижалась к нему. Когда он с легкостью поднял ее, её ноги обвили его талию, а губы по-прежнему не отрывались. Прервав поцелуй, она воодушевленно посмотрела в его глаза и прошептала одно слово. — Сейчас.

Он нес ее в свой трейлер, пока ее губы двигались вдоль его шеи.

Он говорил себе, что не позволит этому случиться. Он считал, что он — последнее, что ей необходимо. Но он не думал, что ее желание было также велико, как и его.

Грейсон заставил себя быть более осторожным, когда снимал с неё одежду и покрывая ее тело своими поцелуями, своими прикосновениями. Она застонала, помогая ему добраться туда, куда он хотел.

Она неуверенно коснулась жестких контуров его члена, а затем более настойчиво, освободив, она взяла его в руку, и в этот момент, Грейсон потерял, свой чертов разум. Она должна быть его.

Сейчас, она нуждалась в нем. И сейчас, это произойдет.

Этот танец, в конце концов, старше, чем время.

Это то, для чего они предназначены.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

«Помни, все мужчины были бы тиранами, если бы у них была такая возможность» — Абигейл Адамс.

«Бог обогащает» — Девиз штата Аризона.

«Вы сейчас вне надежды» — Надпись на билборде за пределами Хоупа, Аризона. (Хоуп (The Hope) переводе с англ. — надежда, Игра слов: вы сейчас вне Хоупа — вне надежды)

«Ни один человек не может судить меня» — Слова, которые написаны на татуировке на левом плече у Грейсона Меркадо.

Платье было красивым. Женщины, которые должны были быть моими сестрами-женами, купили его в Фениксе. Они считали, что так было во благо. Четверо из них преподнесли мне большую коробку в доме моей матери, за день до свадьбы, в присутствии моего отца и епископа, который был к тому же моим дядей. Я приняла платье с поддельной благодарностью и прислонила его к своему телу, в тот же момент они воскликнули, по видимости, в один голос. Это был прекрасный материал, хотя толком без узора и без каких-либо украшений. Рукава были не по моде длинными и отвечали скромным требованиям церкви, но лиф был в пору, и юбка была пышной.

Моя мать принесла своё небольшое туалетное зеркало, и подняла его так, что я смогла увидеть, как мои рыжие волосы резко контрастировали с ослепительно белой тканью. Сатин мягко касался моей кожи, и я знала, что платье должно было быть дорогим.

Да, платье было красивым.

И я никогда ненавидела ничего сильнее, чем его.

— Ну, девочка, — мой дядя клюнул меня ниже подбородка, — прошло много времени, и ты превратилась в прекрасную невесту.

Я пристально посмотрела на сияющие лица. Только моя младшая сестра, Дженни, опустила глаза с сочувствием. Она была единственной, кто подозревал о страхе, съедающем меня из-за этого договора. Уинстон Оллрид впервые объявил о своих намерениях ко мне, когда я была в возрасте Дженни, в шестнадцать лет. Мой отец, по команде своего брата, согласился.

Но потом произошло несколько событий сразу. Власти штата Юта ворвались в наш город сестер по анонимной наводке, где многих несовершеннолетних девочек принуждали к полигамным бракам с достаточно старыми мужчинами, годящимися им в дедушки. Семьи были разделены, и некоторых из видных лидеров Оставшейся церкви Иисуса Христа и Святых последнего дня (*Примеч. Faithful Last Disciples and Saints — мормонская церковь практикующая полигамию*) увезли. И хотя наш город Долина Иерихон был за границей штата, мы знали, что власти Феникса также смотрели на нас подозрительно.

Люди из СМИ, любопытства ради, на своих грузовиках старались ехать медленнее через Долину Иерихон. Нас всегда учили, что наша слава пришла от зависти. Этот народ смотрел с загадочным недоумением, с алчностью и желанием на наш простой образ жизни, которым мы наслаждались. Женщины, которые были выбраны на отборе, несколькими главами Церкви были благословлены, чтобы нести в их телах следующее поколение правоверных. Тот факт, что у них не было выбора в этом вопросе, казалось, едва уместен.

Кроме того, в последние годы было несколько родов с летальным исходом. Радостные моменты превратились в ужасные. Была только одна акушерка в городе, которая заботилась о состоянии здоровья, почти восьмисот женщин и ей осталось не слишком много отведенных лет.

Между тем, внимание СМИ и угрозы правоохранительных органов взяли свое. Мой дядя задумался, что делать. Одна из его собственных дочерей, дикая и красивая девушка по имени Рэйчел, покинула Долину Иерихон в глухую ночь всего за несколько часов, прежде чем она должна была стать шестой женой Эмори Тайна. Ее имя, после этого, было проклято.

Я полагаю тот факт, что они выбрали меня, что-то сделал с моим отцом. Он выделил

меня, среди всех своих дочерей. Хотя девушки из Долины Иерихон выпускались из школы на девятый год, я всегда проявляла академические способности, мне достаточно легко давалось обучение, и я сдала выпускные экзамены средней школы. Я полагаю, что была и другая причина, по которой меня выбрали.

Это не имело значения для меня на тот момент. Я была в восторге от возможности поступить в Хэйл колледж акушерства в Солт-Лейк-Сити. Моя собственная мать перенесла мертворождение в молодости. Она чуть не умерла сама от кровопотери и шока. После того, как я закончила четыре года обучения я была бы чрезвычайно полезной для истощенных женщин долины Иерихон. Не менее важно, что мой брак с Уинстоном Оллридом был отложен до тех пор, пока я не закончу колледж.

А затем, шесть недель назад, в день моего двадцать первого дня рождения, я закончила свои клинические исследования и сдала экзамен, зачисливший меня в североамериканский реестр акушеров. Я сдала с легкостью.

— Промиз, — прошептала моя сестра с соседней кровати. В комнате было темно, и не было никакого лунного света. Единственным шумом в домике, было дыхание нашей спящей матери. Мой отец ночевал в одном из других его домов.

Я закрыла глаза, позволяя горячей слезе заструиться вниз по моей щеке. В это время завтра я буду в постели моего мужа, делать то, что он от меня потребует.

Дженни всегда знала, когда я чувствовала себя плохо. С ползунков она была такой милой девушкой, интуитивно понятливой и доброй. У нас была пятилетняя разница в возрасте, но мы были только двоими из всех детей моей матери, которые наладили крепкую дружбу.

— Промиз, — повторила она печальным голосом, и я снова не отозвалась на свое имя. Дженни все равно знала, как я страдаю, и со вздохом она залезла на кровать рядом со мной, не говоря ни слова. Я рыдала, пока не погрузилась в глубокий сон.

Утро выдалось превосходным. И это было несправедливо. Я быстро оделась, оставив Дженни спокойно спать еще некоторое время. Моя свадьба будет меньше, чем через пять часов. Мне было нужно найти своего отца.

Рут была первой женой моего отца, и она всегда, казалось, заставляла маму выполнять нудную работу. Она поприветствовала меня сердито на пороге крошечного дома, который был типичным жилищем в Долине Иерихона.

— Он у Конни, — зарычала она, закрывая дверь перед моим носом.

Я жевала губу, пока проходила небольшое расстояние до третьего дома Джона Тальбота и, по слухам, его наиболее любимой жены. Я попыталась собрать воедино то, что я хотела сказать ему. Наконец я решила, что не имеет значения, как я буду объяснять все. Я просто не могла этого сделать. Я не могла выйти замуж за Уинстона Оллрида.

— Слишком рано для прогулки, Промиз, — сказал низкий, подозрительный голос, и я застыла.

Это не был голос моего отца. Это был мой дядя, мрачный церковный епископ, почитаемый человек. И страшный.

Он небрежно прислонился у ясеня. Его улыбка не скрывала холод в его глазах.

— Доброе утро, дядя, — формально сказала я, отвергая титул епископа, желая, чтобы он запомнил это утро, и то, что мы были кровными родственниками.

Эштон Тальбот хмыкнул. — Тебя хватятся дома, девочка. Женщины много готовятся к такому дню, как этот.

Я ждала кулаки. Если это был тот момент, когда я должна была высказать свою позицию, то так тому и быть. — Нет, — сказала я твердо, — сегодня не будет свадьбы, епископ.

Его глаза сузились, он казался удивленным моими словами. — Ладно тебе, — отмахнулся он. — Я думал, что ты из тех, кто не позволил бы, образованию повлиять на твою голову. Церковь сделала значительные инвестиции в тебя, юная девушка, — он угрожающе шагнул ко мне. — Теперь ты вернешься в дом своей матери и дождешься дня, предназначенного Богом.

— Нет, — снова сказала я. — Мне очень жаль, дядя. Я знаю, что это вызовет некоторые трудности, но я не передумаю. Сегодня не будет никакой свадьбы.

Я даже не успела сделать шаг назад, прежде чем он догнал меня и больно ухватил за обе руки. Я вздрогнула и попыталась вырваться, но он только усиливал хватку. Я возненавидела его, когда он усмехнулся, чесночный запах смешался в потоке потных волн исходивших от его толстой плоти.

— Свадьба будет, Промиз, — предупредил он, посмеиваясь, когда я сильно замотала. — О да, — сказал он. — Она состоится. Невестой будешь либо ты, либо твоя сестра — тебе решать.

Я перестала сопротивляться. Холодный ужас, подобного которому я никогда не испытывала, проник в меня.

— Дженни? — Прошептала я.

Эштон Тальбот провел жирной рукой по моим длинным рыжим волосам. Я не заплела косу сегодня утром.

— За этот год Уинстон Оллрид заметил, как вы поразительно схожи. Но, так как ты всегда была нацелена вернуться, я думал, что лучше всего придерживаться первоначального замысла. — Мой дядя осмотрел меня критически и хладнокровно, как будто я была фермерским животным.

— Он равнодушен к твоему красивому лицу и твоему тону кожи, ты копия своей матери. Дети, которых ты выносишь, пополнят своей красотой общий генофонд дочерей.

Плюнуть в моего дядю было самым смелым поступком, что я когда-либо совершала. Я боролась с желанием закричать, когда он схватил меня за волосы. Серые глаза епископа были бездонным омутом зла. Его дыхание было зловонным, когда он зашипел на меня.

— Я бы отхлестал тебя, как шавку, если бы не уважение к твоему мужу, не будем обременять отметинами невесту в её собственную брачную ночь.

Он выпустил меня так внезапно, что я отшатнулась назад. — Выбирай, Промиз, — сказал он, до того как уйти, оставляя меня совсем без выбора.

Моя решимость исчезла. Я поплелась обратно в дом моей матери, зная, как продолжится этот день. Зная, что жертвой моего отказа будет моя сестра.

2 глава.

Друзья, приобретенные в Хейле, знали, что я приехала из полигамного сообщества. Некоторые из них относились к этому хорошо, хотя ни один не был столь строг и тираничен, как правоверные. Другие были пренебрежительны, называя наш образ жизни жестоко патерналистским (*Патернализм — система отношений, основанная на покровительстве, опеке и контроле старшими младших (подопечных), а также подчинении младших старшим*) и неверно направленным. Я никогда не говорила о своём запланированном браке. Мой отец дал понять, достаточно ясно, чтобы я не распространялась с посторонними о таких вещах, спокойно говоря об этом, меня могли бы чертовски неправильно поймут.

Мы были правильными Верующими. Остальные утверждали, что следовали Писанию использовали его, чтобы удовлетворить их собственные потребности и развиваться в современном времени. Они будут страдать в Судный День.

По крайней мере, мне всегда так говорили.

Но, проведя время в Солт-Лейк-Сити, я поняла, кое-что: мир не вертелся в единственно правильном направлении. Он был сложным. Он был разнообразен. И более того, то чему меня учили, могло быть не правильным. Это означало, что люди заслуживают того, чтобы судить их по их же заслугам. Это означало, что ни при каких небесных приказах я не выйду замуж за Уинстона Оллрида.

Тем не менее, я поняла, как сильно я была нужна в Долине Иерихон. Альба Тайн вряд ли проживет больше отведенных ей лет. Так как общественные больницы, посещаемые неверующими, не были местом, куда правоверные были готовы пойти, уставшие, воспитанные женщины Долины Иерихона оказались под угрозой, о них некому позаботиться.

И кое-что еще. Те, кто попал в немилость к главе Верующих, изгонялись. Если бы я не вернулась, и не выполнила своё обещание, я бы никогда не увидела свою сестру снова. Такова была судьба трех моих собственных братьев. Они сбежали прежде, чем стали мужчинами. Гидеон из-за просмотра интернет-видео и поцелуя с дочерью Эмори Тайна. Томас из-за прослушивания несанкционированной музыки и отказа подстричься. Даниэль из-за словесной перепалки с нашим дядей Эштоном Тальботом. Иногда я смотрю на своих младших братьев и чувствую глубокую печаль, так как я понимала, более половины из них, скорее всего, будут изгнаны из церкви, мертвы для своих семей, брошены в мир, которого они не знают.

У всех свои проблемы.

Мужчины и женщины при рождении были практически равны. Здесь не было достаточного количества женщин, чтобы каждый мужчина, родившийся правоверным, получил три или больше необходимых жен. Так что мои братья, и бесчисленные мальчики, такие же, как они, будут оставлены на обочине дороги, как ненужные животные за проказы, будучи конкурентами.

Здание Церкви было простым, но это было самое большое здание в Долине Иерихон. Когда я вошла в него, покрытая платком и под руку с моим отцом я боялась, что меня стошнит

— Промиз, — сказал он, довольно усмехаясь. — Я очень доволен тобой.

— Спасибо, отец, — покорно сказала я, хотя, на самом деле, я хотела закричать на этого

человека и колотить по его груди своими недостаточно сильными кулаками. Он отдавал меня, также как отдавал своих других дочерей до меня. Так же он будет отдавать своих дочерей и дальше, после меня.

Но не Дженни.

Я решила ни на что не рассчитывать в тот момент, я поняла, что моя участь была предрешена. Я не могла избежать этого. Но я хотела быть чертовски уверенной, что моя младшая сестра сможет избежать этого.

Уинстон Оллрид ждал меня в конце прохода, и я попыталась слабо улыбнуться. Когда мужчины разошлись, он уже не казался таким ужасным. В сорок с небольшим, он был с широкой грудью и залысиной. У него уже было четыре жены. Я надеялась, что это облегчит мою участь.

Когда Уинстон твердо взял меня за руку из рук отца, мой желудок скрутило при мысли о том, что произойдет позже.

Я не помнила обетов. Я полагала, что они не имеют значения в любом случае, так как их законность существовала только в Долине Иерихона и в местах подобных этому. Я больше не считала, что эти люди были от Бога. Когда слова закончились, Уинстон целомудренно поцеловал меня в губы, и окончательно поместил свою руку на моей талии.

Законы внешнего мира не действовали. Теперь я полностью принадлежала мужу.

Я предстала перед церковью, полной людей, как пятая жена Уинстона Оллрида. Моя мать, стоя рядом с отцом, нервно улыбнулась мне. За ними были другие три жены Джона Тальбота и толпа из моих четырнадцати братьев и сестер. В тот момент я хотела, чтобы тут были мои старшие братья. Мой отец не защитил меня, но они смогли бы.

Моя голова была опущена, и я все время пыталась поднять её и грустно улыбаться свадебным гостям. Это было то, на что я согласилась. Это была моя участь. Эштон Тальбот кивнул мне с суровым одобрением, когда мы вышли из церкви и прошли к дому моей матери, где уже была выставлена еда.

Моя мать все время пыталась запихнуть еду в меня, но мой желудок не был заинтересован в этом. Я закрыла глаза и подумала о счастливых годах, которые я провела в школе. В ходе четырехлетнего учебного плана, я была недолго увлечена введением в психологию. Было так много вопросов без ответов, например, почему люди делали то, что они делали. Я смотрела на счастливую суету студентов окружающих меня и чувствовала себя потерянной в рутинном мире людей. Можно было бы попытаться разобраться в них. Например, упорядочить их. Считаю что, это сделало бы их более организованными и точными. Но, в конце концов, они все еще могли бы шокировать вас и вести себя совершенно по-другому, непредсказуемо.

Я много раз говорила себе, что не вернусь. Моя двоюродная сестра Рейчел оставила всё одной отчаянной ночью, нищая и не от мира сего семнадцатилетняя девушка, но с большей силой воли в ее мизинце, чем у меня во всем теле. Я, конечно, должна была быть смысленей, чтобы оставить все. Но я знала, какова будет расплата. Моим родителям никогда не будет позволено увидеть меня снова. Дженни останется одна. Я сказала себе нет, я должна была вернуться.

Когда я рассматривала края рукавов, витиевато сложенных, на моих руках, я задалась вопросом о Рейчел. В школе я должна была использовать Интернет для того, чтобы завершить курсовую работу. Я была потрясена, загуглив «Рэйчел Тальбот», найдя ее улыбающееся лицо в профиле на Facebook. Моя двоюродная сестра была еще красивее. Я

знала, что за любую связь с непослушной дочерью ждет наказание, это если обнаружат, что мы переписывались. Рэйчел жила с мужчиной, в пустыне на границе между Калифорнией и Аризоной. Она была свободна. Она была счастлива. Я никому не сказала, что нашла ее. Даже Дженни. Я также искала своих братьев в огромном он-лайн мире. Но не нашла их.

Я вспомнила последнее сообщение Рэйчел посланное мне. Это было за неделю до окончания учебы, за неделю, до того как я должна была вернуться в Долину Иерихон. Она пыталась в течение последнего времени убедить меня, чтобы я не возвращалась.

"Промиз, они всегда будут лгать тебе. Они всегда будут говорить, что это твоя обязанность – играть временную роль, которую они придумывают для тебя. Это все фигня, дорогая. Я это знаю. Ты это знаешь. Оставь их. Сегодня, на следующей неделе, в следующем году. Ты всегда можешь прийти ко мне. Я люблю тебя. Рейчел".

Они всегда будут лгать.

В день моей свадьбы эти слова звенели в ушах, как будто Рэйчел сама стояла рядом со мной и настойчиво шептала их. А потом первые слова исчезли, и осталось только одно, которое повторялось снова и снова.

Ложь. Ложь. Ложь. Ложь.

Мой взгляд упал на открытое окно, где я могла видеть группу мужчин ютившихся на другой стороне. Эштон Тальбот, Эмори Тайн, Уинстон Олбрид, Джон Тальбот. Четверс мужчин. Двадцать две жены на четверых. Двадцать три, включая меня.

Они были старыми, непривлекательными. Они выпячивали грудь и практически возвышали их мнимую честь. Я была под их наблюдением всю свою жизнь, следуя вещам, которым они учили меня, лучше, чем я сама понимала. И когда я тихо сидела, наблюдая за ними, в моем свадебном платье, я поняла, что ненавижу их. Я закрыла глаза, чтобы они все исчезли.

Мягкие руки обняли меня сзади.

— Дженни, — я вздохнула, хотя это было больше похоже на всхлип.

Моя сестра поняла и обняла меня крепче.

Я отодвинулась немного, пытаюсь слабо улыбнуться.

— По крайней мере, я буду рядом, — сказала я. Крошечный готовый дом, уже построен для меня в пределах Долины Иерихон, рядом с которыми жили другие жены Уинстона, так чтобы у него не было необходимости уезжать далеко от дома.

Дженни не улыбалась. Она пригладила свою длинную косу и тихо сидела рядом со мной.

— По крайней мере, до тех пор, пока они не начали строить планы относительно меня. — Моя младшая сестра посмотрела на меня печально. — Это из разговора отца и епископа Тальбота, они не поняли, что я могу их услышать, — она нахмурилась, — или, возможно, их не волновало, что я слышу.

Ощущение холода начало расти в моей груди.

— О чем они говорили?

— О моей свадьбе с одним из старейшин Дельта-сити.

— Что? — Выдохнула я, поднимаясь со стула. Некоторые из жен отца повернулись и резко посмотрели на меня. Дельта-сити был нашим городом-побратимом (*Примеч. Города-побратимы — города различных стран, установившие непосредственные дружеские связи*

для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества) с другой стороны границы штата, но там была более строгая община, чем в Долине Иерихон. Город был захвачен большим человеком по имени Иосия Бастиан, который намеревался содержать, по крайней мере, пятнадцать жен. Несмотря на попытки вмешательства штата Юта и громкого осуждения из Солт-Лейк-Сити, они все еще выдавали замуж своих дочерей без их согласия, задолго до юридического возраста позволяющего это. Браки между двоюродными родственниками тоже не были исключением. И даже похуже этого.

Мои руки сжались в кулаки так крепко, что ногти впились в ладони. Моя сестра не будет страдать от такой судьбы. Уинстон Оллрид не казался безрассудным человеком. Может он мог бы порадовать свою новую жену, которую он ждал целый год. Я знала, что если он захочет, он смог бы повлиять на моего дядю, чтобы тот ничего не планировал.

И Дженни некоторое время будет в безопасности. Пока я не придумаю что-то еще.

3 глава.

Я попыталась улыбнуться, когда мой муж пришел за мной. Лицо Уинстона было открытым, и приятным, когда он крепко обнял меня за плечи. Четыре женщины, которые были теперь моими сестрами по замужеству стояли рядом, наблюдая за нами со смешанным выражением лица.

Делия была первой женой. Ее лицо выражало поддельный дружеский вид, который означал, что она, скорее всего, как моя мать, тихо принимает события в своей жизни.

Лия, вторая жена, с нежным взглядом и привычкой держать глаза опущенными в пол, пока говорит едва слышным голосом.

Мэри только устало смотрела, согнувшись под огромным бременем еще одной беременности.

Но Дебора была всего на два года старше меня, хотя она была четвертой женой Уинстона за шесть лет. У нее было выражение лица, которое обеспокоило меня. Ее взгляд скользнул по моему лицу и лицу мужчины, считавшимся нашим мужем. В какой-то момент, во второй половине дня, она подошла ко мне с тревогой и, казалось, готова была что-то сказать, но была резко окликнута некоторыми из старших дам. Перед тем, как неохотно отойти, она окинула меня долгим взглядом отчаяния, который пронзил мою душу.

Прежде, чем я провела бы первую ночь в качестве жены, мои родители прощаются со мной.

Прекрасное свадебное платье теперь висело глубоко, а я была одета в длинное ситцевое, которое сшила моя мама.

Когда они оба потянулись ко мне, чтобы обнять, я обнаружила, что с трудом подавляю свою кипящую ненависть к ним. Мой отец вел себя, словно бог среди всех людей, он не осознавал своей жестокости. Он улыбнулся мне, вероятно, полагая, что он все сделал правильно, во благо его веры. Он позволил мне пожить короткое время в мире, прежде чем потребовал, чтобы я сдержала обет вернуться в Долину Иерихона и вышла замуж. Я позволила ему поцеловать себя в щеку, а потом мое сердце к нему навсегда закрылось.

А моя мать? Она была совсем юной невестой. Это была та жизнь, которую она знала.

Единственная возможность, которую она видела для дочерей. С чувством боли я поняла, что однажды, спустя годы я буду стоять на ее месте. И также отдавать свою дочь.

Нет! Ложь. Ложь. Ложь. Нет.

Когда я шла ранним летним вечером рядом с моим мужем, я молча поклялась, что у меня все будет по-другому. Я поступлю иначе. Уинстон Оллрид не может быть настолько плохим. Он терпеливо ждал, пока я закончу учебу. Много раз он звонил мне, когда я была дома на каникулах, его, казалось, интересовала моя учеба, и выслушивал мое мнение. Он поможет мне. Он поможет Дженни.

Мы были вне поля зрения свадебных гостей, поднимаясь на холм, за которым простирались владения семьи Оллрид. Мой новый дом находился в самом конце дороги.

Рука Уинстона держала меня за плечи во время прогулки. Он периодически говорил со мной, указывая на бесчисленные хозяйства: семейство воробьев или как прекрасен закат, проникающий сквозь деревья. Я решила, что он пытается успокоить меня и была немного благодарна ему за это.

Дойдя до двери дома, в котором я буду жить, он вздохнул и повернул ручку. Люди не

запирали двери в Долине Иерихон. В этом не было надобности.

Когда он открыл дверь, я осторожно вошла внутрь, осматривая уютную обстановку. Щелчок двери, закрывающейся за моей спиной, напомнил мне, что он ждал. ЧЕГО он ждал.

Уинстон Оллрид медленно шел ко мне с легкой улыбкой на лице. Из-за летней жары на лбу образовалась струйка пота, и он небрежно вытер её.

— Промиз, — сказал он приятным голосом. — Твой дядя сказал, что ты не хотела, чтобы свадьба состоялась.

Я покраснела от раздражения. Я должна была догадаться, что епископ не скроет такую вещь. Я смотрела на своего мужа. Нам нужно начать этот новый путь со счастливой ноты.

— Уинстон, я знаю, как долго ты ждал меня. Мне жаль, что я сомневалась.

Он кивнул, словно был доволен моими словами. Он приблизился еще на один шаг.

— Тем не менее, — сказал он весело. — Ты должна быть наказана за неуверенность, пусть и мимолетную, но она была.

И тогда Уинстон Оллрид ударил меня кулаком в живот.

Я упала на пол, он выбил из меня весь дух. Меня никто специально не бил раньше, и мой разум закричал от шока, когда легким не хватило воздуха.

Когда мне удалось сделать вдох, Уинстон протянул мускулистую руку ко мне и разорвал мое платье донизу. Я больно ударилась головой о деревянный пол, когда он сильно толкнул меня, срывая мое белье. В это же время он расстегнул свои брюки.

Я смотрела с тревогой на то, что висело у него между ног. До этого я никогда не видела мужчину полностью голым. Покрасневший ствол была натянут и уродлив. Я пыталась увернуться, однако до сих пор не могла нормально дышать, и комната начала вращаться, когда мне перестало хватать кислорода. У меня даже не было сил сопротивляться. Не то, чтобы это изменило что-то.

Рядом не было никого, кто мог бы остановить Уинстона Оллрида, сделать с ним то, что он хотел сделать со мной.

Но, когда мои легкие, наконец, наполнились воздухом, я закричала, как никогда до этого. От боли, от ярости, от унижения. Я не думала о своих действиях. Это породило жестокость, на которую я не рассчитывала. Уинстон хмыкнул, легко подчиняя меня, он насильно взял ту часть меня, которой я никогда не касалась. Все это время его руки мяли мои груди так злобно, что я не знала из-за чего мне плакать больше. Впоследствии, когда я лежала на полу изнасилованная и окровавленная, мой муж застегнул штаны и заговорил непринужденным голосом.

— Промиз, тебе следует поправить свое платье.

И только потом, когда я попыталась подняться, держа разорванную ткань моего простого платья, пытаюсь соединить его руками, я поняла, смысл жалостливого взгляда Деборы.

Уинстон Оллрид беспощаден. Я была потрясена, не прошло и получаса после первого жесткого совокупления, когда он снова пришел ко мне. Это было невозможно стерпеть. Та часть меня, которую он желал, была живой, открытой раной. И в этот раз я дала отпор. Все остальное не имело значения. Он бил меня нарочно в места, которые могли быть хорошо скрыты под скромным нарядом. Удар по ребрам. Удар по почкам. Увидев, как горели его глаза, его высунутый кончик языка, я поняла, что он наслаждался этим. Чем больше я сопротивлялась, тем больше он бил меня, тем сильнее он возбуждался.

Для того, чтобы покончить с этим, я перестала сопротивляться.

Уинстон, наконец, исчерпал себя и, громко храпя, заснул. Я лежала голая под тонкой простыней, боясь коснуться собственного тела. Моя грудь пульсировала, пронизывающая боль пробежала сквозь ребра, когда я вдохнула слишком глубоко, и я все еще чувствовала, что кровь текла из опорожденных недр между моих ног.

Я смотрела в потолок и слова Рейчел мелькнули перед глазами.

"Брось их. Ты всегда можешь прийти ко мне".

Проблеск надежды осветил мою душу. Я могла одеться, найти главную дорогу и добраться до Харпер, общественного города в двадцати пяти милях отсюда, спустившись вниз по дороге. Если я буду двигаться, скрываясь за деревьями, я могу оказаться там прежде, чем иерихонцы обнаружат мое исчезновение и отправятся на поиски. У меня были друзья из Хейл, которым я могла позвонить. Я знала, что многие, за пределами границ Долины Иерихона, готовы помочь мне.

Но я никогда не смогу вытащить Дженни. Если я сбегу, они будут надежно держать ее под замком. Единственное, что было хуже, чем воспоминание о том, что я пережила, за закрытой Уинстоном Оллридом дверью нашего дома, была мысль, что у моей нежной сестренки была та же участь.

Я повернулась лицом к прохладной льняной наволочке и старалась сдерживать тихие рыдания.

Утром я быстро искупалась и потренировалась держать голову, намеренно избегая смотреть на ужас, который, уверена, отображался на моей бледной коже.

Я зашила платье, как приказал Уинстон. В спальне, в кедровом шкафу висело еще несколько платьев ручной работы. В то время как в Хейл, мне было разрешено одеваться в общественную, хотя и скромную, одежду, чтобы не провоцировать вопросы. Но так как я соблюдала требования Долины Иерихон, то мне для церкви нужны были платья до пят с длинными рукавами. Теперь-то, в такой одежде, я осознала, что значит быть угнетённой.

Кто-то, вероятно, одна из жен-сестер, наполнила холодильник. Свежие яйца из одного семейного курятника лежали в корзинке на столешнице. В шкафчике уже было несколько чугунных сковородок. Я взяла одну и начала готовить яйца, мои плечи сжались, когда я услышала, что Уинстон пошевелился в соседней комнате.

— Доброе утро, жена, — весело сказал он, целуя меня в щеку с любовью так, что я посмотрела на него в шоке.

— Доброе утро, Уинстон, — тихо сказала я.

Уинстон взглянул в сковороду и усмехнулся. — Яичница?

— Да.

Он стоял у меня за спиной, когда я попыталась сосредоточиться на приготовлении яичницы.

Когда я услышала, как его дыхание начало учащаться, я закрыла глаза, мой разум уже знал, что придется вынести моему телу снова.

В дверь резко постучали. Я выдохнула с облегчением, радуясь даже временной передышке.

Уинстон пошел открывать, и я услышал шепот нескольких низких мужских голосов. Мне показалось, что среди них был голос моего отца.

— Промиз! — Позвал раздраженно Уинстон.

Я выключила плиту и вытерла руки о платье. Я двигалась медленно и неуклюже, от ударов, нанесенных мне.

В небольшой гостиной стоял мой муж, отец и мой дядя. Все трое выглядели мрачными и серьезными.

— Наши гости хотят пить, — пояснил Уинстон, не глядя на меня.

Я вернулась на кухню и налила три стакана воды и быстро отнесла их, возвращаясь обратно в гостиную. Мой дядя заговорил.

— Жаль, что ты так скоро покидаешь свою новую жену.

Уинстон покачал головой: — Я возьму Промиз с собой.

Эштон Тальбот был недоволен. — Ты не должен позволять ей возвращаться в Мир так скоро. У неё появляются фантазии, после долгого времени, проведённого вдали.

Уинстон властно привлек меня к себе, после того, как я молча подала стаканы с водой. — Ерунда. Промиз — послушная, — сказал он, проводя рукой по моей талии.

Я вздрогнула, и не только потому, что он говорил обо мне так, как говорят о собаке. Боль в моем теле возникала даже от малейшего прикосновения. Смутно я решила, что одно или несколько моих ребер были сломаны.

Мой дядя заворчал и покачал головой, но больше не возражал. Однако мой отец смотрел

прямо на меня. Я смотрела на него. Что-то вроде печали окрасило его лицо, но я не дала ему и намека на улыбку, увидев которую, он поверил бы, что все в порядке. Всё в порядке не будет никогда. Наконец, он отвернулся.

— Упакуй необходимую одежду на три дня, — сказал мне Уинстон вскоре после того, как мужчины ушли.

Я была сбита с толку. — Куда мы едем?

Уинстон сидел на диване с открытым портфелем и перебирал бумаги. — Феникс, — рассеянно сказал он. — А потом в Лос-Анджелес. У меня бизнес в обоих городах, который требует определенного внимания. Мы выезжаем в течение часа.

— Бизнес? — Я нахмурилась. — Ты о садах? — Насколько я знала, Уинстон Оллрид владеет и управляет огромными ореховыми садами пекана (*Примеч. разновидность ореха*) за пределами Долины Иерихон. Он нанимал женщин и детей в городе на период уборки урожая.

Уинстон медленно поднял голову и посмотрел на меня. — Ты просто делай то, что я говорю, женщина.

Он не позволил мне остановиться у дома матери. Я откинулась на роскошное пассажирское сиденье Кадиллак Эскалэйд, интересно, но это было лучше в любом случае. Было бы трудно скрыть физическую и душевную боль от моей сестры. Для меня было легче уехать на несколько дней.

После того, как мы покинули Долину Иерихон, Уинстон стал почти дружелюбным. Мы не останавливались, пока мы не достигли Флагштока, где он купил мне обед в симпатичной столовой. Я заметила, что остальные посетители уставились на убогий и длинный дизайн моего платья и на мои простые черные туфли. Некоторые женщины с жалостью рассматривали меня.

Все они были одеты в удобную повседневную одежду. Я задавалась вопросом, мог бы кто-нибудь из них предположить о пережитом ужасе моей брачной ночи и помогли бы они мне, если они действительно знали о ней.

— Промиз, — строго сказал Уинстон.

Я обратила на него внимание.

Он нахмурился и откусил кусок от ростбифа, медленно прожевав, прежде чем проглотить и продолжил говорить. — Я надеюсь, что не ошибся, взяв тебя с собой. Ты должна будешь вести себя соответствующим образом.

— Конечно, — пробормотала я, глядя на тонкое золотое кольцо на левой руке.

Уинстон слегка похлопал меня по руке. — Хорошо. Тогда давай больше не будет никаких недоразумений, которые потребовались прошлой ночью.

Я выпила воды, снова чувствуя смущение. Я видела, как заблестели его глаза, когда он коснулся темы о том, что уже сделал со мной. Это не было его «недоразумением».

Но я вынуждена и дальше играть свою роль вместе с ним. Я накрыла его руку своей. — Я очень хочу, чтобы мы счастливо начали нашу совместную жизнь.

Он кивнул и еще раз откусил кусок ростбифа.

Я поджала губы. До этого, ночью, когда я лежала с болью, в темноте, я репетировала, что скажу, когда придет время.

— Уинстон. — Мой муж посмотрел на меня. — Я верю, что сейчас я — счастливая невеста, потому что у меня были те года в колледже. У меня было достаточно времени, чтобы увидеть, является ли эта жизнь той, которую я действительно хотела. Иначе, как бы я

могла быть уверена, что это праведный путь.

Его глаза сузились. — Я знаю, что ты колебалась вчера утром, Промиз.

Я опустила голову. — Иногда дьявол находит нас, независимо от того, насколько мы готовы к встрече с ним.

Уинстон кивнул. — Он таков.

Я подарила ему улыбку, которая на каждый дюйм была лживой. — Я благодарна, что ты на моей стороне и будешь наставлять меня, — казалось, он был доволен, поэтому я продолжила. — Хорошо, если будущий муж Дженни даст ей такую же возможность найти собственный путь.

— Дженни, — Уинстон нахмурился.

— Да, — я ухватился за его толстую руку. — Пожалуйста, подумай об этом. У тебя есть огромное влияние в церкви.

Его глаза, казалось, потускнели. Он отдернул руку, и его тон стал ледяным. — Ни одна женщина не может говорить, что я должен делать и чего не должен.

Я закусил губу. Я не хитрила, как большинство женщин, и я ошиблась насчет Уинстона Оллрида. Он не был рассудительным, как большинство мужчин. Или, скорее всего, он был точно таким, как большинство мужчин.

Когда я вышла из машины, в Фениксе, оказалось невыносимо жарко. Был июль, лето было везде, но тут, в пустыне, лето было особо изнуряющим. Я почувствовала слабость, когда следовала в комнату Уинстона в роскошном отеле, где он, по—видимому, останавливался прежде, во время других тайственных командировок.

Как только дверь в комнату открылась, я сразу же направилась к кровати и села расслабившись. На моем теле были места, которые ныли и болели, требуя отдыха, но вот мои ребра, беспокоили меня больше всего.

Я осторожно коснулась места слева от моего позвоночника, откуда исходила самая острая боль. Пытаясь сидеть прямо в течение всех этих километров, дорога оказалась сущим адом. Я думала, что если бы я только смогла отдохнуть, то это было бы совсем другим делом. Я надеялась, что тайные встречи Уинстона могут пройти без меня.

— Ну что ж, — сказал он тихо, покачиваясь в мою сторону, держа руки на пряжке ремня. — Ты очень нетерпелива.

Я знала, если заплачу и буду сопротивляться, он только сделает еще большее. Смирившись с судьбой, я лежала на кровати с мрачным отрешением, когда он поднял мое платье. Вторжение его толстого тела было резким, и болезненным, как никогда. Я уставилась на стену на Гранд-Каньон на картине и, молча, молилась Богу, я больше не верила в то, что это быстро закончится.

Этого и не случилось.

Уинстон дал ясно понять, что он не позволит мне оставаться в комнате одной. Я хотела сказать ему, что ему не нужно беспокоиться о возможности того, что я ускользну. Нет, если есть шанс, что, выдержав, я смогла бы помочь моей сестре.

Я сидела в кресле в углу роскошного конференц-зала на первом этаже отеля. Трое мужчин, которые сидели вокруг стола с Уинстоном, были одеты небрежно, но часы на запястьях и аромат власти, который они источали, выдавал их, как мужчин при определённых средствах.

Сидя в этом кресле, стараясь не облакачиваться, я была настолько поглощена затмевающей болью, что не могла уловить смысла их напряженной беседы. Я поняла, что

эти люди требовали некоторые гарантии от Уинстона, который уговаривал их ровным, уверенным голосом. Я уловила одну загадочную фразу, которая была произнесена многократно.

«Правоверный Кооператив».

Я смотрела на других мужчин. Они были не от церкви, я была уверена. Один из них, самый молодой, посмотрел на меня с любопытством несколько раз, и, казалось, хотел сказать что-то. Человек, сидящий напротив него, поймал взгляд и категорически покачал головой, свирепо глядя на молодого человека. Я закрыла глаза и вызвала счастливые воспоминания. Солнечный свет. Зеленый луг. И сбор полевых цветов с моей сестрой.

Я, должно быть, слегка задремала потому, что резко очнулась от грубого сжатия моего локтя Уинстоном. Остальные мужчины уже покинули комнату.

— Пойдем, Промиз. Я покормлю тебя ужином.

Я болезненно поднялась. — Уинстон, — я покраснела. — Мне нужно в туалет.

Мало того, что мой мочевого пузырь кричал, что он переполнен, так ещё теплый ручеек между ног предупредил меня о кровотечении.

Уинстон был нетерпелив. — Ты сможешь подождать до того, как мы поужинаем и вернемся в наш номер.

Я с трудом подавила желание ударить по его потной руке и послать в ад. Это было трудно.

Уинстон тащил меня с собой, как будто я была не более чем богатый аксессуар. Он заказал еду для меня, а затем критически оценивал, что я не ела, к его неудовольствию

Уинстон вытер креветочный соус со рта с белой салфеткой. Я смотрела на красное пятно на чистом льне. — Промиз, — сказал он строго. — Тебе нужно будет научиться заботиться о своем теле, если ты хочешь иметь полный дом детей.

Я уронила ложку, которую сжимала и прикусила язык так сильно, что почувствовал вкус крови.

Но слова вышли в любом случае. — Позаботиться о своем теле? Было бы легче "заботиться о своем теле", дорогой муж, если бы ты воздерживался от использования его в качестве боксерской груши, чтобы удовлетворить свои порочные желания.

Я сразу поняла, какую ошибку я сделала. Уинстон бросил салфетку, побледнев от ярости, кинул на меня убийственный взгляд. Я смотрела на него, зная, что он не мог прикоснуться ко мне посреди переполненного ресторана.

Он тоже это знал. Наша официантка, красивая, молодая женщина азиатской внешности, вернулась и радостно наполнила наши стаканы водой. Уинстон не сводил глаз с моего лица.

— Я хотел бы счёт сейчас, пожалуйста.

Официантка чирикнула веселым голосом. — Могу ли я заинтересовать вас нашим десертным меню?

— Нет, — сказал Уинстон с холодной улыбкой. — Мы закажем десерт в свой номер, спасибо.

Я смогла заставить себя пойти с ним обратно в комнату, и у меня была уверенность, что я продолжу покорно отдавать себя. Это было ради моей сестры. Я хотела сделать то, что должна была, чтобы не допустить этого для неё.

На этот раз Уинстон Оллрид не будет удовлетворен, нападая на меня физически. Он заставил меня раздеться догола и стоять перед зеркалом в ванной. Освещение отбрасывало суровый оттенок на синяки, которые покрывали меня ниже шеи. Он стоял рядом со мной и

приказал мне смотреть на себя, говоря грязные вещи.

И все это время я думала, как я могла так ошибиться? Я полагала, Уинстон был просто человеком, как мой отец; властный и влюбленный в себя, но никогда по-настоящему жестоким.

Но Уинстон был хуже. Он был тираном, монстром. Может быть, мой отец тоже был монстром. Может быть, все мужчины тайно были такими.

Я не позволила себе слез унижения, которые грозились пролиться. Но когда он снял ремень и начал битья меня по ногам, несколько слезинок скатилось против моей воли.

Когда его рука устала, он схватил меня за длинные каштановые косы, которые висели на спине.

— Сейчас ты будешь проявлять уважение к своему правителю и мужу.

Я слабо кивнула, чуть вскрикнув, когда он хмыкнул и яростно толкнулся в моё изможденное тело.

На следующее утро, когда мы направлялись на машине в Лос-Анджелес, вернулся вежливый Уинстон. Но теперь я знала достаточно, чтобы определить ложь. Мужчина, который купил мне пончик и нес мою сумку в машину, для меня не был тем же мужчиной, который насильвовал меня вдали от любопытных глаз.

На протяжении всего пути, он задушевно болтал о погоде и показывал мне особенности пустыни, когда мы проезжали вдалеке от Феникса и этому коричневому пустырю, который находился между мегаполисом с пригородами и Калифорнийской границей. Он задавал мне вопросы об акушерстве и рассказал, как нуждались женщины Долины Иерихон в моей помощи теперь, когда я закончила учебу.

Когда его рука опустилась мне на колено, я сдерживала себя, чтобы не убрать её в сторону.

— Промиз, — сказал он. — Я так рад, что мы, наконец, муж и жена.

Я кивнула, пытаюсь расположить тело таким образом, чтобы моя спина не касалась сиденья. Если мои ребра не были сломаны до прошлой ночи, то они, безусловно, были сломаны после неё.

— Да, — сказала я слабым голосом. — Я тоже.

И он, ухмыляясь, отвернулся и продолжил говорить о вещах, которые вообще не имели значения. Когда нас окутало унылый простор пустыни, Уинстон съехал с дороги на стоянку для отдыха. Мимолетно я разглядела знак, указывающий, что мы были в городе Хоуп. Уинстон приказал мне оставаться в машине, когда он заправлял машину бензином. Я не возражала, потому что, в любом случае, двигаться мне было очень больно.

Рядом остановилась машина, и из неё вышел смеющийся мужчина. Его маленькая дочь, которой было не больше шести, вышла из задней двери и прыгнула в объятия. Она поцеловала его в щеку и обвила маленькими ручками его шею, тогда, как женщина высунула голову с пассажирской стороны и улыбнулась им.

Человек поцеловал девочку в лоб, и она посмотрела на него с идеальным сочетанием любви и доверия.

— Ты самый лучший папа в мире, — сказала она с отрезвляющей искренностью, которая может быть только в ребенке.

Миниатюрная женщина, взрослая версия маленькой девочки, посмотрела на свою семью с любовью, когда мужчина поцеловал дочку в макушку и отправил ее обратно к женщине. Они шли рука об руку в сторону крошечного магазина у бензоколонки.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на тренировке неглубокого дыхания. Я надеялась, что родители маленькой девочки действительно любили ее так, как это выглядело.

Когда Уинстон закрыл дверь, вибрация пронеслась по мне и вызвала боль в спине, отчего я вздрогнула.

Я застонала, и почувствовала его взгляд на себе, но глаз не открыла, и он через мгновение, завел машину.

Когда я почувствовала, что автомобиль начинает ускоряться в сторону шоссе, снова открыла глаза. Тщательно разрисованный рекламный щит на обочине дороги из Хоупа, штата Аризона четко гласил: «Вы сейчас вне надежды».

Слова вызвали агонию в моей душе.

Я тупо уставилась на выжженную землю. Небо было невозможно синим, но я не чувствовала от этого удовольствия. И затем тихий вздох вырвался из моего горла от следующего дорожного знака, который я увидела.

Квартсайт : 37 км.

Уинстон резко взглянул на меня, но я ему слегка улыбнулась уверенной улыбкой, и он вернул взгляд на дорогу, забыв обо мне и повернув ручку приемника с какой-то классической музыкой.

Когда мы достигли границы Квартсайта, я смотрела с жадностью в окно, в поисках каких-нибудь признаков моей прекрасной кухни.

«Рэйчел. Рэйчел.»

Даже голос у меня в голове звучал слабо и жалобно. Тем не менее, я про себя обратилась к ней, желая, чтобы она знала, что я была здесь и что теперь знала, что она была права. И что, если бы у меня не было жестокого обязательства защитить сестру, я бы с радостью приняла любую помощь, предложенную ей.

«Рэйчел.»

Через несколько минут мы проехали по Квартсайту и подъехали к границе Калифорнии.

Время, проведенное в Лос-Анджелесе, было столь же скучным, как и в Фениксе. Я начала тосковать по Долине Иерихон, где внимание Уинстона было бы сосредоточено не только на мне.

Была еще одна, приводящая в замешательство, встреча, где я не могла тщательно сосредоточиться, ни на чем, кроме слов «Правоверный кооператив» снова. Я знала, что Правоверные лидеры разветвлялись на различные виды организаций. Я поняла, что эти люди, которые встречались с Уинстоном, имеют отношение ко всему этому. Но я не знаю, почему их слова были такими напряженными и тихими. Честно говоря, меня это все равно не заботило.

Вечером того же дня я сидела на двуспальной кровати отеля, которую делила с моим мужем, и наблюдала за ним с такой сильной ненавистью, что почти не видела.

Если бы он открыл глаза, то возможно испугался бы моего сердитого вида, словно бешеного призрака. Но он просто мирно спал, безмятежно, будто ничего со мной не делал или не планировал сделать. Каждый нанесенный мне жестокий удар мужа, напоминал мне одну историю, которую я читала еще девочкой. История была о лихой дикой лошади и жестоком человеке, который поймал ее. Он методично начал порочный процесс её воспитания, "ломая" ее, заклеив ей, чтобы она могла соответствовать его ожиданиям. С некоторым противоречием я размышляла, что Уинстон Олбрид должен прочитать эту книгу.

Я осторожно легла на плюшевый матрас, таким образом, чтобы вызвать наименьшую боль. Я была рада, что завтра у нас будет длинный путь обратно в Долину Иерихон, без остановок. Будет темно, когда мы доберемся домой. Я училась маскировать свои чувства, и я бы скривила всё, что случилось с тех пор, как Уинстон обнял меня за плечи в доме моей матери. Я хотела сделать все, что в моих силах, чтобы помочь Дженни избежать жизни, на которую подписалась я. И другим моим младшим сестрам, дочерям отцовских жен. Я бы ухаживала за женщинами и роженицами, как меня научили. С чувством тошноты я поняла, что я могу стать матерью намного раньше, чем ожидала. Хотя я старалась не думать об этом, мысли о семени Уинстона Олбрида внутри меня и его зародыше было достаточно, чтобы желчь добралась до горла. Я сглотнула и повернула голову. Теперь ничего не поделаешь.

Утром Уинстон снова был веселым. Он поцеловал меня в щеку и сказал мне, какими восхитительными были последние несколько дней. Он пояснил, что для мужчины, иметь такую роскошь, как провести много личного времени с его новой женой, это редкое удовольствие.

— Ты не хочешь, есть? — Нахмурился он, толкая тарелку с тостом ближе.

Я откусила кусок тоста. Все посетители вокруг меня, с удовольствием завтракали и уделяли мало внимания странно одетой девушке и дородному человеку, который сопровождал ее.

Уинстон громко жевал свой бекон и отхлебнул немного апельсинового сока. Его глаза мерцали.

— Промиз, — сказал он торжественно. — Ты будешь, рада узнать, что для твоего свадебного платья уже нашли другое Применение.

Я была в недоумении. — Да? Я не знала, что планируется еще одна свадьба. Это произошло вчера?

— Ммм, — Уинстон кивнул. — На самом деле это произошло в понедельник, во второй половине дня, после нашего отъезда. Это был скорее импульсивное решение, хотя Епископ планировал союз в течение достаточно долгого времени.

— Мой дядя берёт ещё одну жену?

У Эштона Тальбота уже было семь жен.

Уинстон покачал головой. — Не он. Это большая честь для вашей семьи, для нашей семьи, — он развел руками и продолжал улыбаться, — Иосия Бастиан получил послание Бога. Он принял новую невесту.

Упоминание о злобном проповеднике из Дельта-сити заставил меня отказаться от тоста. Я едва могла говорить. Я не хотела задавать вопрос, но это было важно.

— Кто невеста?

Уинстон лучезарно улыбнулся. — Твоя сестра. Дженни.

В течение долгого времени я не слышала ничего, кроме пульсации крови в моей голове.

Я не помню, как я закончила завтракать. Или вернулась к Эскалэйд. Но когда я вернулась к реальности, мы мчались на восток по I-10, обратно к границе Аризоны, а Уинстон Олбрид присвистнул в мою сторону.

— Промиз, — сказал он весело. Он не заметил, что я не взглянула на него. — Ты знаешь, почему именно тебя выбрали для поступления в школу?

Я не ответила.

— Тебя выбрали, — продолжил он, — потому что мы договорились, что ты вернешься. Ты бы не соблазнилась пороками общего мира. Ты послушная, Промиз. — Я слышала улыбку в его голосе. — Для женщины нет более подходящей черты.

Я не могла говорить. Уинстона, казалось, это не беспокоило. Он продолжил пошвыстывать.

Дженни. Мне жаль. Я должна уехать. И взять тебя с собой.

Мы добрались до тусклого городка Блайта, немного к западу от границы штата. Уинстон остановил машину у бензоколонки и начал отсчитывать деньги в своем кошельке.

Между жаром, охватившим мое тело, и скормленной мне ужасающей новости, мой желудок угрожал полномасштабным бунтом. Меня вырвет. Вот-вот.

— Уинстон, — прохрипела я, вываливаясь из двери. — Мне нужно в туалет. Сейчас.

Взгляд, брошенный на меня, был более чем свирепый, но он не заставил бы меня вернуться в машину. Не на публике. Он отсчитал шестьдесят долларов и направился к обслуживающей станции. — Давай шустрее, — все, что он сказал.

Мой маленький рюкзак лежал на переднем сиденье, поэтому я взяла его с собой. Солнце светило прямо в глаза, когда я поплелась к соседнему заведению «Король Бургер».

Когда я ввалилась через переднюю дверь, я с облегчением глотнула прохладный воздух.

Молодая женщина за прилавком посмотрела на меня. Татуировка покрывала левую сторону шеи и, когда она взглянула на меня, на ее лице проскользнула печаль, будто бы она знала, как я была унижена. И поняла, потому что такие же вещи происходили с ней.

Я потянулась к подставке и взяла несколько салфеток, вытереть пот со лба. Тогда я и увидела мужчин.

Сначала я не знала, почему их вид так сильно задел меня. У одного был квадратный подбородок и темная борода, бандана повязана вокруг его черных волос, которые от этого казались длиннее. Он сверкнул улыбкой своему напарнику и поразил своей сокрушительной внешностью. Другой мужчина был темнокожим, мускулистым. Его черные волосы были подстрижены очень коротко, и он казался выше и мощнее, чем первый. Его пальцы барабанили по шаткому столику, и он держался напряженно, словно кот.

Не сами мужчины поразили меня. Я никогда до этого не видела ни одного из них. Тем не менее, было что-то еще знакомое в них. Несмотря на угнетающую жару, оба были одеты в потрепанные косухи поверх черных футболок. Простая надпись на спине была ярко красной.

ОТСТУПНИКИ.

Под этим, читались более мелкие белые буквы "МК". Я увидела еще одного мужчину, одетого так же. Он занимал почетное место на фото моей двоюродной сестры, размещенных в соцсетях.

Я не знала, что это значит. Возможно, это бренд, с которым я не была знакома. Но я в этом сомневалась. Так казалось на первый взгляд. Когда я, молча, стояла там, тихо разглядывая двух мужчин, темнокожий застучал меня и, казалось, насторожился. Я повернулась и побрела по коридору к ванной комнате.

В моем желудке почти ничего не было и после нескольких непродуктивных изнуряющих позывов, которые разбередили мои ребра, я плеснула холодной воды на лицо и вернулась к барной стойке. Все эти дни я почти не ухаживала за собственным телом. Не только потому, что оно по—прежнему болело, так еще и всепроникающий стыд захлестывал меня каждый раз, когда я должна была подмыться. С болезненным чувством я поняла, что где-то моя младшая сестра чувствовала себя так же, стон ужаса сорвался с моих губ. Я ненавидела то, что Уинстон сделал со мной. Я ненавидела Уинстона. Я ненавидела отца и епископа Талбота и Иосия Бастиана и даже маму за её слабость. Я ненавидела их всех.

И я поняла, что себя я ненавидела больше всего.

Человек, который привлек мое внимание в ресторане, шел по коридору в сторону уборной, когда я выходила оттуда. Он выглядел очень сильным. Мужчина посмотрел на меня с любопытством, но быстро свернул в сторону мужского туалета.

— Подождите, — прохрипела я. У меня было немного времени. Уинстон скоро придет за мной, если я не вернусь. И я была так слаба. От голода, от шока, от использования меня в качестве «груши для битья». Я знала, что не смогу остановить Уинстона, когда он запихнет меня обратно в Эскалэйд и заберет с собой.

Я споткнулась, и мужчина быстро поймал меня под руки. На его лице отразилась тревога, когда он поднял меня.

— Привет, — сказал он мягким, бархатным баритоном.

Я посмотрела ему в глаза. Я даже не была уверена, что он на самом деле знал Рейчел. Или, что он настроен, вмешаться в очевидно грязное дело. Но это единственный шанс, который у меня был.

— Меня зовут Промиз Тальбот. Рэйчел Тальбот моя двоюродная сестра, — слезы катились по моему лицу. — Мне нужна помощь.

Человек смотрел на меня самую долгую секунду, которую я когда—либо знала. И тогда в его в глубоких карих глазах мелькнуло мгновенное решение. Он щелкнул пальцами, и второй мужчина, который все еще сидел в кабинке, повернулся и резко направился к нам.

Он посмотрел на меня сверху вниз в замешательстве.

— Что там у тебя, Грейсон?

— Она говорит, что она двоюродная сестра Рэйчел.

— Похоже, будто она сошла со страниц собрания «Маленький гребаный Домик в Прерии». (*Прим. собрание сочинений Laura Ingalls Wilder под названием Little House on the Prairie — детские сказки*)

Грейсон нахмурился, ни на миг не отрывая глаз от моего лица.

— Мэд, ну давай. Что-то здесь не то, — его сдержанный акцент напоминал отрывки фильмов, которые я видела, он был уместен в этих северо-восточных городских бойнях.

Человек по имени Мэд кивнул мне. — Ты действительно двоюродная сестра Рэйчел?

Я кивнула, покачнувшись, в то время как Грейсон старался поддержать меня. — Да. Вы можете отвезти меня к ней? Пожалуйста?

Голос Грейсона понизился, а его темные глаза огляделись. — Ты здесь не одна, не так

ли?

Прежде чем я успела кивнуть и предупредить, дверь в «Король-Бургер» открылась, и Уинстон Оллрид появился внутри. При виде, придерживающих меня рук темнокожего незнакомца, его глаза расширились от гнева.

Но Уинстон был человеком, который умело скрывал гнев, когда хотел. Он холодно улыбнулся и подошел, протягивая мне свою руку.

— Я боюсь, что моя жена не воспользуется вашей поддержкой.

Когда он подошел ближе, я издала невольный стон и снова сжала сильные руки, которые были единственными, удерживающими меня.

Грейсон это заметил. Я видела, как его глаза сузились, когда он посмотрел с ненавистью на моего мужа, и я поняла, что он способен на насилие. Уинстон, казалось, это тоже понял. Его протянутая рука слегка сникла.

Голос Грейсона был ледяным и угрожающим. — Выглядит так, будто твоя жена не может ощутить другой поддержки.

Уинстон фальшиво улыбнулся ему в лицо.

— Промиз, — сказал он. — Мы уезжаем.

— Нет, — прошептала я.

— Что ты сказала?

— Нет, — сказала я снова, мой голос стал более четким. — Черт, нет.

Другой, которого Грейсон называл "Мэдом", захохотал за спиной.

— Промиз, — Уинстон заговорил голосом пропитанным ядом. — Мы уезжаем.

Грейсон ответил за меня:

— Слышь, мудака, я не знаю, что здесь за гребаные игры, но все кончено. Мы все слышали ее отказ, — он мягко оттолкнул меня за себя и стал в шести дюймах от моего мужа, сердито взирая на него сверху вниз. Уинстон взглянул неуверенно на меня, а потом зыркнул на Грейсона.

Другой мужчина небрежно обошел его, и встал рядом, выражая тихую угрозу. Испуганно глядя через плечо, Уинстон выглядел, как загнанная в угол крыса, по факту, это заставило меня чувствовать себя абсолютно удовлетворенной.

Вдруг тщательно культивируемый внешний слой Уинстона Оллрида развеялся, и его голос превратился в нечто похожее на негодующее рычание.

— Ты не можешь исчезнуть с чужой женой, нечистый дьявол.

Мэд разразился открытым завывающим смехом.

— Господи, — залопотал он, — здесь есть где-то гребанная скрытая камера? — Он сделал вид, будто ищет что-то. — До этого мудака серьезно добрались доэволюционные взгляды.

Грейсон, однако, не рассмеялся. Татуированная девушка за прилавком жадно смотрела на нас, как на кучку нервных посетителей.

Когда Грейсон, наконец, снова заговорил, его голос был настолько ядовитым, что даже я вздрогнула:

— Вперед, — прорычал он в лицо Уинстону. — Я рискну сдвинуть тебя с неправильного херового пути. Этот нечистый дьявол выдернет червяка между твоих ног и засунет его так глубоко, через твой сморщенный зад, что он вывернется прямо из твоего нездорового рта. Сейчас, — сказал он, мрачно улыбаясь и подойдя ближе к явно вспотевшему Уинстону, — у меня особое место для ненависти к мужикам, которые плохо

обращаются с женщинами, и то, как эта девушка смотрит на тебя означает — ты тот сорт ублюдков, что болтаются в моем хит-листе.

Мэд по-прежнему улыбался. Но его слова были в равной степени уничижительны, когда он наклонился к уху Уинстона:

— Другими словами, — сказал он, — уб*вай отсюда, пока твои руки и ноги целы.

Уинстон старался вытянуть шею из-за Грейсона, чтобы увидеть меня, но Грейсон легко перегородил ему дорогу.

— Ты здесь закончил. — В завершение сказал он.

Мэд толкнул Уинстона к двери. — Ты можешь позже подтереть задницу, — приказал он, а затем вытолкнул моего мужа на улицу. Он стоял, держась за ручку двери в тот момент, когда глаза пристально следили за фигурой уходящего Уинстона.

Грейсон, наконец, обернулся и слегка коснулся моего плеча. — Все в порядке, — сказал он с такой нежностью в голосе, что я не могла поверить, что тем же самым голосом он угрожал вырывать члены и засовывать их в жопы. Он посмотрел на друга, по-прежнему сосредоточенного на двери.

— Подтереть свою задницу позже? — Рассмеялся он.

— Да, — мужчина улыбнулся. — Разве ты не почувствовал запах этих HERSHEY SQUIRTS из его зада после того, как угрожал его ааах, сморщенной заднице? *(Прим. HERSHEY SQUIRTS коктейль, для него необходимо приготовить какао по обычному рецепту и добавить виски)*

— Ты полон дерьма.

— Неа, — друг Грейсона прищелкнул. — Он! — Он протрезвел, нахмурившись, когда увидел меня, тихонько съезжившуюся. — Так что же мы будем с ней делать?

Грейсон окинул взглядом «Король — Бургер». Несколько человек до сих пор смотрели на наш спектакль с особым интересом. — Отвезем ее к Рейчел, как она и просила.

— Боссу это не понравится. Это вероисповедующие люди из новостей. Это еб*нуто-странные люди.

— Эй, — нахмурился Грейсон. — Хватит этого дерьма. Я прослежу, чтобы подожгли только мою задницу, окей. Промиз, ты сказала, твое имя Промиз, верно?

Я кивнула.

— Ты все еще хочешь, чтобы я отвез тебя к Рейчел?

— Да. Пожалуйста.

Он кивнул, по-дружески улыбаясь. — Не обращай внимания на Мэддокса. Он может и выглядит как Адонис, но иногда он просто чертовски нервная старуха.

— Отвали, нечистый дьявол, — добродушно сказал Мэддокс.

Я сощурилась, когда мы вышли на улицу в жару. Я не увидела ни Уинстона, ни Эскалэйд.

Видимо Грейсон выглядел устрашающе.

— Ты уверен, что он сбежал? — Спросил он Мэддокса.

— Как проклятый кролик, — подтвердил удивительный мужчина, а затем закинул ногу на мотоцикл, припаркованный рядом.

— Ты повезешь ее, не так ли?

— Да, — согласился Грейсон, вытягивая что-то из отсека другого мотоцикла. Он блеснул улыбкой и бросил мне черный шлем. — Ты когда-нибудь ездила на заднем сиденье

байка?

— Нет, — я осторожно надела шлем.

Мэддокс рассмеялся. — Черт, вот это удар.

Грейсон перелез через плотное черное сиденье и указал за спину.

— Просто забирайся и крепко держись. Может быть, в этом платье не слишком комфортно, но я предполагаю, что мы ничего с этим не сможем поделать. — Он завел мотор. — Ты, возможно, уловила, мое имя, но я в любом случае представлюсь. Грейсон Меркадо.

Мне было достаточно трудно поднять ногу, чтобы сесть на сиденье. И когда я, наконец, размахнувшись, справилась, небольшой болезненный стон сорвался с моих губ. С моими поврежденными ногами, моим потрепанным центром и моими возможно сломанными ребрами, я едва была в состоянии удержаться на жестком сиденье и в неудобном положении.

Грейсон повернулся и уставился на меня, пока я пыталась, стиснув зубы, устроиться.

— Он нехило обработал тебя, не так ли?

Я кивнула, и слеза скатилась по щеке.

— Долбаный ублюдок, — сказал он тихо. Он вздохнул и посмотрел на меня с тоской.

— Только держись как можно крепче. Я поеду медленно. Мы окажемся на трассе менее чем за полчаса.

Я прижалась к нему, приложив щеку к горячей коже, покрывающей спину, грозное красное слово ОТСТУПНИКИ обжигало мои глаза так, что, когда я закрыла их, слово все еще стояло перед глазами.

— Спасибо, — прошептала я.

Если он и услышал меня, то не ответил.

Когда мы достигли шоссе, Мэддокс ехал бок о бок с нами и что-то кричал по ветру. Он, возможно, дразнил нас за медленную скорость. Грейсон покачал головой и Мэддокс умчался. Я была настолько сконцентрирована, цепляясь за спину Грейсона, так чтобы не свалиться на асфальт, что у меня не было сил думать о чем-нибудь еще. Но, когда сухой ветер поднял подол моего платья, и оно задралось до синяков на ногах, мрачное чувство восторга захлестнуло меня. Сегодня вечером я не подвергнусь пыткам Уинстона Оллрида. Я свободна.

И тут я вспомнила, что моя сестра не была...

Грейсон снизил скорость, когда мы достигли первого въезда в Куартцсайт. Когда он остановился на красный сигнал светофора, он окликнул меня.

— Ты в порядке?

— Да, буду.

Все что я увидела вокруг себя — пустыня прерывающаяся несколькими зданиями, разбросанными RV (*Прим. RV (Recreation Vehicle) — автомобиль для отдыха*) и кучкой биллбордов, рекламирующих заправку или столовую. Я покосилась куда-то вдаль, где на небольшой горке за пределами города взгромоздилась грубо выложенная 'Q'.

Грейсон пропустил ряд узких улочек, образованных в основном трейлерами и небольшими домами, большинство из которых не были похожи на разнообразные готовые строения в Долине Иерихон. Грейсон медленно повернул направо, и меня ослепил свет отраженный кучкой мотоциклов. Я увидела вывеску, на которой прочитала Бар «На дне реки» и тупо уставилась на него, интересно, о какой реке шла речь. Я увидела Мэддокса, человека, который помог Грейсону прогнать прочь Уинстона Оллрида. Он стоял перед зданием, скрестив руки на груди. И я увидела свою двоюродную сестру.

Она ходила рядом с Мэддоксом, и было очевидно, что он сказал ей, что мы едем следом. Вскрикнув, Рэйчел Тальбот, подбежала, спотыкаясь о гравий на стоянке, схватила меня в крепкие объятия, в ту же секунду, когда я слезла с байка Грейсона. Я держала ее, наслаждаясь чистым ароматом темных волос и прекрасным ощущением чьей-то заботы.

— Рэйчел, — сухо прохрипела я, не в силах остановить горячие слезы.

— Промиз, — всхлипнула она, потирая мой подбородок, — что они сделали с тобой?

И потом, было ли это от шока, от облегчения, или из-за сильнейшей боли от травм, я упала в обморок.

Я знала, до того, как открыла глаза, что была в незнакомом месте. И что там было много наблюдающих.

Красивое лицо Рэйчел расплылось в улыбке, когда я сконцентрировалась на ней. Она была красивой девушкой в Долине Иерихон. Но сейчас она превратилась в потрясающую женщину.

Она по-матерински пригладила мои волосы. — Привет, дорогая.

Миловидная блондинка, которая была Примерно моего возраста, принесла стакан воды со льдом, который молча, протянула Рэйчел. Рэйчел помогла мне попить, и я сразу взбодрилась, пока ледяная вода спускалась вниз по горлу.

Мужчина сбоку от Рэйчел выглядел знакомым. Он был крепкого телосложения с

вьющимися темными волосами за ушами, он склонился надо мной, беспокойно закусывая губу, когда его рука мягко опустилась на плечо Рэйчел. Я знала его имя. Его звали Каспер. Он был любимым Рэйчел, человек с фотографий, который носил куртку с надписью «Отступники МК». Он и сейчас был в ней.

Блондинка села на край дивана, где я лежала, и скрестила длинные, загорелые ноги. Она казалась сбитой с толку, глядя на меня, но пыталась быть дружелюбной.

— Эй, может быть, ты должна что-нибудь поесть. Хочешь печенья?

Каспер выругался и покачал головой, будто раздражаясь, но потом улыбнулся. — Никто не собирается, есть эти дрянные печеньки, Кира. На вкус они, как смола.

Действительно, едкий запах висел в воздухе, как если бы в последнее время здесь героически сгорела выпечка.

Кира посмотрела на него, надувшись: — Хотела бы я посмотреть, сделал ли бы ты это лучше.

Каспер фыркнул: — Ну, если завтра, я проснусь с долбанной вагиной, то попробую это сделать.

Я не съела больше, чем кусочек или два в течение последних двадцати четырех часов, но мой желудок все еще был ненадежен. Я попыталась слабо улыбнуться: — Может быть, позже.

Рэйчел до сих пор не отводила глаз от моего лица. Она помогла мне выпить несколько глотков воды, и я неудобно оперлась о спинку дивана.

Большой и очень волосатый мужчина материализовался, казалось, из ниоткуда. Он носил ту же кожаную куртку-безрукавку, как и другие, он почесал внушительную бороду, и уставился на меня: — Кто это, черт возьми?

Каспер вздохнул. — Двоюродная сестра Рэйчел.

— О! Почему бл*ть она одета, как Холли Хобби?

— Брэндон! — Закричала Рэйчел.

Брэндон мягко пожал плечами и отступил на кухню, потеряв всякий интерес.

Рэйчел посмотрела на Каспера с неммым вопросом, и он кивнул. Она прижалась лбом к его губам и прошептала «спасибо».

— Милая, — сказала она мне строго. — Я не хочу, чтобы ты о чем-то беспокоилась. Ты можешь оставаться здесь так долго, как тебе нужно. Мы позаботимся о тебе.

— Господи, — простонал мужской голос, и я нашла глазами говорящего. Он был худой, поджарый, и старше других мужчин.

— Должно быть, я пропустил встречу несколько месяцев назад, когда мы перестали быть байк-клубом и стали приютом для неимущих молодых женщин.

Киру, казалось, особенно оскорбили его слова. Она вскочила на ноги и закричала на него: — Да пошел ты, Тиг!

Он злобно улыбнулся: — Это предложение, ангелочек?

— Достаточно! — Закричал мужчина, который сидел в мягком кресле у двери. Среди многих людей тарасившихся на меня, я не заметила его до этого. Я уверена, что видела его уже, когда он все-таки встал.

Он был высокий, почти пугающе мускулистый, и смотрел на меня парой, больших поражающих синевой, глаз, которую я когда-либо видела. И от того, как все сидящие в комнате слегка выпрямились при звуке его голоса, я поняла, что он был главным.

Кира робко подошла к нему, обняв рукой за талию, и заглянула ему в глаза. Он вдруг

схватил ее за голову, зарываясь пальцами в её длинные светлые волосы, и пробежал большим пальцем по губам. Затем, так же внезапно, он опустил руку и посмотрел вокруг.

— Грей, — наконец, тихо сказал он. — Ты привез ее сюда, каков план?

Видимо Грейсон Меркадо был здесь, тихо стоя в противоположной стороне комнаты все это время. Он, казалось, подбирал свои слова с осторожностью, прежде чем говорить с лидером: — Я думаю, у меня его нет, Орион. Но ни один человек, не стоит того дерьма, и не отдал бы в лапы этого больного.

Орион, казалось, обдумывал это. Он кивнул моей двоюродной сестре: — Рейчел? Ты хочешь что-нибудь сказать?

Голова Рэйчел склонилась, и темные волны ее волос упали вокруг лица: — Каспер знает все об этом. Но остальные не знают. Промиз моя первая двоюродная сестра. Ее и мой отец — братья. И они также влиятельные члены полигамной религиозной секты, известной как Правоверные Последователи учеников и святых. Их церковь более строгая, чем большинство полигамных сообществ. Мы обе родились в городе Долина Иерихон, который, вероятно, звучит знакомо, так как в новостях говорят о нем, и не из-за каких-либо хороших причин, — она болезненно сглотнула и Каспер заботливо обнял ее. — Ты, наверное, слышал мой рассказ о бегстве из дома в семнадцать лет. Я убежала, потому что мой отец заставлял меня выйти замуж за шестидесятилетнего старика, который уже имел пять жен. Это то, чем они там занимаются.

Она подняла голову и посмотрела на каждого в комнате, один на один, и повторилась: — Это то, чем они там занимаются.

Я услышала, слабый стон из горла.

— Дженни, — прошептала я.

Светящиеся карие глаза Рэйчел расширились, а затем наполнились слезами.

— Нет, — сказала она, качая головой и сжимая руки на коленях.

Орион переваривал эту информацию. Он, казался, не из тех, кого колышет чья-то слезливая история, особенно, когда это может привести к проблемам. Но когда он посмотрел на Киру, его лицо изменилось. Строгие черты смягчились и его глаза стали нежными. Меня охватило чувство, что он был готов вышвырнуть меня, не моргнув и глазом, но что—то в его отношениях с Кирой заставило его пересмотреть это.

— Ладно, — сказал он тихо. — Я не знаю, что бл*ть сделали эти Правоверные ученики или как там они называются. Звучит как, безумная кучка, которой надо привести в порядок свои котелки, — он смотрел прямо на меня, — Но девушка может остаться.

Рэйчел выдохнула с облегчением, и Каспер с благодарностью кивнул Ориону. Кира встала на цыпочки и поцеловала Ориона в губы, обхватив руками его шею.

— Ты большой плюшевый мишка, — поддразнила она.

Он провел руками по её заднице на виду у всех и толкнулся в неё.

— Я покажу тебе, какой большой, — ответил он.

Брэндон побрел в комнату, неся пригоршню обуглившихся галет. — Что это? — Спросил он, закинув в рот несколько из них, смахнув крошки, упавшие со рта на бороду.

— Это свежее испеченный, черт возьми, пармезан, — устало сказал Каспер. — Мог бы, бл*, не разговаривать?

Глаза Рэйчел все еще искрились горем. Она попыталась улыбнуться мне.

— Давай, — сказала она, взяв меня за руку и пытаясь вытащить меня, — пойдём, отмоём тебя.

— Видишь? — Пробормотал Тиг позади. — Долбаное пристанище.

Я попыталась сесть, но адреналин, который поддерживал меня раньше ушел, и осталась только сильнейшая боль. Грейсон встал на колени рядом со мной, и попытался мягко помочь мне встать на ноги. Когда я встала, то увидела свою левую руку. Тонкое золотое кольцо было все еще на безымянном пальце. С вспышкой ярости я сорвала его и бросила через всю комнату. Я слышала свои истерические всхлипы в горле. Было не достаточно избавиться от кольца. Я посмотрела вниз, на светло-розовый ситец моего платья ручной работы и меня переполнило невыразимым отвращением. Все ужасное и угнетающее из мира Уинстона Оллрида было заключено в этом платье. Как глупо было верить, что я смогла бы изменить эту вещь.

— Эй, — сказал Грейсон с тревогой, когда я начала рвать ткань. Но он не мог остановить меня. Я слышала крики и поняла, что я была одной из кричащих. Я видела потрясенные лица и знала, что они были ошеломлены тем, что я делала. Но когда я, наконец, отодрала ткань со своего тела, шок обернулся чем-то еще.

Рэйчел издала крик отчаяния и упала на пол. Кира поморщилась и отвернулась в широкое плечо Ориона. Брэндон позволил горстке жеваного печенья выпасть из его рта. Даже Тиг сделал паузу и, показался слегка опечаленным при виде моего испещренного синяками тела. Мне было все равно. Я скомкала платье и бросила его изо всех сил. Я хотела поджечь его. Я хотела убить кого-нибудь.

Грейсон был тем, кто схватил покрывало с дивана и обернул его вокруг меня. Он пытался удержать меня на месте, но, когда его рука обернула мою спину, я громко закричала от боли в ребрах.

Грейсон нежно завернул одеяло вокруг меня и положил мою голову на свое плечо.

— Тише, — сказал он, его голос был горький и сострадающий, — никто не собирается причинять тебе боль. Не пока я здесь. Я обещаю. Я обещаю.

И, по мере того, как мои истерические всхлипы постепенно затихли, я поняла, что поверила ему.

Рэйчел мужественно пыталась скрыть горе на своем лице, пока помогала мне помыться. Только в доме Ориона была нормальная ванна, поэтому, по поручению Рэйчел, Кира набрала теплую ванну без пены.

До того как дверь в ванную закрылась, я услышала, что Грейсон вывел мужчин и тихо поблагодарил.

Я вздрогнула, когда опустилась в теплую воду. И там, в фарфоровой ванной цвета слоновой кости, я впервые за день осмотрела свое тело.

Моя бледная грудь была усеяна воспаленными синяками и на предплечье правой руки безошибочно была отметина от разъяренной руки. Я не помню, когда это случилось, да и потом, последние несколько дней, окончательно слились в моем сознании, в сплошной горестный туман. Я хотела знать, смогу ли я разобраться с этим позже, но потом решила, что не хочу.

На моих ногах остались красные полосы от ударов ремня Уинстона, и я все еще не могла сделать вдох из-за боли в ребрах. Саднение побитой промежности, превращалось в тупую боль, это вызвало у меня большее разочарование, чем все вместе взятое. Когда я закрыла глаза, то видела отвратительное лицо Уинстона, когда он ухмылялся и засаживал глубже в меня. Так что я, не моргая, уставилась в ванну, пока Рэйчел поливала водой на мои плечи.

— Я думаю, что, по крайней мере, одно из моих ребер сломано, — сказала я, наконец.

Она нахмурилась. — Где?

Я указала на место на спине, которое пронзила боль, когда я слегка коснулась. Рэйчел посмотрела на эту область, но не трогала. — Промиз, я думаю, что тебе нужен врач.

Я покачала головой. — Нет.

Нежная рука Рэйчел погладила меня по волосам. — Милая, тебе сильно досталось.

Конечно, я знала, что она была права. Моя курсовая и клиническая работа в Колледже акушерства Хейла состояла не только из одного акушерства. Уинстон мог нанести внутренние травмы. Осколки реберных костей могут привести к перфорации (*Прим. разрыву*) органов.

Но я не могла вынести мысли о том, что позволю какому-нибудь мужчине осмотреть моё тело. Я так и сказала ей и она опустила халат, который держала в руках, и уставилась на стену, как будто не хотела, чтобы я видела ее лицо. Наконец она повернулась ко мне и попыталась улыбнуться.

— Тебя могла бы осмотреть женщина-врач?

— Полагаю да.

— Я тоже так думаю.

— Хорошо. У меня есть подруга, которая живет в Паркере. Я позвоню ей. Я уверена, что она сможет осмотреть тебя прямо сейчас.

Она встала и нашла полотенце под раковинной.

Я опустилась в воду. Я не была готова подняться. — Рэйчел? Могу я посидеть здесь еще несколько минут?

— Конечно, дорогая.

Она открыла дверь и позвала Киру, прежде чем вернуться ко мне.

— Хорошо, что если Кира придет и посидит с тобой, пока я позвоню?

— Ладно, — я попыталась улыбнуться. — Я все-таки не собираюсь топиться.

— Этого у меня даже в мыслях не было. Просто ты не совсем устойчива и, возможно, тебе потребуется помощь.

Моя двоюродная сестра просунула голову за дверь и что-то пробормотала Кире.

— Рэйчел? — Позвала я.

Она вынырнула обратно из-за двери.

По моей щеке скатилась слеза. Я знала, что сейчас они польются рекой.

— Жаль, что я не послушалась тебя с самого начала. — Я чувствовала, что мне нужно объясниться.

— Я точно знала, знала, что были и другие способы жить. Просто, я думала, что так будет проще. Или, может быть, это было не совсем так, — мрачно продолжила я. — Может быть, просто во мне нет никакого мужества.

Рэйчел опустилась рядом с ванной и поцеловала меня в лоб.

— В тебе мужество десятка женщин, — сказала она и вышла из комнаты, сразу же робко вошла Кира.

Она села на закрытую крышку туалета, кивнув в сторону двери. — Она куколка.

— Рэйчел?

Кира кивнула и убрала золотистые волосы за уши. — Я даже не могу описать, как она помогла мне, когда я попала сюда.

— Как долго ты живешь с Орионом?

Она улыбнулась и покраснела. — Три месяца. Кажется,... я не помню уже, как жила до него, — затем она взглянула на меня, глаза переполняя жалость. — Черт, все, что этот ублюдок сделал с тобой, я надеюсь, воздастся ему в десятки раз.

Я поджала губы. — Вряд ли.

Она подняла брови. — Ну, я думаю, что если бы Грейсон смог бы сжать свои руки вокруг его шеи, парню бы недолго осталось. Тебе повезло, что ты столкнулась с ним. Хороший парень. Вышел из тюрьмы в прошлом году, но пусть это тебя не беспокоит. Орион сказал мне, что он даже не делал того, за что его посадили. Еще несколько недель назад он был с этой сумасшедшей сукой Талией. Но когда он перестал поклоняться ей, как она хотела, она начала наседать на Брэндона, думая, что он легкая мишень. Вот и все, чем она стала. Статус "женушка" и безопасность, все, чего она ожидала, ушло с этим. — Кира покачала головой. — Но ты не играй в долбанные игры с этими ребятами, настраивая их друг против друга. Грей бросил ее, словно старое белье, чем она и является.

У меня не было абсолютно никакого понятия, о чем толковала Кира, я просто согласно кивала, пока она болтала.

Она заметила, что я пытаюсь подняться из ванны. — Сюда, — сказала она, протягивая полотенце. Когда я обернула его вокруг себя, она выжала воду из моих длинных волос. — Я могу расчесать тебя, — сказала она тихо.

Я благодарно кивнула. Кира, которая никогда не встречала меня прежде, нескольких часов до этого, была возмущена всем, что со мной произошло. Грейсон был готов восстать против незнакомого человека и нанести увечья, если это необходимо, чтобы защитить меня, незнакомую девушку из ресторана быстрого питания. А что моя собственная плоть и кровь? Мои родители, вместе с широкой сетью братьев и сестер, дядь, тетя и двоюродных братьев и сестер в Долине Иерихон, все которые подкуплены Правоверными учителями, не сделали и

не сказали бы ничего.

Рэйчел пришла, неся голубое платье. — Нас примут, как только мы сможем туда попасть. — Она протянула мне платье.

Кира рассмеялась. — Она одевала меня в первый день, когда я появилась здесь, помнишь, Рэйч?

Рэйчел ласково обняла её, а затем вытолкнула ее из ванной комнаты. После того, как дверь закрылась, она аккуратно натянула платье на мое тело. Я заплела свои мокрые каштановые волосы в толстую тугую косу. Даже сухими мои волосы почти достигали пояса. Верующим женщинам было приказано не стричь волосы после начала менструального цикла. Им было разрешено подрезать их на три дюйма, после каждого родившегося ребенка.

— Рейчел? У тебя есть ножницы?

Подруга Рэйчел тепло встретила нас, когда мы прибыли в ее офис в Паркере, небольшом городке, который сонно расположился рядом с рекой Колорадо.

Доктор Кэлли Лопес отмахнулась от приемной медсестры, когда она попыталась собрать информацию о нас, и вместо этого, привела нас прямо в смотровую. Я вцепилась в руку Рэйчел. Кэлли настояла, чтобы я называла ее по имени, пока она задавала мне осторожные вопросы и спокойно выслушала мои ответы. Она не была похожа на врачей, которых я встречала в Солт-Лейк-Сити; ее волосы были короче, чем у большинства мужчин и была татуировка в виде синей слезы под левым глазом на ее безупречной светло-коричневой коже.

После серии рентгенов и аккуратного осмотра моих травм, она тихо попросила меня лечь на кушетку. Грубая пеленка шуршала под спиной, пока я делала то, что она просила, разводя мои ноги для последующего осмотра. Вошла медсестра и Кэлли пробормотала что-то о наборе после изнасилования. (*Прим. Комплект после изнасилования состоит из небольших коробок, микроскопа и пластиковых мешков для сбора и хранения доказательств, таких как волокна от одежды, волос, слюны, спермы или жидкости организма и тд.*)

— Изнасилование? — Поперхнулась я. — Нет, это не было изнасилованием. Он был моим мужем.

Но когда я сказала это, я поняла, как я ошибалась.

Кэлли посмотрела на меня с такой заботой, что я захотела заплакать. — Если он заставил тебя, Промиз, то это было изнасилование. Его личность не имеет значения.

Изнасилование. Я была изнасилована. Я жертва изнасилования. Так я о себе никогда не хотела думать. Я повернулась к стене, закрыла глаза и действительно заплакала. Кэлли диагностировала сломанные ребра, множественные ушибы и некоторые внутренние разрывы. Она выявила пострадавшие ребра и рассказала мне о том, как выполнять ежедневные дыхательные упражнения, чтобы избежать возможной пневмонии. Потом она нахмурилась и сверила свои записи.

— Твои месячные регулярные, Примерно каждые 28 дней?

— Да.

Ужасный холод распространился по моему кишечнику. Она кивнула и посмотрела на календарь на стене.

— Таким образом, твой следующий менструальный цикл должен начаться через неделю. Если они придут не в срок, то, я хочу, чтобы ты прошла тест на беременность.

— А что потом? — Прошептала я.

Кэлли утешительно похлопала меня по колену. — Тогда от этого и будем двигаться дальше, конфетка.

Поблагодарив от всего сердца Кэлли, Рэйчел очень притихла. Когда мы вернулись в ее старую машину, я заметила, что ее руки слегка дрожали. Я понимала, что это все должно быть трудно для нее в некотором роде. Это призрак из нагрянувшего прошлого, напоминавший ей о вещах, которые она, скорее всего, ненавидела вспоминать.

— Рэйчел? — Позвала я ее.

Когда она посмотрела на меня, я улыбнулась. Я захотела быть не запятнанной зверством Уинстон. Я захотела жить.

— Я умираю от голода. Думаешь, мы могли бы где-нибудь поесть?

Рэйчел Тальбот улыбнулась. — Я уверена, что где-то в этом городе есть стейк с моим именем.

Рэйчел разгорячилась в своей обычной разговорчивости, когда мы сидели в броской оранжевой кабинке ресторана в Паркере. Она красочно рассказывала о прошедших годах, с тех пор, как покинула Долину Иерихон. Какое-то время она жила в Фениксе, заработав денег благодаря окружному конкурсу красоты, и даже выиграла титул. Когда деньги иссякли, она решила отправиться в путь и попытаться счастья в Лос-Анджелесе. А потом ее автомобиль сломался в Куартзсайте и все изменилось.

Я оттянула подол моего короткого платья, подсознательно ощущая синяки на ногах. — Это была любовь с первого взгляда? — Спросила я. Я хотела услышать, что иногда отношения хорошо начинаются и благополучно завершаются.

— Не совсем, — засмеялась она. — Я думала, что Каспер Вайц был бойким на язык, саркастическим сукиным сыном, и не признавалась, что он проник под мою кожу, даже когда мы нерегулярно потели на простынях. Но я знала, сойдясь с ним, что он был чертовски лучшим, что у меня когда-либо было.

Внезапно она изменилась в лице и одернулась. — Черт возьми, — прошептала она. — Мне очень жаль, Промиз. Я не должна говорить тебе об этом дерьме, после всего, через что ты прошла.

— Нет, не говори так, — я покачала головой, заметив, что чувствую себя гораздо свободнее без гривы густых волос, что тянули меня вниз. Рэйчел подстригла их достаточно коротко, так, что концы не достигали плеч на два дюйма (*Прим. 5 см*). — Я имею в виду то, как ты говоришь об этом, это в своем роде мне чуждо...

Мой голос затих, так как непрощеный ужас прикосновения, избиения, соития, вернулся обратно.

В глазах Рэйчел были слезы, когда она взяла меня за руку. — Так будет не всегда, дорогая, — сказала она.

Я не могла ответить. Я только надеялась, что она была права.

Официант принес нашу еду, и я была удивлена своему хорошему аппетиту. Подумав об этом, я поняла, что нормально не ела в течение нескольких недель, в страхе ожидая день своей свадьбы. Несмотря на то, что еда была простой и жирной, я наслаждалась её вкусом, как ничем другим на моей памяти.

Рэйчел начала рассказывать мне об Отступниках, пока ела хорошо приготовленный стейк. Я прервала ее. — Так что такое Отступники?

Она склонила голову набок. — О, да, я забыла, что ты не знаешь. Ладно, Отступники это мотоклуб, братство. Эти ребята сделают все друг для друга. Это связь, которая глубже, чем

дружба. Это семья.

Когда я покончила с последним куском на тарелке, я кое о ком подумала. — И Грейсон?

— И Грейсон, — улыbnулась она. — Да, он был немного неотесан, когда впервые попал сюда, но это из-за шести лет, проведенных за решеткой. Он лучший из большинства, после Каспера. Ты знаешь, Грей спас жизнь моему мужчине однажды. Это было до того, как я приехала в Куартзсайт. Они вместе сидели в Пикачо, тюрьме, и подружились. Кас сидел год за кражу автомобиля и нарушил условно-досрочное. Во всяком случае, он перебрался на неверную сторону какого-то животного, который думал, что он был вершиной пищевой цепи. И у него было много приспешников, чтобы делать свою грязную работу. Все, что я знаю, что Грейсон вмешался, хотя он знал, инцидент будет стоить ему УДО.

Я выпила воды. — Поэтому я думаю, что у него входит в привычку быть спасителем.

— Да, — Рэйчел кивнула, — что тоже хорошо.

— Да, хорошо, — я согласилась, откидываясь на пластиковую обивку. Мои ребра почувствовали себя лучше, когда Келли перевязала их, но до сих пор было ощущение, что я один гигантский синяк. Я подумала, как бы я жила сейчас, если бы Грейсон Меркадо прошел мимо меня сегодня утром, и решил, что я не его проблема.

Я вспомнила, что сказала Келли о моих месячных. Мысль, что Уинстон мог оставить меня с некоторыми последствиями содеянного, заставила меня измученно закрыть глаза.

— Промиз, — Рэйчел слегка коснулась моей руки.

— Просто устала, — прошептала я. Я слышала, как Рэйчел попросила у официанта счет.

Возвращаясь к машине, закат красиво играл красками на поверхности пустыни. Я была рада видеть его, рада, что я не вернулась в Долину Иерихон.

— Ты думаешь, я когда-нибудь увижу сестру снова? — Спросила я Рейчел.

Она вздохнула. — Я не знаю, — призналась она.

Рэйчел выделила мне на ночь кровать в ее трейлере. Каспер жил там с ней, но он добровольно перебрался на ночь в клуб.

— Я же тебе говорила, он — редкий экземпляр, — сказала она, глядя ему вслед с любовью, когда он ушел с жалким рюкзачком за плечом.

Я совсем забыла о маленькой сумке, которую взяла с собой, когда выбралась из автомобиля Уинстона. Кто-то, возможно Грейсон, оставил ее на крошечном обеденном столе в фургоне Рэйчел. Я порылась в ней, с облегчением обнаружив зубную щетку и другие туалетные принадлежности. А также несколько предметов гардероба: простое коричневое платье, запасную обувь и простое белое белье; все это, я сложила в кучу на столе Рэйчел.

— Я не хочу это видеть, — сухо сказала я. Я решила, что я скорее пробежусь по пустыне обнаженной, чем вновь надену одежду Верующих.

Рэйчел поняла и сгребла её в охапку. — Ты никогда не увидишь её снова, — твердо сказала она и исчезла на несколько минут, вернувшись с пустыми руками.

Я слышала шум из бара, когда ночная жизнь пришла в движение. Появилось много мотоциклов; на одних байкерах были куртки других клубов, на других вообще ничего не было. Вдобавок прикатило несколько разбитых машин. Рэйчел объяснила, что в основном она руководила баром «На дне реки», но Кира и Каспер сегодня на подхвате, чтобы она могла остаться со мной.

Мы больше не говорили о Дженни, или Долине Иерихон, или о чём-нибудь случившемся за последние двенадцать часов. Она дала мне мягкую футболку и свободные нейлоновые пижамные шорты, а затем залезла в кровать рядом со мной, взяв планшет. Она развернула вкладку эпизода причудливого шоу под названием «Замедленное развитие» и я задремала на ее плече. (Прим. «Замедленное развитие» — американский ситком, выходявший на телеканале Fox с 2003 по 2006 год. В основе сюжета — непростые отношения между членами семьи Блут, находящейся на грани разорения). Когда картинка на экране поплыла перед глазами, я поняла истинный смысл признательности. Я была признательна тому, что находилась в этом уютном трейлере далеко от Долины Иерихон с моей любимой двоюродной сестрой, вместо нападок в доме моего мужа. Я была признательна тому, что в мире есть порядочные мужчины, как Кэлли Лопес. И, прежде всего, я была признательна узнать, что на самом деле есть люди, в которых, под грубым внешним видом, было мужество и порядочность. Мужчины такие, как Грейсон Меркадо.

Рэйчел держала меня, словно ребенка, когда я погрузилась в блаженный сон. Мое тело в поисках ценного отдыха вытеснило кошмары, которые были закопаны в закоулках моего сознания. И этому я тоже была признательна.

Моя двоюродная сестра поднялась вместе с восходом солнца, и хотя она пыталась тихонько двигаться, я все равно проснулась от звука ее мягкого шуршания в крошечной кухне трейлера.

Я осторожно присела, все еще страдая от боли в тысяче мест. Но острая боль отступила, так как мое тело, наконец-то, получило шанс заживать без дальнейших повреждений. Усилилось урчание в животе, которое я отметила как хороший знак. Рэйчел улыбнулась при виде меня и предложила мне поджаренного хлеба с корицей и изюмом, а рядом поставила

тарелку нарезанных фруктов.

Рэйчел села напротив меня и раздвинула тонкие шторы на окошке рядом со столом. «На дне реки» был тихим и безжизненным. Ряд мотоциклов, припаркованных перед ним, по моим догадкам, принадлежали мужчинам Отступников. Хотя все они выглядели довольно похожими, я заметила, тонкие различия между ними и узнала эффектный мотоцикл Мэддокса с нарисованным пламенем, а также Грейсона — простой черный Харлей.

Я увидела возвышающуюся крышу клуба за пределами бара. Рэйчел объяснила, что там жили Кира и Орион, а мужчины занимали места, когда возникала необходимость. Некоторые члены Отступников жили в городе. Остальные жили в линии трейлеров припаркованных в случайном порядке на стоянке на несколько пыльных акров, окружающих бар. Рэйчел указала на пару аккуратных трейлеров Coleman (*Прим. Марка американских жилых прицепов*), которые принадлежали Тигу и Брэндону. Эйрстрим Мэддокса был похож на тот, в котором жили Рэйчел и Каспер. (*Прим. Эйрстрим (Airstream) — это старейший американский производитель жилых трейлеров*). Одинокий плохонький ветхий оставался вакантным, так как предыдущие жильцы бежали годом ранее. И там, в дальнем конце, был тот, где жил Грейсон. Рэйчел сказала, что он самый старый на участке, и Тиг, который гордился, узнав информацию о нем, сказал, что он был практически антиквариатом. Я с любопытством уставилась на дом Грейсона Меркадо. Трейлер был длинный бежевый цилиндрической формы, со странными округлыми окнами.

Рэйчел начала рассказывать мне версию похожую на историю имеющую отношение к Кире, о коварстве Талии. Я только слушала и кивала, поглядывая на колибри, которые задержались на сочных цветах кактуса Рэйчел, высаженных в глиняные горшки. Её захватил рассказ о Грейсоне. Я не бессердечная, чтобы сказать ей, что она зря тратит свое время. Я просто не могла думать о каком-либо мужчине таким образом. И, несмотря на заверения Рэйчел в обратном, я не была уверена, что это, когда это изменится и изменится ли вообще.

Движение в дальнем конце стоянки привлекло мое внимание: Грейсон вышел из своего трейлера, в рубашке и натянутых темных брюках, которые он рассеянно подтянул чуть выше, прежде чем вяло потянулся. И, несмотря на то, что минуту назад презирала мысленно всех мужчин, я нашла себя разглядывающей его сильное, накачанное тело. Когда он резко сделал сальто в пустынный песок, я вздрогнула от неожиданности.

Рэйчел подняла брови и вернулась к своему кофе, с небольшой улыбкой на лице.

Несколькими минутами позже Кира ворвалась без стука. У меня сложилось впечатление, что она так часто делала. Она несла под мышкой ноутбук и радостно улыбнулась мне.

— Сегодня ты выглядишь намного лучше! — Она села прямо на пол и открыла свой компьютер.

— Эй, можно мне тоже немного тоста? Брэндон продолжает съедать все мои злаковые.

Рэйчел рассмеялась. — Этот парень ест все, что не скрыто от его глаз.

Кира согласилась. — Он, наверное, съел все волосы, которые вчера обрезала Промиз.

Она посмотрела на меня. — Кстати, мне нравится. Твоя стрижка. Эй, Рэйчел, какой твой пароль Wi-Fi?

— RayCas0428. Ты спрашиваешь у меня это, по крайней мере, один раз в неделю.

— Не спорю, — набирая, проворчала Кира. — В последнее время моя память превратилась в дерьмо.

— Слишком много секса подорвало клетки мозга?

— Мммм, — Кира откинула голову назад и закрыла глаза, как будто вспоминая оргазм. Она вдруг вскочила. — Я скоро вернусь. Пойду, позабочусь о кое-чем утреннем стволе. — Она послала нам воздушный поцелуй и алюминиевая дверь скрипнула, закрываясь за ней.

— Ничего себе, — сказала я.

— Ах, да, — рассмеялась Рэйчел. — Мисс Кира думает, искусство дробления не было изобретено, пока она не появилась.

Я не знала, что ответить, поэтому я просто жевала кусок дыни.

Рэйчел подняла ноутбук Киры на стол и покосилась на экран.

— Что скажешь, если мы закажем тебе кое-какую одежду? Когда Кира попала сюда, мы прекрасно провели время, колеся по Куартзсайту, пытаясь подобрать новый гардероб для нее. Если мы закажем сейчас всё оптом и круглосуточной доставкой, то ты уже завтра сможешь что-то надеть.

— Рэйчел.

Моя двоюродная сестра посмотрела на меня.

Я обняла колени руками. — Я не знаю, как отблагодарить тебя за все.

На её лице отразилась нежность. — Вот и не надо, — тихо сказала она. — Я всегда надеялась, что когда-нибудь мои двоюродные братья, сестры, любой, кто уйдет из Долины Иерихон, придет ко мне.

Она взяла меня за руку и сказала прерывающимся голосом. — Я так рада, что ты здесь, Промиз. Так рада, что ты сбежала.

— Я тоже, — прошептала я. Когда она обняла меня через стол, я взглянула в окно. Грейсон Меркадо стоял в огромной песчаной пустоши, скрестив руки. Он задумчиво смотрел в нашу сторону и на мгновение наши глаза встретились. Потом он опустил взгляд и повернулся, исчезнув в старом трейлере.

Рэйчел помогла мне отовариться в Kohls.com. После выбора несколько пар джинсов и некоторых футболок, она уговорила меня на шорты, а также несколько стильных платьев, сказав, что я порадуюсь легкой ткани в этой пустынной жаре.

Через двадцать минут, Кира заскочила обратно, покрасневшая и хихикающая. — Сладкий Господь, — взвыла она, — мне нравится делать это сзади!

— Иди поправь свою Прическу-аля-секс, — отчитала её Рэйчел, и Кира стянула длинные белокурые локоны в быстрый хвост.

Улыбнувшись их дружескому стебу, я скрылась в крошечной ванной и приняла душ. Пока я расчесывала пальцами свои короткие, более управляемые волосы, я посмотрела на себя в зеркало. Я больше не выглядела, как верующая женщина, которая мне не по нраву. Я осторожно ощупала края бинта, которым Кэлли обвязала мои сломанные ребра. Уже было не так больно, как вчера. Она сказала, что пройдет от трех до четырех недель, прежде чем мои ребра полностью заживут, но я буду чувствовать себя немного лучше с каждым днём. Синяки на моей груди были еще темными, но уже начали желтеть, рассасываясь по краям, и отметина на руке значительно уменьшилась. Я надела тот же сарафан, который Рэйчел дала мне накануне, и открыла пакет нового нижнего белья, что она оставила для меня.

После того, как я оделась, единственными заметными следами насилия, которое я пережила, были рубцы от ремня, которым Уинстон бил меня по ногам. Отметины были красными и отвратительными, но я знала, что они исчезнут. Это было напоминанием о тех страшных днях, от которых было бы труднее исцелиться.

— Посмотри на себя! — Кира улыбнулась, когда я открыла дверь. Потом ее взгляд

опустился по мне вниз к ногам, и ее лицо вытянулось.

Я не могла этого выносить; все эти люди ужасно меня жалеют. Я освободилась. А другие женщины и девушки нет. Меня не нужно было жалеть.

— Я выгляжу хорошо, не так ли? — Спросила я дрожащим голосом.

Рэйчел обняла меня за плечи. — Ты прекрасно выглядишь, Промиз.

Вскоре, по двери промелькнула тень, я подняла голову и увидела Каспера в дверном проеме. Он глазел только на Рэйчел.

— Эй, детка, — промурлыкала она, потирая длинные ноги, а затем прыгнула в его объятия.

Я отвернулась, когда их языки бессовестно переплелись, но Кира смотрела на них с жадностью. Каспер подхватил мою двоюродную сестру, как будто она ничего не весила, и сказал нам, даже не глядя в нашу сторону. — Дамы, вы не против предоставить нам полчаса личной жизни?

Кира подмигнула мне и вытащила меня за дверь, после того, как я схватила пару сандалий Рэйчел.

Хотя Эйрстрим Рэйчел был на солнечной стороне, это было ничто по сравнению с пылающим зноем снаружи. Я посмотрела на блестящее голубое небо, удивляясь тому, как может быть настолько жарко в 9 утра.

— Хочешь зайти в дом? — Спросил Кира. — Я думаю, что еще раз попытаюсь приготовить это чертово имбирное печенье.

— О, — сказала я с удивлением. — Это то, которое должно было получиться?

— Да, — медленно сказал Кира. — Я думала, патока это что-то вроде уксуса, а оказалось, что ошиблась, — она призналась, пожав плечами.

С ударом открылась дверь одного из трейлеров Coleman и появился Тиг, он выглядел немного помятым. Он провел рукой по сидящим жирным волосам и поднял в нашу сторону глаза, прежде чем зажег сигарету.

— Они убьют тебя, — участливо отозвалась Кира.

Он улыбнулся. — Что-то же мне делать.

Затягиваясь сигаретой между грязными пальцами. — Где мужик?

Кира улыбнулась. — Восстанавливается.

— Господь Всемогущий, — сплюнул Тиг. — Вы, ребята, похожи на гребаных кроликов.

Кира расхаживала перед ним. — Вместо того чтобы ревновать, почему бы тебе не пойти и найти даму для себя?

— Была тут одна, — он улыбнулся. — Самая большая заноза в заднице, которая когда-либо ходила на двух ногах. Но блин, она отдалась большому боссу. — Он слегка нахмурился и приподнял сигарету в мою сторону. — Блядь. Извини.

— Дерьмо, — Кира скрестила руки на груди. — Тиг просит прощения. В лесу волки сдохли?

Тиг посмотрел на нее и выбросил сигарету в сторону от трейлера, прежде чем зайти обратно.

Она засмеялась и кивнула головой в сторону дома. — Так как насчет этого?

— Хорошо, — сказала я, глядя в сторону трейлера Грейсона.

Кира, казалось, читала мои мысли. — Может быть, ты подождала бы тут. Он будет рад увидеть, что тебе лучше.

— Хорошо, — я жевала губу.

Кира пробормотала что-то, смущаясь, о заколебавшем утреннем стояке, а затем оставила меня наедине с собой.

Я медленно подошла к трейлеру Грейсона, чувствуя себя очень открытой, и подсознательно скрестила руки. Вблизи я увидела, что трейлер был ближе к цвету ирисок, чем бежевым. Контуры внешнего вида в сочетании с небольшими, круглыми окнами придавали ему космический вид. Два штуковины, похожие на гигантские катушки ниток висели под тонким тентом, который тянулся от двери на десять футов. Небольшой саженец рядом с трейлером, казался неуместным.

Я провела рукой по кончикам мелких веточек дерева и со вздохом постучала в дверь. Я не была уверена, насколько неловкой будет встреча; в последний раз, когда Грейсон едва сказал мне хоть слово, был сразу после того, как я безумно порвала платье и обнажилась при нем и остальных Отступниках.

Он подошел к двери за секунды, по-прежнему без майки. Удивление отразилось на его лице, когда он увидел меня.

— Подожди, — хрипло сказал он и нырнул обратно во внутренний полумрак. Он вернулся через мгновение, натягивая майку через голову и открывая дверь.

— Ты выглядишь лучше, — он улыбнулся мне.

Я откинула свои волосы назад, до сих пор не привыкнув к тому, что они легко спадают на мое лицо, вместо того, чтобы заплести косу.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Он указал на штуковины за своей дверью. — Тяни бобину.

— Чего?

Он сел на плоскую поверхность одной из них. — Они когда-то были бобинами для кабеля. Теперь это замена столам, стульям, чему угодно.

— О, — Я осторожно присела на другую, скрестив ноги у щиколоток.

Глаза Грейсона спустились вниз к моим изувеченным ногам, и гримаса боли исказила его лицо, но он попытался в ту же секунду это скрыть. Мне было не по себе наедине с ним, и он, казалось, почувствовал, и находился на значительной дистанции от меня.

Я сглотнула. — Спасибо, — сказала я тихо.

Он знал, что я имела в виду. И он не собирался что-либо говорить, никакой ерунды.

— Добро пожаловать, — сказал он, наконец.

Мы сидели, молча, и когда я взглянула, то поняла, что он изучал меня. Вблизи я разглядела, как он красив. Его кожа была на несколько тонов темнее оливковой кожи итальянских сестер, которые учились в Хейл со мной. Его губы были пухлыми, а глаза были темными и изучающими.

— Кто такая Дженни? — Спросил он, наконец, вполголоса.

Я шумно выдохнула. — Моя сестра. Ее собираются выдать замуж за развратного лидера другой общины. Ей всего лишь шестнадцать, — закончила я сдавленным голосом.

— Бл*ть, — тихо сказал он, качая головой. — Мне жаль.

Я не могла сказать, что все в порядке. Во всяком случае, он знал, что это неправда.

— Как ты себя чувствуешь? — Он посмотрел на меня, сверху вниз, критически оценивая.

— Злой, — сказала я. Это было честно.

Грейсон понимающе кивнул, разглядывая расшнурованные черные военные ботинки, которые он носил.

— Дерьмо. Я них*ра не виню тебя за это. — Он поднял голову и легко улыбнулся мне. — Хотя, кажется, тебе действительно намного лучше.

Я попыталась улыбнуться в ответ. — Должно быть, я показалась тебе словно из девятнадцатого века.

Он думал об этом. — Согласен, — он притих. — А каким же показался тебе я?

Грубый. Темный. Опасный. Но это еще не все.

— Ты выглядел так, словно моя последняя надежда.

Он задумался. — Там, откуда ты родом у тебя не было людей, таких как я, не так ли?

Я подумала об Уинстоне, называвшим его нечистым дьяволом. Я думала о страшных вещах, которым церковь учила своих детей.

— Никого, — честно сказала я.

Он смотрел мне прямо в глаза. — Ты здесь в безопасности, Промиз.

Звук его голоса, когда он произнес мое имя, был подобен поражению электрическим током. Он имел в виду, что я была в безопасности с Рэйчел, с МК Отступники. Но более того, он имел в виду, что я была в безопасности с ним.

— Я знаю. Я это сразу поняла, Грейсон.

Мои слова, казалось, зажгли что-то в его глазах, и он отвернулся, глубоко вздохнув. Горячий ветер засквозил между нами, и мои волосы снова упали на лицо. Я откинула их назад и, увидела, что он опять разглядывает меня. Я хотела знать, что именно он видел во мне. Скорее всего, сломленную женщину, вызывающую жалость.

Становилось неудобно сидеть на бобине, потому что не на что было опираться, там не было спинок. Я передвинулась и поморщилась, ненавидя, что это снова напомнило ему, как он нашел меня. Он дернулся при моей болезненной реакции, и, казалось, почти собрался коснуться меня, прежде чем, остановился и посмотрел в сторону «На дне реки». Когда он наклонился вперед, рукав его футболки скользнул вверх, открывая татуировку на левом плече, которая простиралась до половины его предплечья. Это было крест, очерченный толстыми черными линиями. Внутри были слова «Ни один человек не может судить меня».

— Я знаю, — сказал он тихо. — Какого это ощущать себя униженным. Ожесточенным. Это нелегко выдержать и это съест тебя изнутри, если ты позволишь.

Я вспомнила, что говорила Кира о времени проведенном Грейсоном в тюрьме. В частности, что он был невиновен в преступлении, из-за которого там оказался. Я предположила, что это было о том, что он имел в виду.

Грейсон, казалось, в мгновение ока пришел в себя от своей непродолжительной тоски. Он усмехнулся. — Итак, ты сожгла то уродливое платье?

Я рассмеялся: — Все.

— Это подходит тебе лучше.

На долю секунды я поймала его взгляд, взгляд мужчины на женщину. Исчезнувший так быстро, что я даже не успела насладиться этим.

Я вяло поднялась с бобины. Когда мне показалось, что я могу грохнуться, рука Грейсона дернулась, чтобы удержать меня. Его рука задержалась на моем локте на несколько секунд дольше, чем нужно. Я не хотела уходить. Рядом с ним я чувствовала себя менее уязвимой. Но подумала, что я и не могла надеяться, что мужчина потащится вслед за мной, защищая от мира, как постоянный телохранитель. Я должна была научиться быть самостоятельной, если собираюсь найти способ помочь Дженни, даже если собираюсь найти способ помочь себе.

— Ладно, — сказала я, когда он неохотно убрал руку, — наверное, я могу помочь Кире выяснить, где она ошиблась в рецепте её печенья.

— Ох, дерьмо, — рассмеялся он. — Я боюсь, что причины может и не быть.

— Нет, — я мрачно покачала головой. — Такого не бывает.

Его улыбка исчезла, и вернулся задумчивый взгляд. — Ты права, Промиз.

Я повернулась и пошла к дому. Я не попрощалась, также как и он. Потому что мы оба знали, что это ещё не конец.

Кира не была полным бедствием на кухне. Просто никто её ничему не научил в готовке пищи, кроме того как заваривать её кипятком. И, хочешь — не хочешь, эти ингредиенты не заменяются по собственной прихоти. Кроме того, температурный режим имел немалое значение.

— Коричневый сахар, — я нахмурилась, глядя на рецепт имбирного печенья, к которому она так привязалась. — Если у тебя нет баночки темной патоки, ты можешь использовать коричневый сахар. В конце концов, он сделан из белого сахара и патоки, так будет ближе по вкусу.

Кира торжественно достала пакетик коричневого сахара, который был когда-то вскрыт, и всё содержимое превратилось в твердые булыжники. Я повернула регулятор температуры духовки вниз и положила целый кусок на фольгу. Я позволила Кире поставить его в духовку, так как наклоны все еще мне давались тяжело.

— На сколько? — Спросила она, морща нос.

— Около пяти минут, — сказал я.

Она, молча, оценивала меня, пока играла со своими золотыми волосами. — Как ты всему этому научилась?

Я хрипло рассмеялась. — Ты шутишь? У нас искусство домоводства закладывалось в нас с пеленок. Предполагалось, что это сделает из нас подходящих невест.

— Ох, — невнятно сказала Кира.

Она посмотрела в окно, нахмурившись. — Моей мамы не стало, когда мне было пять лет, и мой папа на самом деле не был предназначен обучать кого-либо «искусству домоводства». — Она улыбнулась. — Он говорил мне, что мужчины поступают по-свински, если мы будем требовать от них иного. Он также сказал мне, чтобы смотрела каждому гребаному мужчине в глаза, не дрогнув, потому что себя всегда надо ставить на первое место.

— Ты везунчик, — сказал я, качая головой, думая, что меня всегда учили совершенно противоположному.

Ее лицо потемнело. — Была, — тихо сказала она. Она увидела недоумение на моем лице, поэтому она пояснила: — Моего отца убили три месяца назад.

Я коснулась ее плеча. — Кира. Мне так жаль.

Она улыбнулась сквозь слезы в ее красивых глазах. — Он был хорошим отцом. Обычные люди так не сказали бы, глядя на него, но он был лучшим. Ты знаешь, он вырос с Орионом. Они были лучшими друзьями, своего рода братьями, на протяжении очень долгого времени.

— И что случилось?

Она пожала плечами. — Я, честно говоря, не знаю. Знаю лишь, что это было плохо и болезненно для них обоих, Орион никогда не говорил со мной об этом, — и тогда она рассмеялась. — Я беру свои слова обратно. Там полные ушаты дерьма, Орион не будет говорить со мной об этом. Но я считаю, что я в любом случае не хочу знать всего, что там произошло.

Через несколько минут Кира вынула коричневый сахар из духовки и обнаружила, что он расплавился, как я и говорила. Я смотрела, как она тщательно отмерила ингредиенты и показала ей, как использовать сито, которое, на удивление, нашлось глубоко в закоулках

кухонного шкафа.

— Что это за дерьмо? — Прорычал голос, и я обернулась.

Он маячил в дверях, большой, неуклюжий с бутылкой Jim Beam в кулаке. (*Прим. Jim Beam разновидность бурбона*). Его взгляд казался не особо дружелюбным, пока его острые голубые глаза смотрели на меня.

Но Кира отмахнулась. — О, уйди, Орион. Мы здесь делаем женскую работу, правда Промиз?

— Уйти? — Рывкнул он с особой угрозой в голосе. Он настиг Киру в два длинных шага и схватил ее за талию. Она завизжала, когда он поднял ее на стойку и расположился между её ног. Я слегка расслабилась, когда поняла, что Кира улыбается.

Орион поставил бутылку на столешницу. — Я помнится, просил не будить меня сегодня, в это чертово утро, — он коснулся верхней пуговицы на вырезе её рубашки, и она прижалась к нему.

— Но, у кое-какой девочки были свои чертовы мысли.

— Я думаю, что твой член со мной согласен, — она быстро ответила, опустившись рукой вниз. Я покраснела, не зная, куда смотреть.

— Ты почти закончила? — Хрипло спросил Орион, угроза в его голосе исчезла. Кира сверилась с ее рецептом в одной руке, держа другую руку между ног Ориона.

— Думаю да. — Она улыбнулась мне. — Промиз учит меня готовить.

— Хорошо, — он кивнул, — любой мужчина устанет от макарон с сыром.

— Иногда я делаю спагетти. Так что пошел в п*зду.

Орион застонал. — Сейчас, — быстро сказал он, вжимаясь в нее.

— Еще пятнадцать минут, — она улыбнулась.

— Сейчас же, — настоял он, и перебросил ее через плечо.

Кира посмотрела на меня, смеясь, волосы упали ей на ее лицо и Орион унес её. — Промиз, не позволяй моему печенью сгореть. Обещай мне, ладно?

— Обещаю, — я улыбнулась, дав ей возможность уйти с шуткой, которую я слышала десятки тысяч раз в моей жизни. (*Прим. Промиз—Promise имя главной героини, созвучно со словом promise—обещать, обещаю*).

Я открыла кухонный кран, чтобы заглушить звуки Киры и Ориона, наслаждавшихся обществом друг друга в коридоре. Большинство воплей издавала Кира. Я не могла слушать, но была удивлена, что секс мог быть настолько приятным.

Но тогда, я напомнила себе, что у меня не было секса. То, что Уинстон делал со мной, было совсем другое.

Большой волосатый мужчина, помнится, его звали Брэндон, зашел на кухню и принялся.

— Снова ты, как тебя зовут? — Спросил он вместо приветствия.

— Промиз, — ответила я, уворачиваясь, когда он направился прямо к миске с оставшимся тестом для печенья.

— Ничего, если я съем это, Промиз?

Увидев его ближе, я поняла, что он был моложе, чем казалось на первый взгляд. Я посмотрела в миску с сомнением. — Нет. Там есть сырые яйца. Плюс Кира будет недовольна.

В это время Кира издала дикий вопль удовлетворения.

За ним последовал глубокий голос Ориона. — О да, тебе так нравится детка?

— Нравится! — Закричала она. — Я чертовски люблю это!

Брэндон зачерпнул пальцем в миске и засунул немного теста для печенья рот. — Я думаю, что Кира сейчас очень даже довольна, — сказал он весело.

Затем он взял миску с тестом и вместе с ней вышел из комнаты, бросив за плечо. — Спасибо за закуску.

Я покачала головой, но улыбнулась. Люди здесь очень отличались от тех, кто меня окружал, но все они имели определенно неповторимый шарм. И их жизнь казалась такой живой и активной. Я позавидовала им.

Кира, пятясь, зашла на кухню в то время, когда я пытался выяснить, как извлечь противень из духовки с наименьшей болью. Она вынула готовое печенье из духовки, удивляясь его безупречному внешнему виду. Потом она огляделась с хмурым взглядом. — Где оставшаяся часть моего теста?

Я виновато пожала плечами. — Брэндон был голоден.

— Гребанный Брэндон.

Орион проскользнул на кухню и взял два теплых имбирных печенья, прикончив их одним махом. Из всех мужчин, он заставлял меня нервничать больше всего. Возможно, это потому, что он был главным тут. Или, возможно, потому, что он смотрел на всех и вся (кроме Киры) с острой яростью, которая, казалась непредсказуема. Потом он прислонился к стойке и казался почти милым.

— Ты видишь тот старый трейлер? — Он указал в окно на дрянную конструкцию, которая, по рассказу Рэйчел, была заброшена.

— Да, — медленно сказала я.

— Прибери весь тот хлам и можешь остаться там на время.

— Она хорошо готовит, — сказала услужливо Кира. — Кроме того, поскольку Талия уволилась, и Адель уехала, нам не мешает небольшая помощь в баре.

— Хм, — Орион посмотрел на Киру. — Да, Адель съехала. Хорошо, что у неё была куча денег, чтобы сделать это.

Кира мило улыбнулась. — Любимый, ты сказал мне, что они мои. Так что я сделала с ними то, что хотела.

— Я помню, — сказал он тихо, затем, целуя, нежно привлек ее к себе.

Я неловко замялась. То что было между этими двумя, было настолько сильным, что трудно находиться в одной комнате с ними и не чувствовать себя практически невидимым.

Кира поболтала ключом от трейлера и предложила помочь мне пройти через это. Орион не был похож на тот тип людей, которые ценят льстивую женскую благодарность, так что я только коротко кивнула ему прежде, чем Кира вышла за дверь.

Он закинул несколько печенюшек в рот и улыбнулся. — Хороши, — сказал он. Затем он взял бутылку и ушел.

— Сколько тебе лет-то? — Спросила меня Кира, когда мы были на улице.

— Мне только что исполнился двадцать один.

— О, так ты только на год старше меня. Рэйчел сказала мне, что ты училась в колледже?

— Да, у меня есть степень бакалавра в области акушерства. (*Прим. Бакалáвр — академическая степень или квалификация, присуждаемая лицам, освоившим соответствующие образовательные программы высшего образования.*)

— Акушерство. Ничего себе, я и не представляла, кто находится рядом со мной.

Она замолчала и, казалось, как будто она хотела задать мне больше вопросов, но передумала. Я полагала, что я выглядела в ее глазах необычной.

Трейлер действительно выглядел довольно грубо. Кое-где обивка облупилась и тот цвет, который был ранее, проступил сквозь тускло-серый цвет. Кондиционер ненадежно возвышался на крыше вместе с древней телевизионной антенной.

— Внутри получше, — извиняющимся тоном сказала Кира и открыла дверь.

Я кивнула, думая, что это меня реально не волнует, будь это даже заплесневелым курятником. Это было местом временного пребывания. Тем не менее, я никогда не жила где-то одна. Если уж на то пошло. Еще в колледже у меня всегда было несколько соседей. Я не знаю, признательна или нет новому уединению, но больше я не могла занимать кровать Рэйчел каждую ночь. Когда я вошла за Кирой внутрь, я посмотрела вокруг и увидела трейлер Грейсона, стоящий менее чем в тридцати метрах. То, что он будет рядом, заставило меня почувствовать себя немного лучше.

— Ну, — весело сказала Кира, включив кондиционер, облегчая духоту. — Как-то так.

Ковер был подран, на шкафчике крохотной кухни не хватало дверцы. Это займет несколько дней генеральной уборки, чтобы оттереть грязь и вытряхнуть пыль.

— Вот и хорошо, — сказала я тихо.

Рэйчел нашла нас тут несколько минут спустя. Она была в восторге, что Орион позволил мне остановиться в старом трейлере.

— Твое влияние? — Спросила она у Кире.

Кира усмехнулась и вытерла пот со лба. — Может быть.

— Спасибо, детка, — искренне сказала Рэйчел.

Кира предложила пойти позаботиться о баре, чтобы Рейчел могла помочь мне начать уборку трейлера. Моя двоюродная сестра хмурилась, смотря на меня, когда я периодически морщилась от боли, пытаюсь оттереть и выбить пыль.

— Почему бы тебе не вернуться ко мне и отдохнуть немного?

Я покачала головой. — Нет. Я должна двигаться, — это было правдой, когда я была в постоянном движении, моему телу не хватало времени, чтобы окрепнуть, но я имела в виду другое. Будучи занятой, я была в состоянии вытеснить все те ужасные вещи, о которых не хотела думать. Я также была обеспокоена неумолимым чувством изнасилования, которое пропитало меня насквозь. Неприятие таких мыслей давало мне больше сил, но этот порыв был мне чужд, мне он не нравился.

Кондиционер не мог гонять теплый воздух без передышки, чтобы комфортно провести там день, так что я согласилась вернуться в бар с Рэйчел. Она сказала, что Каспер притащит мне надувной матрас для сна, пока мы не подыщем чего-то более подходящее.

«На дне реки» был маленьким, тусклым и сильно пропах лакированным деревом и дымом. Я никогда не была в баре до этого, но это была просто комната со столами, стульями и длинной деревянной барной стойкой.

Каспер, Грейсон и Мэддокс обернулись, когда мы вошли, и я знала, что они говорили обо мне. Рэйчел обняла Каспера и поцеловала его в шею, он рассеянно погладил ее по руке.

Кира материализовалась и протянула мне бутылку воды. — Воображаю, что это тебе больше поспособствует, — посмеиваясь, сказала она.

Мэддокс, казалось, забавлялся, глядя на меня. Или, возможно, это было просто выражение его молчаливого лица.

— Знаешь, сантехника в этом месте дерьмо, — сказал он мне.

— О, — я моргнула. Я вообще не думала о сантехнике.

— Это значит, что Мэд, — вмешался Грейсон, — квалифицированный водопроводчик и будет рад угодить.

Мэддокс не был уверен в этом. — Работа подвалила? — Пожаловался он.

— Я заплачу тебе, — Грейсон тихо сказал и глотнул пива из бутылки.

— К черту, — вздохнул Мэддокс. Он подошел ко мне и протянул руку. — Ключ?

— О, я не закрывалась.

Мэддокс хмыкнул, бросил взгляд на Грейсона, который улыбнулся ему, и ушел.

Каспер и Рэйчел были полностью увлечены друг другом, а Кира исчезла. Грейсон молча, смотрел на меня, пока я играла с крышкой на бутылке воды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Итак, — сказала я, наконец, — кажется, что мы будем соседями.

Он кивнул и встал. — Да, я буду рядом, так что кричи, если тебе что-нибудь понадобится. — Он прошёл мимо меня и остановился, глядя мне прямо в глаза. — Я действительно это имею в виду.

— Хорошо, — сказала я ему, чувствуя странное волнение из-за того, как близко он был.

Грейсон казался удовлетворенным и сказал Касперу, что он собирается прокатиться в Паркер, чтобы взять квоту для покрасочных работ.

После того как он уехал, Рейчел объяснила мне. — Грей, Брэндон, а иногда и Мэддокс делают некоторые подрядные работы. Наружная покраска, укладки плитки, и так далее. Они объединяются с парой братьев, которые тоже являются членами клуба, но живут в городе.

Кира с гордостью принесла нам тарелки с ее знаменитыми макаронами с сыром. Я сидела в кресле в баре «На Дне реки» в Куартзсайте, в штате Аризона, и ела их с удовольствием.

Я не могла просто сидеть и ничего не делать, так что я помогала убирать внутри бара, пока снаружи жарил полдень. Через несколько часов Мэддокс вернулся, выглядя так, словно он только что искупался в ванне пота.

— Пекло, е*ать его в ж*пу, — пропыхтел он и сделал большой глоток пива. Он кивнул мне. — Ладно, сортир починен и работает. Душ еле течет, но на данный момент будет работать хорошо.

— Я действительно ценю это, — искренне сказала я.

Он сделал шаг ближе, со странной улыбкой на лице. — Как сильно ты ценишь это, Промиз? — Соблазнительно спросил он. — Знаешь, ты очень милая.

Я неловко отступила, в моей груди пробудилась тревога.

— Мэд, — сказал Каспер угрожающим тоном. — Нет.

Мэддокс закатил глаза и рассмеялся. — Нуу, я же не серьезно, бл*ть.

Каспер и Рэйчел вдвоем посмотрели на него.

— Иди, порыбачь где-нибудь еще, — сказала Рэйчел напряженным голосом.

— Хорошо, — сказал он, с притворной раздражительностью, подмигивая мне перед уходом.

Рэйчел посмотрела на меня. — Не переживай по поводу него.

— Я уверена, что он не имел в виду ничего такого, — проворчала я, но сомневающееся выражение лица Рэйчел говорило, что она считает иначе.

Приближалась ночь, и «На дне реки» был, видимо, точкой сбора в Куартзсайте. Мне стало слегка не по себе, когда клиенты начали массово прибывать. Несколько мужчин

сурового вида ворвались через дверь. Джинсовые куртки без рукавов, надетые на них, были украшены словами «Мародеры Мохаве» под свирепым изображением черепа. Когда один из них, здоровенный бородатый мужик, посмотрел на меня сверху и вниз, открыто вождедея, я начала сжимать кулаки, желая избежать воспоминаний о грязных вещах в голове. Рэйчел заметила это и увела меня обратно к одинокому комфортному трейлеру, в котором я собиралась жить.

Мы недолго убирались там, и Каспер, собственной персоной, пришел с надувным матрасом, который он сразу накачал воздухом. Рэйчел накрыла его накрахмаленной простыней и дала мне те же шорты и футболку, которые я надевала накануне. Это до сих пор казалось невероятным, я была здесь, это мое место, где я живу.

Каспер смылся через несколько минут, но сначала страстно поцеловал Рэйчел. Она позволила ему прижать ее к стене, и они тяжело дышали друг с другом в течение целой минуты. Я виновато смотрела на них боковым зрением и к моему удивлению обнаружила, что мне стало любопытно, каково это быть в мужских объятиях и при этом чувствовать себя по-настоящему желанной, в безопасности. Тогда я сдержала чувство жалости к себе и взбила перьевые подушки.

Рэйчел замешкалась из-за меня.

— Ты уверена, что с тобой ночью все будет нормально?

Я выглянула в окно на темное небо. Музыка и смех доносились из бара, но я решила, что это успокаивает, что вокруг меня жизнь кипит. Мне было немного больно, как от моих травм, так и от напряженной уборки трейлера, но я чувствовала себя утомленно-удовлетворенной.

— Да, — сказал я твердо. — Я буду в порядке, Рэйчел.

Она накрутила длинные темные волосы вокруг пальца и, казалось, задумалась.

Наконец-то, спросила. — Промиз? Они когда-нибудь говорили обо мне?

— Конечно. — Эмори Тайн будет сплетничать пока не придет его конец, независимо от того, что про тебя запретили упоминать.

Она грустно улыбнулась. — Нет, я имею в виду, они хоть раз упомянули обо мне? — Рэйчел, внезапно оказалась маленькой и наивной. Я поняла, о чем она спрашивала. Она хотела знать, ее мать и ее братья и сестры, всех, кого она любила еще ребенком, вспоминали ли ее. Помнили ли и говорили ли о ней с любовью и тоской.

Эта ложь была на кончике моего языка, но я колебалась слишком долго.

— Я так и думала, — кисло сказала она, положив руку на дверь. — Люблю тебя, девочка, — сказала она тихо, прежде чем ушла в ночь.

Мне было трудно удобно улечься на надувном матрасе, но, в конце концов, глаза закрылись и в уединенном умиротворении, я заснула. Я задремала ненадолго, когда я вскочила, словно складной нож, вскрикнув от боли вызванной резким движением. Где-то в подсознании всплыло жестокое лицо Уинстона, и я встрепенулась, всеми фибрами души желая избавиться от него.

Пока я пыталась успокоить свое дыхание и стянуть потную майку, слова Кэлли дошли до меня.

— Если у тебя не будет задержки...

Весь день я пыталась выгнать мысль из моего сознания. Но было невозможно начать двигаться вперед, пока я не узнаю. Тесты на беременность были удивительно точными в эти дни, определение уровня гормонов в абсурдно ранний срок. Через шесть дней, если

месячные не пойдут, я возьму один. Я не хочу думать о том, что может последовать за этим.

Мое сердце билось слишком сильно, чтобы на данный момент пытаться заснуть, и я поняла, несколько минут свежего воздуха мне помогут успокоиться.

Я вытащила сандалии Рэйчел и аккуратно шагнула вниз неловкими шагами из трейлера.

— Ты выглядишь так, словно дерьмо угодило тебе в лицо, — голос был добродушным и знакомым.

Лунного света не было, и мои глаза с трудом ориентировались в темноте. Слабый свет от бара «На дне реки» не распространялся так далеко.

Я услышала шорох шагов и поняла, что кто-то шел ко мне.

— Что-то случилось, Промиз? — Это был Грейсон.

— Эй, спроси ее, у неё есть еще печенье.

Я узнала голос Брэндона, как и первый, кто говорил.

Они вдвоем развалились перед трейлером Грейсона на бобинах, пили пиво и разговаривали, бог знает о чем.

— У меня прямо сейчас нет никакого печенья. Прости. — Ответила я Брэндону.

— Ладно, обращайся если что. — Грейсон развернулся и направился назад, попросив следовать за ним.

Я почти споткнулась о большое тело Брэндона. — Прости, — пробормотала я. Он отрыгнул в ответ.

Вблизи горела противомоскитная свеча, и единственный свет был вокруг неё.

— Садись, — настаивал Грейсон.

— Нет, — я покачала головой.

— Не спится?

— Нет.

— Чертова сука, — вдруг сказал Брэндон. Он указал на бар зажженной сигаретой. — Тревога-гнусная сука.

Я услышала, шипевшего с отвращением Грейсона. — Какого х*я, она здесь делает?

Я посмотрела туда, куда уставились мужчины, и увидела молодую брюнетку, которая забиралась за спину затененному мужчине на заднее сиденье мотоцикла.

— Дерьмо, — прошептал Брэндон.

Грейсон испустил смешок. — Ну, я думаю, это означает, что теперь она чертова проблема Анджело. Он понятия не имеет, какой билет он только что вытащил.

Брэндон рассмеялся. — Слышь, кто бы говорил, друг. Тебя она тоже в своё время зацепила.

Грейсон потянулся. — Виноват, медленно учусь. Но я никогда не наступаю на одни и те же грабли дважды, — затем он, казалось, вспомнил, что я молча стояла там, без понятия о чем шла речь. — Так куда ты думала пойти?

— Никуда, — сказал я, скрестив руки на груди. — Я просто не могла уснуть.

— Эй, — Брэндон, зевая, встал. — Я собираюсь пойти посмотреть, какая ж*па там сегодня ночью.

Он хлопнул Грейсон по плечу и покачнулся, больше ничего не сказав мне.

Грейсон тяжело опустился обратно на бобину, и вернулся к своему пиву. Наконец, он спросил. — Мучают кошмары?

— Да, — тихо сказала я. — Во сне и наяву.

Я была шокирована, услышав свои собственные слова, из своих уст. — Я хочу, чтобы он

умер.

Грейсон не удивился. — Ну, Промиз, когда-нибудь он умрет. Смотри, я не знаю, что произошло, но я чертовски хорошо знаю, что такое испытывать ярость до такой степени, что начинаешь задыхаться.

Он сделал паузу. — Они тебе много рассказали обо мне?

— То, что ты был в тюрьме, что ты спас жизнь Касперу, и что ты не делал того, за что тебя посадили.

— Да, все верно.

Он откинулся назад и положил одну ногу на другую. — Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

— Но не сегодня?

— Нет, не сегодня.

Я посмотрела на звезды — «блестящую дизайнерскую коллекцию». Казалось невозможным, что это были реальные места, недоступные на расстоянии. Я не понимала, почему я могла так свободно говорить с Грейсоном, чем с кем-то другим. Но причина не имела значения, именно это было мне необходимо сейчас

— Ты сегодня сказал мне, что не дашь этому поглотить меня заживо. Так что же ты сам делаешь? Для того чтобы справиться, я имею в виду.

— Я стреляю.

— Ты что...?

Я слышала, как он открывает еще одну банку пива.

— Когда шум в моей голове становится слишком громким, и я чувствую, как он собирается заблокировать все остальное, я хватаю винтовку и стреляю далеко в пустыне.

Я чувствовала на себе его взгляд.

— Я научу тебя. Знаешь, тогда ты почувствуешь себя лучше.

— Думаю, что я не прочь пострелять.

— Таким образом, если он когда-либо всплывет снова, ты сможешь прострелить его яйца.

Я улыбнулась. В его словах и суровой интонацией его акцента, «яйца» звучали как «айца».

— Эй, я не могу, бл*ть, видеть тебя в темноте, ты улыбаешься?

Я рассмеялась. — Да.

— Ну, хорошо.

Я хотела услышать больше о нем. — Так ты не отсюда.

— Неа. Нью-Йорк.

— Так какой ветер тебя сюда занес?

Он ничего не говорил минуту. Наконец, он встал и взял бобину, на которой сидел. — Мы сохраним эту историю тоже на другой раз. А сейчас давай посмотрим, что мы можем сделать, чтобы ты немного отдохнула.

Он пошел к моему трейлеру, неся свой стул. — Пойдем.

Он бросил бобину перед моей дверью.

— Теперь, я собираюсь поболтаться здесь некоторое время. Заходи внутрь и немного поспи и знай, что если кто-то приблизится к твоей двери, им придется иметь дело со мной. Ох, и еще. Всегда держи дверь запертой. Вокруг полно безбашенных людей. Я не один из них, но они есть.

— Грейсон, — я вытерла слезу. Я не смогла бы сказать это даже Рэйчел. — Я не знаю, что я собираюсь делать, если я забеременею.

— Черт, — сказал он тихо. Я не оттолкнула, когда он мягко прижал меня к своей груди. Моя голова покоилась на его мускулистом плече, словно они для этого и предназначены. Он не говорил бессмысленных вещей, как все, что все будет хорошо. Он просто держал меня и дал мне выплакаться, пока я не успокоилась достаточно, чтобы попытаться заснуть.

— Спокойной ночи, Промиз, — сказал он, садясь и глядя в ночь.

— Спокойной ночи, Грейсон.

Вскоре после этого я заснула, но опять проснулась с пульсирующей внутренней тревогой, которая орала, что должно было случиться что-то ужасное. Я сидела на матрасе в течение долгого времени, пытаясь успокоить дыхание. Где-то рядом я услышала глубокие мужские проклятия, а затем звонкий вой койотов. Я подкралась к окну, открыв пальцем бумажную шторку.

Он все еще был там, где я его оставила, терпеливо вглядываясь в безлунную пустынную ночь, где он тихо нес вахту из-за моих демонов.

В течение ближайших нескольких дней дела постепенно начали приходить в норму. До сих пор призрак моего ужаса преследовал меня, но я старалась вытолкнуть его из головы. Доставили большой пакет с моей новой одеждой, и я начала чувствовать себя более комфортно в тот момент, когда надела пару джинсовых шорт и простую футболку. Кира и Рэйчел каждый день работали со мной над трейлером, добавляя уютные нотки, чтобы сделать его более комфортным.

Грейсон часто останавливался, чтобы поделиться веселыми пикантными кусочками информации, которая, как он думал, могла меня заинтересовать. В полумиле от куста, высаженного за его трейлером, было логово кайотов со щенками, которые родились в конце весны и подросли, иногда он тихо сидел под соседним мескитовым деревом и смотрел, как они дурачатся. Он принес мне несколько глиняных черепков, которые он обнаружил во время уборки за баром «На дне реки». Вместе мы разложили сломанные глиняные фигурки на старом куске фанеры и попытались разобраться в их очертаниях. Я держала древние черепки и пыталась представить себе, чем они были, как использовались людьми, женщинами, скорее всего, теми, кого уже давно нет на земле.

Несколько раз Грейсон поймал меня разглядывающей его. Я не могла прочесть взгляд в его глазах, когда он отводил их. Я вспомнила, что он спросил меня, что я думаю о нем и удивился, как если бы он боялся, что я тоже заражусь желанием возмездия. Я, во всяком случае, хотела сказать ему, что он, возможно, просто лучший мужчина, которого я когда-либо встречала. Но я была слишком застенчива, чтобы сказать это, поэтому вместо этого я рассказывала ему о рискованном приключении научить Киру печь хлеб.

Он только однажды спросил меня о страхе быть найденной общиной. — Попытаются ли они прийти за тобой?

Такая мысль приходила мне в голову. Я пожала плечами. — Я не знаю, как они меня отыщут. Не похоже на то, что я собираюсь писать своему отцу с моего нового почтового адреса.

Грейсон помрачнел. — Есть другие пути установить местоположение.

Я, должно быть, выглядела встревоженной, потому что он попытался сгладить сказанное. — Не волнуйся, — сказал он, поглаживая мою руку. — Я же сказал, что больше никто не тронет тебя.

Его прикосновение заставило меня чувствовать себя необычайно тепло. Я улыбнулась. — Да. Ты обещал.

Он улыбнулся в ответ. — Да. Я обещаю. Промиз.

Однажды днем я помогала Кире печь пирожное по старому рецепту, который всплыл в моей памяти. Я пекла его в кухне моей матери, когда была маленькой. Оно назывался «Песочное пирожное» и по рецепту вместо муки использовался кукурузный крахмал.

— Эй, я могу воспользоваться твоим ноутбуком? — Вдруг спросила я.

— Конечно, — она пожала плечами, сидя на столешнице, размахивала ногами, читая потрепанную копию «Над пропастью во ржи».

Я подняла крышку и зауглила «Правоверный кооператив». Это был термин, который я слышала во время напряженных деловых встреч Уинстона. Когда я кликала по результатам поиска, большая часть информации оказалась поверхностной. Видимо, это было

многогранным деловым предприятием, созданное и запущенное Оставшейся церковью Иисуса Христа Святых последнего дня. Мою челюсть свело от шока, когда я прочитала, чистый совокупный доход «Правоверного кооператива» грубо составляет около 140 миллионов долларов.

Кира, должно быть, заметила что-то на моем лице. Она спрыгнула со стойки. — Что ты смотришь?

— Я не уверена, — сказала я, и вернулась к результатам поиска, нажала на форум, просматривая содержимое. Я увидела имя Джосаи Бастиана. И имя Уинстона.

Кто-то, кто опубликовал под названием «Праведные Верующие» написал следующее:

— Правоверный кооператив: Что первоначально начиналось, как кооперативный малый бизнес, нацеленный на благо церкви Иисуса Христа Святых последнего дня, разросся в несколько миллионов долларов и деятелей, чьи интересы охватывают ряд государств. В настоящее время неизвестно, сколько предприятий находится под крышей «ПК», поскольку эти связи были намеренно скрыты из-за определенной общественной реакции. Инвесторы включают в себя ряд общих строительных подрядчиков в Аризоне и Калифорнии, и, в меньшей степени, Юте, Неваде и Колорадо. Страшнее всего то, что большая часть денег, вложенных в эти проекты, являлась общественными фондами с государственным или даже федеральным происхождением. Несколько военных подрядчиков в Аризоне и Калифорнии также подозревали в связи с ПК. Однако им стоило немало усилий, чтобы скрыть эти ссылки, что сделало трудным соединить все точки. В связи с широко известной преступной деятельностью церковного принуждения женщин и девочек к вступлению в оскорбительные полигамные отношения, любая ассоциация с ПК вредила, будучи обнародована.

Орион подошел украдкой, пока Кира читала за плечом. Он развернул ноутбук, не спрашивая, и эти пронзительные голубые глаза стали сразу пробежать по сообщениям. Я посмотрела на Киру, но она просто пожала плечами и провела рукой по огромному, мускулистому плечу Ориона, пока мы ждали, чтобы он дочитал.

Когда он закончил, он бросил взгляд в мою сторону. — Это твои люди?

— Да. Уинстон Оллрид, мой, именно за него меня выдали замуж.

— Похоже, они немного в дерьме. Статья могла бы взорвать множество хорошо упакованных сукиных сыновей, которые дерутся не по правилам.

Я не знала, что сказать. На самом деле Орион не ждал от меня ответа в любом случае. Он нажал на кнопку «Печать» и махнул Кире, чтобы она захватила бумагу из гостинной.

Он скрестил руки на груди и устрашающе уставился на меня. — Это глубокая кроличья нора. И это все выстроилось на деньги важных людей. Ты держи эту информацию под рукой, девочка. Тебе, возможно, чертовски потребуется вспомнить её позже.

Через шесть дней после того как Грейсон Меркадо спас меня от моих ужасных обстоятельств, я проснулась ещё до рассвета. Царила сверхъестественная тишина, прохладный ночной воздух еще не отступил, и мой живот село.

Задышавшись, я соскочила с надувного матраса и побежала в крошечную ванную, спустив шорты, чтобы увидеть то, о чем молилась. Темная менструальная кровь испачкала мои трусики. Я осела на пол и зарыдала с облегчением.

Все кончено. С Уинстоном меня больше ничего не связывало.

Я натянула свои шорты и побежала к двери. Я должна была сказать это вслух, кому-то еще. Я уже начала стучать в дверь, когда поняла, Грейсон не был первым, к кому я должна был пойти. Было ли это действительно то, что я должна ляпнуть этому человеку? А что, если у него там была женщина?

Он ворчливо подошел к двери, но моментально встревожился, когда увидел мое заплаканное лицо.

— Промиз. Что бл*дь случилось? Что случилось?

Он подошел ко мне одним плавным движением и обхватил мое лицо своими руки. — Я не беременна, — прошептала я.

Грейсон смотрел на меня мгновение, а затем его лицо расплылось в улыбке. Он притянул меня ближе, прижимая свой лоб к моему. Мы простояли так до тех пор, пока крик соседствующего грифа не спугнул нас обоих. Затем он мягко откинул мои распущенные волосы назад и медленно убрал руку.

— Здесь скорпионы, — сказал он странным хриплым голосом. — Ты не должна ходить босиком.

Он повернулся и пошел обратно к двери своего трейлера и я поняла, что он был в одних трусах. Но вместо того, что посмотреть в сторону смутившись, я смотрела ему вслед с любопытством.

Он послал мне один последний взгляд, сказав. — Увидимся позже, Промиз, — закрыв за собой дверь.

— Да, — прошептала я, хотя никто не слышал.

Как выяснилось, позже я не увиделась с Грейсоном. Я помогала Рэйчел полировать бокалы в баре, когда Каспер ворвался и сказал ей, что должен уехать несколько дней.

Она обняла его за широкие плечи и поцеловала его глубоко, потом оттолкнула его в руку с озорной улыбкой, ведя спиной в комнату. Я переключила старое радио, которое стояло рядом с баром. Это заглушило большую часть шума, который они создавали.

Десять минут спустя Каспер появился, вспотевший и с майкой, скомканной в руке. Увидев меня, он приподнял брови, как будто он забыл, что я тут стою.

— Эй, я могу получить шот Джека? (*Прим. Джек—Джек Дэниелс—виски*)

Я посмотрела на него в недоумении, и он рассмеялся. — Не возражаешь, если я возьму его сам.

Он перепрыгнул через стойку и налил себе небольшую рюмку коричневой жидкости, которую он сразу же проглотил.

Рэйчел подошла, поправляя бюстгальтер, Каспер посмотрел на нее. — Пока, кексик, — сказал он, целуя её.

— Только возвращайся скорее, любимый, — ответила она.

Царящая тишина была прервана суровым рычанием двигателей, послышался звук нескольких мотоциклов, а затем стих вдали.

Лицо Рэйчел было мечтательным, пока она вытирала бар внизу.

Я схватила тряпку и присоединилась к ней. — Куда он уехал?

Она улыбнулась. — Туда, куда должен, милая, — она, озадаченно, подняла брови. — Грейсон собирается с ним. И Отступник из города, по имени Авель.

При упоминании Грейсона, я напряглась. Я ненавидела мысли о его отсутствии. Отчасти потому, что рядом с ним я чувствовала себя безопаснее. И отчасти от чего-то еще, что не знала как назвать.

Рэйчел просияла. — Мы сегодня же должны отпраздновать, — решив, что она, имеет в виду радостные новости о том, что я не беременна. — Правда. Только ты и я. Кира будет развлекать

Ориона, но бар не будет слишком полон. Как насчет того, чтобы захватить пиццу в городе, и вернуться сюда, чтобы насладиться бесплатной выпивкой?

Я не была уверена насчет выпивки. — Мне нравится эта идея, — сказала я.

Я сложила тряпку и положила её вниз. — Ты знаешь, я рассказала ему. Я побежала туда, не думая, этим утром, и просто выпалила это.

Она заинтересовалась. — Что он сказал?

Я покраснела. — Он был счастлив. За меня, — пробормотала я.

Рэйчел понимающе улыбнулась. — Держу пари, — она шагнула ко мне сзади и начала играть с моими волосами. — Знаешь, он смотрит на тебя всё жарче и жарче каждый долбаный день.

— Не смотрит, — спокойно настаивала я. Грейсон Меркадо не смотрел на меня так. Однако когда я вспомнила, как он провел по моему лицу этим утром, я задумалась.

Она откинула волосы с моего лица, я взволнованно покраснела. — Будь по-твоему, — засмеялась она.

Было приятно провести вечер с Рэйчел. Кира заглянула взять перерыв от своего интенсивного свиданья с Орионом.

— Черт, девочка. Полегче с ним, — поддразнила Рэйчел. — Ты его истощишь.

Кира сладко улыбнулась ей. — По-другому просто невозможно.

— Ты права, — Рэйчел пожала плечами.

Я была рада, когда Рэйчел предложила мне остаться с ней до тех пор, пока Каспер не вернется.

Когда я ненадолго вернулась в свой трейлер, чтобы взять кое-что, мой взгляд упал на темный трейлер Грейсона. Он назвал его дизайн «Airfloat» («Воздушный паром») и сказал, что тот был изготовлен еще в пятидесятые годы, что позволило объяснить его странный вид. Пока я вглядывалась в черные глаза его жутких круглых окон, мрачное одиночество завладело мной.

Мне не нравилась мысль, что Грейсон в несметных километрах отсюда. Безопасность с его присутствием было тем, на что я рассчитывала с момента, когда он бережно оттолкнул меня за себя и осмелился перечить Уинстону Оллриду.

Но у этого была и другая часть. Часть меня, которая вспыхивала при виде его тела, от возможного его прикосновения. В Долине Иерихон, когда я стала достаточно взрослой, привлекая внимание, я держалась подальше от мальчишек. Хотя были и те, повсюду,

которые привлекали мой взгляд и заставляли меня нервничать, у меня никогда не было нежных моментов. Так как у Уинстона были на меня планы, а у меня обязательства.

Воспоминание об Уинстоне породило волну горечи в горле. В течение нескольких дней я избегала своей жизни в Долине Иерихон и его жителей.

Дженни.

Я знала, что если я вернусь, то не только не смогу увезти Дженни, я сама там попаду в плен. Это и раньше случалось, с другими женщинами, которые сбегали и пытались вернуться ради детей или ради сестер. Мыслей было достаточно, чтобы заставить меня чувствовать себя слабой. Я зарежусь прежде, чем я попаду к Уинстону.

Рэйчел закрывала бар. Несколько клиентов немного задержались, закуривали сигареты и, шатаясь, ушли в ночь. Рэйчел на секунду взглянула на мое лицо и подошла прямо ко мне.

— Что не так?

Я едва могла вымолвить слова. Стыд, отвращение, брезгливость.

— Как я могла? — Простонала я. Мой голос стал более пронзительным. — Как я могла быть так чертовски глупа?

Я никогда раньше не говорила слово «чертовски». Я поняла расширенные возможности таких слов. Говоря их, становилось легче. Это словно описывало выраженное возмущение.

— Черт! — Я закричала от души, а оставшиеся посетители развернулись в гравии стоянки.

Женщина захихикала со смеху.

— Возвращайтесь к собственному чертову делу, — Рэйчел сердито посмотрела на них, покачнувшись, обняв меня за плечи, и увела.

Она быстро проводила меня к её трейлеру и плотно прислонила к его прохладной стене. Лунный свет позволил мне увидеть напряженность в ее лице.

— Это правда, Промиз, — твердо сказала она. — Ты позволила это. То, что они сделали с тобой то, что они все еще делают, это так чертовски неправильно, нет достаточно подходящих слов. Но, если они помогают справиться с болью, кричи в любом случае. Они зло, мой отец, твой отец, тот ублюдок, который обижал тебя, все зло, завернутое в лживый плащ благочестия. Но ты знаешь правду. В них нет ничего благочестивого или нравственного. Они построили дом из лжи и стояли на спинах своих жертв, когда проповедовали праведную чушь.

Её голос смягчился. — Это трудно принять, что что-то неправильно, если это все, что ты знаешь.

— Ты же знала, — прошептала я. — Ты знала, какой херней это было. Ты никому не дала превратить себя в жертву. Я была во внешнем мире, Рэйчел. Я знала, где найти помощь, но я не искала ее. И поэтому, я была слишком слаба, чтобы отстоять мою младшую сестру, которую передали сумасшедшему.

Я опустила в крупнозернистый песок и притянула колени к груди.

Рэйчел издала болезненный вздох и села рядом со мной. — Ты знаешь, — сказала она мягко, — я часто удивляюсь, как бы я иначе поступила. Что если бы я уехала из штата десять лет назад, когда я сбежала? Может быть, обратилась бы в Службу защиты детей. Это могло бы кому-то помочь. Это могло бы помочь тебе. А могло бы и не помочь. Промиз, впереди еще много лет. Ты не можешь тратить их все в мучении и с мыслями о том, что бы ты сделала в ином случае.

— Рэйчел, что они сделают со мной, если найдут меня?

Ее голос был холоден. — Я думаю, ты знаешь. В их глазах ты замужем. Ты собственность твоего подлого мужа, — она обняла меня. — Но они не найдут тебя, обещаю. И если они когда-нибудь попытаются увезти тебя, они заплатят сполна. Я убью их сама.

Я просто устало опустила голову на плечо моей двоюродной сестры. — Люблю тебя, Рэйч.

Она взяла сигарету из сумочки и закурила, глядя в чернильную ночь. — Я тоже тебя люблю, дорогая.

На следующий день Рейчел отвезла меня к Кэлли Лопес для осмотра.

Врач тепло улыбнулась, когда увидела меня.

— Ты выглядишь гораздо здоровее, Промиз, — отметила она, прежде чем осмотреть меня. Большинство синяков сошло на нет. Мои ребра были еще немного чувствительны, но с каждым днем боль уменьшалась.

Кэлли была довольна моим процессом выздоровления. Хотя у меня и пошли месячные, она все равно сделала тест на беременность.

— Отрицательный, — подтвердила она, и я вдохнула с облегчением.

Кэлли отметила несколько вещей в моей карте, задумчиво взглянула на меня. — Рэйчел говорила мне, что ты училась. Акушерству, правильно?

Я кивнула.

— И ты закончила обучение?

— Да, я сдала экзамен, чтобы войти в реестр акушеров Северной Америки.

Кэлли была довольна. — Замечательно. Ты знаешь, Промиз, в этой части штата много женщин, а медицинской помощи не достаточно, — она постучала шариковой ручкой по руке. — Тебя интересует использование своих знаний с целью помочь им?

Я замерла. Большой причиной того, что я отучилась в колледже, а затем вернулась в Долину Иерихон, была мысль, что я смогла бы помогать женщинам, которые нуждались в моей помощи.

— Да, — медленно сказала я. — Я бы хотела попробовать. Но без обновления регистрационных данных?

Я стукнула ногами о смотровой стол, тревожась. — Есть люди, которые не должны узнать, где я.

Кэлли покачала головой. — Да, я знаю. Мы найдем выход из этого, пока все уляжется. Возможно, мы могли бы зарегистрировать тебя по почтовому ящику в Фениксе. Во всяком случае, я рада слышать, что ты заинтересована.

Она взяла маленький квадратик бумаги и прижала его к моей руке. Я посмотрела на надпись.

— В случае, если тебе нужно поговорить об этом, — сказала она мягко. — Миа была консультантом жертв насилия в течение многих лет. Она работает с группой, которая собирается по вечерам в четверг.

— Кэлли, — прошептала я, — ты думаешь, я когда-либо буду в состоянии иметь, ты знаешь, нормальные отношения? С мужчиной?

Ее лицо подобрело. — Да, Промиз, думаю да. Позволь себе исцелиться. Усмири своих демонов. Я не сомневаюсь, что будут.

Она коснулась моей руки, и улыбнулся мне с усмешкой. — И милая, я говорю это по собственному опыту.

Три дня прошли спокойно и быстро. Рэйчел созвонилась с Каспером, он и Грейсон, как ожидалось, вернуться рано утром. Я выходила из душа в моем трейлере, когда услышала глухой рев мотоциклов.

На мгновение я застыла, вода капала на трещины линолеума, мое сердце прыгало у меня

в груди.

Я быстро вытерлась, разглядывая простые капри и футболку, которые планировала одеть. Я вспомнила Рэйчел, говорящую о том, что она видела, как Грейсон смотрел на меня. Придирчиво. Я смотрела на свое отражение в запыленном зеркале заднего вида. Я не знаю, достаточно ли, того, что я видела. Но, когда я оглянулась на повседневную одежду, которая висела на дверной ручке, я почувствовала, что этого было не достаточно. Я чувствовала, что я действительно хочу, чтобы он увидел меня.

Я еще не одевала платьев, которые Рэйчел уговорила меня заказать. Одно из них было кремового цвета с темно-синими полосами. Шея была открыта чуть выше груди и рукава слегка покрывали мои плечи. Ощущение от клеши было приятным, так как оно развевалось чуть выше колен. Посмотрев вниз, я была рада плавным контурам моей груди под тканью, жаль, что у меня не было большого зеркала, чтобы увидеть каким будет полный эффект.

Рэйчел купила мне немного косметики, и я осторожно наложила немного пудры и румян. Я высушила волосы, встряхнула их, и вернулась к зеркалу. Я была уверена, что я не была красавицей, как Рэйчел, но отражение, глядящее на меня, казалось, довольно приятным. Я закусил губу и подошла к двери.

Солнечный свет, был яркий, как никогда, и я прищурилась, экстремальная жара обжигала кожу.

Сначала я никого не увидела. Трейлер Грейсона стоял в гордом одиночестве, и я не могла сказать, был ли он уже там или нет. Я посмотрела на свое платье, и вдруг почувствовала себя глупо. Я не знаю, где был Грейсон Меркадо или что он делал. Казалось очень маловероятным, что он будет рваться увидеть нищую соседку.

Вздохнув я пошла к бару. Рэйчел, несомненно, будет занята с Каспером весь день, но, возможно, Кире нужна помощь в баре или вокруг дома.

Я увидела его прежде, чем он увидел меня. Он наклонился и возился с чем-то под рулем его мотоцикла. Он выпрямился, выгнув спину, скорчив гримасу на красивом лице. Я остановилась, наблюдая за ним, но движения моего платья развевающегося на горячем ветру привлекло его взор, и он поднял глаза.

Его руки упали вниз, и он посмотрел на меня, как будто не узнал меня. Я попыталась улыбнуться. — Грейсон.

— Хэй, Промиз, — сказал он медленно. Затем он сразу же вернулся к своему байку и начал копать в одной из подседельных сумок на противоположной стороне.

Опустив голову, я начала уходить в сторону бара.

— Куда ты идешь?

Я скрестила руки на груди, внезапно почувствовав себя совсем незащищенной. — Ну, я просто ищу Киру. Ты ее видел?

Он уставился на меня. — Нет. Подойди сюда, можешь?

Когда я встала рядом с ним, я снова поразились мощным контурам его мускулистого тела. Ему, должно быть, было жарко в его байкерской темной одежде и черных сапогах, но он, казалось, привык к такому образу жизни. Грейсон вытянул мою руку и вложил какой-то грубый предмет в неё. Я моргнула.

— Это камень, — сказала я.

— Это камень, — согласился он.

Я повертела его в ладони и коснулась грубой серой поверхности. Он весил около фунта и был более или менее круглым. Когда я посмотрела на него, он прочитал вопрос в моих

глазах и широко улыбнулся. Он взял его у меня из рук и снова порывлся в отсеках своего мотоцикла. Я была в недоумении, когда он взял молоток. Грейсон установил камень на плоский кусок керамической плитки. Быстрым и направленным ударом, который заставил меня подпрыгнуть, он умело стукнул молотком по центру камня. Он раскололся надвое, Грейсон встал на колени в песке, изучая половину.

— Это жеода, — пояснил он, вручая одну половину ко мне. *(Прим. Жеода, форма природного минерального агрегата. Представляет собой замкнутые полости в каких—либо горных породах, выполненные скрытокристаллическими или явно кристаллическими агрегатами минералов)*

— Ничего себе, — выдохнула я, стоя на коленях рядом с ним и поворачивая жеоду к свету. Простой внешний вид полностью опровергает кристаллизованное чудо в пустотах изнутри. Я коснулась мерцающих кристаллов, поражаясь их сложности.

— Я скучала по тебе, — прошептала я.

— Что?

Я неловко покачала головой. — Ничего.

Он был все еще на коленях, всего в около 60 см от меня. Мои собственные колени начали гореть, контактируя с обжигающим песком, и я быстро поднялась, отряхивая платье.

— Где ты нашел это?

Грейсон поднялся на ноги. — Ты шутишь? Это дерьмо есть везде, если ты знаешь, где искать.

— Оу.

Я протянула половину жеоды ему, но он покачал головой. — Нет, возьми его.

Он подбросил свою половину в воздух и поймал её. — Как насчет такого? Ты берешь половину, и я беру половину.

— Хорошо. Спасибо.

Он подбросил камень и поймал его снова. Его темные глаза внимательно разглядывали меня. — Как ты, Промиз?

Я пожала плечами. — Хорошо.

Я рассказала ему, о повторном визите к Кэлли Лопес. А потом, сбивчивыми словами, упомянула группу, которую она мне рекомендовала.

— Сегодня четверг, — заметил он.

— Да, я знаю. Но я не хочу просить Рэйчел везти меня, она занята Каспером и баром.

Грейсон задумался. — У меня есть кое-какие дела в Паркере. Я подвезу тебя.

Эта мысль не приходила мне в голову. — Ты можешь сделать это?

Он кивнул, улыбаясь, как будто я сказала что-то смешное.

— Спасибо, — сказала я спокойно.

Он кивнул и начал уходить, резко развернувшись, не пройдя и пары шагов. — Ты ведь купила пару джинсов, не так ли? И, наверняка, хотела бы сменить платье, — подмигнул он. — Независимо от того, как прекрасно ты в нем смотришься.

Грейсон подошел к моей двери, до того, как я была готова. Он, казалось, не желал входить в трейлер, но медленно шагнул внутрь, оглядываясь на клетчатые шторы и редкую, но удобную мебель, которую пожертвовали мне.

— Хорошая работа, — сказал он, — не похоже на ту дыру, что была раньше.

Я заправила рубашку в джинсы, кажется, немного потеряла равновесие, от того, как близко он был и насколько большим казался в пределах небольшого трейлера.

— Я готова, — сказала я, схватив маленькую сумочку, которую дала мне Рэйчел, и перекинула ее через плечо. Когда Грейсон шел за мной, я почувствовала, что его рука слегка коснулась моей спины на долю секунды, прежде чем он быстро убрал ее.

Грейсон увидел, что я сомневаюсь, когда пришло время, чтобы сесть на мотоцикл. Последняя поездка казалась такой далекой, хотя была всего лишь десять дней назад.

— Затяни ремень потуже, — сказал он, указывая на свой шлем.

Встреча группы была в классе начальной школы в Паркере. Грейсон высадил меня перед школой и небрежно сказал, что вернется через час. Он уехал, даже не обернувшись.

Я нервничала, заходя внутрь. Другие женщины, казалось, знали друг друга достаточно долго. Было около десятка, различных возрастов. Бабушка с седыми волосами, собранными в пучок подошла ко мне с улыбкой, и я догадалась, что она Миа.

— Ты должно быть Промиз, — сказала она, взяв меня за руку и подведя к стулу.

— Теперь ты можешь принять участие на любом этапе, когда тебе будет комфортно. Здесь нет никакого давления.

Несколько других женщин посмотрели на меня с любопытством, я скрестила ноги у щиколоток и устала на колени. В течение первого получаса все, что я делала, это слушала. Одна женщина, Джини, рассказала о своих страхах, когда её насильник вышел по УДО. Девочка-подросток по имени Жасмин нервно хрустела пальцами и рассказывала, что она начала домашнее обучение, так как было слишком сложно вернуться в то место, где остался одноклассник, напавший на неё.

Когда эти женщины говорили, я поражалась их храбрости, так откровенно делится самыми гнусными деталями, произошедшего с ними. Я слушала, что они становятся сильнее, поделившись своими ужасами, и я вспомнила, как Рэйчел говорила мне, выпустить из себя все.

Когда я встала, все в комнате посмотрели на меня с тихим ожиданием.

— Привет. Я Промиз.

Я сделала паузу, глядя на каждого из них, в свою очередь, черпая силы от их добрых лиц.

— Меня принудили вступить в брак с человеком, который уже имел четырех жен. А потом, в течение нескольких дней, я неоднократно была изнасилована и избита им. Я сбежала из отеля. Мне повезло.

Они не задыхались и не раскрывали свои глаза в шок. Они слушали, как я выплескивала всю гадость. Ужасы моей жизни с Уинстоном. Жестокое открытие о судьбе моей сестры.

И когда я закончила говорить каждая из тех женщин, по очереди обняла меня, пока я плакала. Но потом вдруг я прекратила плакать. Я подняла голову, вытерла слезы и

поблагодарила их.

Грейсон уже ждал меня. Он сидел на бордюре, рядом с его мотоциклом, лениво играя с перочинным ножом. Я подумала, как долго он ждал. И были ли у него вообще какие-то дела в Паркере.

— Эй, ты, — он нежно улыбнулся. — Хорошо прошло?

Я забарабанила пальцами по коже сиденья мотоцикла. — Да.

— Ты голодна?

— Чертовски проголодалась.

Он громко рассмеялся. — С каких это пор ты так говоришь?

— С тех пор как я, бл* могу.

Он продолжал смеяться. — Ну, бл*, не переусердствуй.

Я села рядом с ним, вдруг став серьезной. — Спасибо, Грейсон.

— Знаешь, можешь называть меня Грей.

— Хорошо, Грей. Знаешь, сейчас другая ночь.

Он сложил нож. — Что?

— Ты сказал, что расскажешь о себе другой ночью. Сейчас другая ночь.

— Так оно и есть.

Он поднялся на ноги и потянулся, притягивая меня. — Хорошо, мисс Промиз, я куплю тебе долбанную пиццу и расскажу тебе все о гребаном себе.

У Грейсона была постоянная привычка играть с близлежащими вещами, как если бы он не мог постоянно не двигаться. Он снова и снова поворачивал стеклянную солонку в руках, пока мы ждали еду в местной пиццерии. Он, казался почти застенчивым, мы спокойно сидели друг напротив друга.

— Итак, что же это значит? — Спросила я.

Он был смущен. — Что ЧТО это значит?

Я указала на его левое плечо. — Крест под майкой. «Ни один человек не может судить меня.» Правильно?

Он поднял рубашку и уставился на темный крест, словно он забыл, что там. — Да. Это означает, что когда-то я был подростком с высокими мыслями о том, кто я и где я буду.

Я сделала глоток содовой. — В Нью-Йорке?

— В Нью-Йорке. Квинс. Ты когда-нибудь слышала о Квинсе?

(Прим. Куинс или Квинс (Queens) — территориально самый крупный (280 кв.км) и второй (после Бруклина) по количеству населения район Нью-Йорка. Расположен на острове Лонг-Айленд. На побережье Атлантического океана).

Я была раздражена. — Да, я слышала о Квинсе.

Он ослепительно улыбнулся. — Извини. Не плохой район, чтобы повзрослеть, все равно мои предки закрывали глаза на нас в любом случае.

Он начал катать солонку по столу, пока рассказывал, что он вырослел в комфорте.

— Моя мама, она была дочерью кардиохирурга с Лонг-Айленда. Он был не слишком доволен, когда она связалась с доминиканским иммигрантом из Бронкса. Но моя мать не позволила никому удерживать её против воли. Она осталась с моим отцом, было много хорошего, когда они были вместе.

Он внезапно сник, и его голос стал хриплым. — Они ехали в Катскилз *(Прим.1)* за

месяц до моего окончания средней школы, в давно запланированное юбилейное путешествие. Другой автомобиль двигался не в ту сторону по Taconic State Parkway. (Прим.2) Мой папа умер на месте, и мама умерла в тот же день.

Прим 1. Катскильские горы (Catskill Mountains) – горный массив в штате Нью-Йорк (New York), восточный отрог Аллеганского плато)

Прим 2. Taconic State Parkway. Нью-Йорк. Автострада Таконика. Называемая просто «Таконик», это самая длинная автострада в штате Нью-Йорк.

Я сглотнула. — Это ужасно, Грей. Мне так жаль.

Он молчал, не поднимая глаз, до того момента, пока не принесли пиццу за наш столик. — У тебя есть братья или сестры?

Вопрос, казалось, причинил ему боль. — Сестра. Каллиста. Она была, и есть, она на три года младше меня. Она уехала жить к нашим бабушке и дедушке на северный берег. Папа моей мамы никогда по-настоящему не принимал меня. Думал, что я был слишком похож на моего отца и приносил неприятности. Но это было нормально. У меня была ученая стипендия в Нью-Йоркском университете. Я мог бы жить на территории кампуса, и все было бы в порядке.

Он посмотрел в окно и лучи заката. — Все было бы хорошо, — повторил он.

Но я знала, что все обернулось иначе: — Что случилось?

Он начал играть с солонкой снова. Никто из нас не прикоснулся к пицце.

— Однажды ночью появился парень из соседских. Да, я знал, что он был в дерьме и я не хотел этого касаться, но он был другом. Друг, — он покачал головой. — Он реализовывал плохие брикеты, и припрятал свой мусор у меня. Мужчина скончался от того дерьма, что он продал. Когда запахло жареным, он назвал им мое имя.

Он внезапно замолчал и улыбнулся мне. — Это своего рода чужой язык для тебя, не так ли?

— Какой, английский? Нет, — я взяла кусок пиццы. — Так что я справлюсь. Ты был неправоммерно осужден.

Он иронически хмыкнул, глядя с мрачным выражением. — «Ни один человек не может судить меня», — сказал он мрачно. — Пока сам этого не сделал.

Я не хотела видеть его в таком состоянии. Огорченный и грустный.

— Это было в Нью-Йорке, да? Как ты попал сюда?

Он улыбнулся без юмора. — Даже заключенным дают чертову работу в нынешней корпоративной аристократии. Штат Нью-Йорк решил, что дешевле отправить кучку в частное учреждение в малообеспеченную часть страны.

— И вот, тогда ты встретил Каспера.

— Да, вот где я встретил Каспера.

— Так ты когда-нибудь разговаривал с сестрой?

Вопрос причинил ему боль. Он заерзал на стуле и посмотрел вниз.

— Она не разговаривает со мной, — сухо сказал он. Он выпрямился и резко повернул солонку снова. Я накрыла его руку своей, жест комфортный и дружественный.

— Ты знаешь, пицца сама не съест себя, — сказала я, наконец.

Грейсон покачал головой с улыбкой. — Моя мама имела обыкновение говорить подобное дерьмо.

— Он вдруг посмотрел мне в глаза. — Ты бы ей понравилась.

— Она была белая? — Просто выпалила я. Я не имела в виду ничего такого, но после

того, как слова повисли в воздухе, они прозвучали ужасно грубо. Я убрала руку и положила на свою сторону.

Грейсон, однако, рассмеялся. — Да, — сказал он. — Но это не то, почему бы ты ей понравилась, — он оценивал меня буквально мгновение. — Ты крепче, чем тебе кажется. Ты пройдешь через это, Промиз.

Он, наконец, взял немного пиццы.

— Грей?

Он поднял брови и проглотил. — Что?

— Что ты изучал?

— Археологию. Как Индиана Джонс, — он хихикнул. — Думаю, ты не знаешь, кто он, черт возьми, правда.

Имя звучало смутно знакомым. Я посмотрела на него. — Пошел ты. Ты мог бы, и просветить меня.

Его улыбка исчезла, когда он нашел глазами мое лицо. — Да, — сказал он, — я мог бы просветить тебя, Промиз.

Мы долго не задерживались, быстро поели, а затем отправились домой. Грейсон указал на растущее пылевое облако на западе, когда мы выехали из Паркера.

Я уставилась на облако. Это было зловещая темная стена, которая выглядела высотой в несколько километров и быстро движущейся.

— Хабуб, — сказал он, запуская двигатель. (*Прим. Haboob [həˈbuːb] суц. араб. хабуб, сильная песчаная или пыльная буря*)

— Что? — Закричала я, в ужасе не отводя от него глаз. Однажды я видела картинку с одной из самых известных песчаных бурь Великой Депрессии, когда она навалилась на сонный городок в штате Оклахома. Монстр направлялся в нашу сторону и выглядел устрашающе похожим.

— Так называют большие пыльные бури. Мы можем оторваться от него в Куартзсайте, если будем ехать быстрее. Держись.

Он едва дождался, пока я ухватила руками, а потом плавно ускорился. Я прижалась лицом к его спине, закрыв глаза из-за ветра. Я не открывала их, пока не почувствовала, что мотоцикл снизил скорость, и поняла, что мы приближаемся к Куартзсайту.

Стена пыли или Хабуб, быстро надвигалась. Грейсон остановил мотоцикл перед баром, и я спрыгнула, глядя на, казалось бы, непроходимый каскад коричневой пыли, которая появилась, чтобы проглотить все на своем пути.

Я не могла отвести взгляда. В самом деле, я чувствовала, что меня будто магнитом притягивает, возвышаясь на добрую милю в высоту и несколько миль в ширину. Я поняла, что я быстро подходила к нему, мимо трейлера, мимо высохшей стирки. Когда я резко остановилась, Грейсон почти врезался в меня. Я с удивлением повернулась к нему. Я не слышала, что он идет за мной.

— Посмотри на это, — я указывала, как замороженная.

Он кивнул. — Это удивительное зрелище. — Он потянул меня за рукав. — Эй, ты не должна стоять здесь, когда она нагрянет. Эта пыль несет с собой всякое дерьмо, и может причинить боль.

— Подожди минуту, — прошептала я, загнипнотизированная вздымающимся размахом, пока он приближался, его стало видно лучше.

Грей топтался рядом со мной, пиная песок. Я хотела сказать ему, чтобы он шел без

меня, но знала, что он не уйдет. Я посмотрела, как коричневое облако начало закрывать небо. Он был прав; Я не должна здесь оставаться. Я не сомневалась, хабуб мог попытаться поглотить меня целиком своей густой мглой. Мысль испугала и развеселила меня.

Он не отстранился, когда я отыскала его руку. Его пальцы переплелись с моими, и его хватка стала крепче. Мы наблюдали, как ветер начал сеять песок у наших ног.

— Сейчас, — я обратилась к нему с улыбкой, — как насчет того чтобы купить мне первую выпивку?

Он задумался. — Сейчас подходящее время, как и в любое другое время.

Мы быстро пошли и тихо вернулись к бару. Грей продолжал держать меня за руку. Но только до того, как мы дошли до порога.

Я обернулась и посмотрела на него, когда он отошел. Казалось, я должна была что-то сказать. Или он должен.

Но, в конце концов, мы только смотрели друг на друга молча, когда горячие потоки ветра начали свирепо порываться, быстро рассекая все вокруг нас.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«Земля крайностей. Земля контрастов. Земля сюрпризов. Земля противоречий. Это Аризона». — Федеральная программа поддержки писателей, 1956.

«И никто, кроме любимых не заставляет нас смеяться или плакать». — Уилла Катер.

Грейсон.

— Ты сражен? — Мэду даже не было нужно говорить ее имя.

— Нет, — Грейсон не поднял глаз.

Мэддокс небрежно закурил. — Ты будешь?

Грейсон прижал магазин прикладом Mini 14, позволяя ему выпасть из обоймы в руке.

(Прим. Винтовка Ruger Mini-14) — Нет.

Мэду это показалось забавным. — Хорошее дерьмо, Грей, твоя гребаная рука не устала?

— Эй, не кури это дерьмо здесь.

Мэд выдохнул облако дыма и улыбнулся, потушив сигарету о небольшую тарелку.

— Давай сегодня вечером. У тебя будет дело с плохой киской. Но ты же знаешь, сколько еще таких вокруг просто умирающих по плоти. Побалуй себя немного, брат.

Он откинулся в кресле, закинув ноги на стол Грейсона. Он улыбался. — Это из-за нее, не так ли?

Грей не хотел говорить о девушке. Он чувствовал себя достаточно виноватым за настрой мыслей, продолжающих бродить в его голове. Конечно, он хотел ее. Но он даже не думал в этом направлении независимо от того, что это плохо получалось.

Он глянул вверх в тот момент, когда она шла в направлении бара, вероятно, в поисках Рэйчел. Эти дни она ходила уже более уверенно, и он был рад. Она даже немного поправилась, уже не тот тощий призрак, которого он нашел тремя неделями ранее. Его глаза невольно спустились по ее телу. Грей вспомнил, как чувствовал ее грудь на спине, когда она вцепилась ему в спину, сидя на его мотоцикле несколько дней назад, когда он снова возил ее в Паркер на её вечерние встречи группы поддержки по четвергам.

И тогда он понял, что его мысли снова движутся в том направлении, куда он не был готов отправиться, так что он вставил магазин обратно в винтовку с жестким щелчком.

Мэддокс тоже посмотрел в окно.

— Кто-то должен показать ей, как это реально делается, — сказал он намекающим тоном, прикасаясь к передней части штанов в содержательном жесте. Он по-прежнему улыбался.

Грейсон посмотрел на него, думая о том, что этот ублюдок может улыбаться на похоронах монашки. Мэддокс улыбнулся.

Грей знал, Мэду нравилось видеть, как сильно он может надавить, но не мог решить, была ли это просто попытка заставить его шевелиться. Он решил не рисковать.

— Не надо, — сказал он, наконец.

Мэддокс поднял брови. — Признай это.

Грей усмехнулся. — Я, бл**ть, не собираюсь что-либо тебе признавать, осел.

Мэд хлопнул по столу. — Я, бл**ь, знал это! Ты хочешь быть первым в очереди.

— Заткнись, Мэддокс, — сказал Грей. Он покончил с этой беседой.

Мэд нахмурился, меняя тему. — Ты снова собираешься идти на охоту сегодня?

— Завтра. Я обещал ей, что научу ее.

Мэддокс стал серьезным. — Она горячая штучка, но, черт побери, Грейсон. Знаешь, с ней это не пара чертовых пустяков, — сказал он, на этот раз, убрав все притворство и сарказм.

У Грейсона и того не было. Он холодно посмотрел, как его брат-Отступник Мэддокс пожал плечами и убрал ноги со стола. Мэд понял всё достаточно хорошо, чтобы сменить тему, и начал просто болтать о некоторых предстоящих работах в Блайте, тот который был так далеко, как озеро Хавасу.

После того, как Мэддокс ушел, Грейсон осмотрел границы своего трейлера, пока небрежно перебрасывал винтовку из одной руки в другую. Он любил это место. Когда он впервые вышел из Пикачо, это казалось несбыточным раем. Он вступил в Отступники легко, и все эти ребята, даже Мэддокс, были его сердцем. Он не мог вернуться к своей старой жизни в Нью-Йорке. Это было просто невозможно.

Правда, Грей был частью кое-какого дерьма, с тех пор, как попал сюда. Дело было в штате Колорадо. Это был решающий момент, когда Орион назначил его сопровождающим. Он стоял снаружи маленькой комнаты и слушал сдавленные смертельные крики другого человека. Ему рассказали почему. Это было больше, чем кровная месть; невинная жертва, для защиты Киры. И поэтому он окончательно не потерял сон. Он спокойно помог Ориону прибрать беспорядок и положить тело туда, где его не найдут. Это был тот момент, когда он действительно стал чего-то стоить в глазах лидера Отступников. Хотя его устраивало, как шли дела на данный момент, Грей еще думал о чистом мире своего детства: его матери и отце. Как бы они смотрели друг на друга.

Он покачал головой, проклиная свою тоску, и дал пулям выпасть на пол. Беспокойство снова угрожало дойти до точки кипения, оно всегда закипало под внешней оболочкой во время его пребывания в Пикачо. Он ненавидел думать обо всем, что было у него украдено. Единственный способ освободиться от этого — двигаться дальше.

Грей посмотрел в окно. Полдень. Июль в пустыне Мохаве — не для слабонервных. Он решил, что выйдет в любом случае. Этот мир был экстремальным и он приспособился. Он не хотел брать мотоцикл. Он хотел добраться на своих двоих, чтобы гулять прямо в пустыне, как он, черт побери, хотел. Просто потому, что он мог.

Он чуть не сбил ее, когда выпрыгнул за дверь.

— Грей, — улыбнулась она, немного спотыкаясь.

Она посмотрела на него, излучая высшую степень доверия. Никто никогда до этого не смотрел на него так.

— Промиз. Я чуть было не сшиб тебя.

— Нет проблем. — Она опустила глаза и нахмурилась. Она была одета в один из своих сарафанов. Они не привлекали его взгляда, но иногда, он мог сказать, что она не была уверена в красоте своего тела.

Ты выглядишь чертовски прекрасно, ангел.

Вот что он хотел сказать. Но тогда она могла бы догадаться о значении его слов. И у него были проблемы с подавлением воспоминаний о том, что он думал о ней прошлой ночью, в то время как его рука яростно работала, пока он бешено кончал, представлял себе, как находится внутри нее.

Грейсон судорожно вдохнул, и она посмотрела на него с любопытством.

— Ты куда-то собираешься?

Он закрутил крышку бутылки с водой, которую он прихватил с собой. — Просто прогуляться.

— Можно мне с тобой? — Застенчиво спросила она, поигрывая с каштановыми

волосами.

— Нет, — он сказал это слишком резко. Он заметил, как испугал ее. — Не в этот раз, — сказал он мягче и удалился. Он должен был выкинуть ее из головы. Большую часть времени он был в порядке, даже если она была рядом. Но именно тогда он понял, что, если она подойдет слишком близко, если она коснется его, этого будет слишком. Он возьмет ее. Он пересечет черту.

А потом тепло доверия в её глазах исчезнет. В конце концов, он станет просто еще одним мужчиной, обидевшим её.

Грейсон сказал мне быть готовой к 6 утра. Он собирался научить меня стрелять, как он и обещал неделю назад. Мои ребра очень хорошо зажили. Только иногда я могла резко повернуться не в ту сторону и ощутить приступ боли в спине, но в целом я чувствовала себя лучше. Я снова чувствовала себя нормальной, частью мира.

У меня было несколько коротких разговоров с Рэйчел о том, что делать. Скорее всего Дженни была не в Аризоне и, следовательно, вне досягаемости властей Финикса. Тем не менее, Рэйчел помогла мне совершить анонимный звонок в Службу защиты детей. Женщина, с которой я разговаривала, была добра и задавала много вопросов. Я рассказала ей обо всем, что знала. Но потом она стала аккуратно выпрашивать другие вещи. Кто ты? Где ты? Я, дрожа, закончила разговор. Уинстон Олбрид и Эштон Тальбот были могущественными людьми. Взгляд на обширную сеть Правоверного Кооператива сказал мне, сколько влиятельных людей будет на их стороне.

Я надела джинсы и теннисные туфли, как порекомендовал Грей. Он сказал, что там в пустыне вокруг много всякого шастает. Всякого, нападающего и жалящего. Шансы остаться невредимой были выше, если кожа будет прикрыта.

Завернув несколько булочек с корицей, которые я испекла с Кирой днем раньше, я заперла дверь трейлера и направилась к соседнему.

Грейсон открыл дверь, даже прежде чем я постучала. Он кивнул на фольгу в моих руках. — Что там у тебя?

Я улыбнулась. — Завтрак.

Он шустро открыл мне дверь. Со вчерашнего дня не осталось ни капли странной напряженности, и я решила, что мне привиделось. Это беспокоило меня весь день, но Грей был иногда переменчив.

В основном он был вежливым и дружелюбным. Но были времена, когда, я могла бы поклясться, что я была последним человеком в мире, которого он хотел бы видеть. Эти моменты никогда долго не длились и всегда оставляли меня в недоумении, если я неверно считывала его.

Еще были другие случаи. Их было меньше. Я ловила его, рассматривающего меня настолько откровенно, что электрическим зарядом возбуждал мои внутренности. Тогда он быстро отворачивался, пряча это. Я бы записала это на счет своего воображения, но Рэйчел тоже заметила. А она знала мужчин. Она знала, что это было.

Но я не увидела на его лице никаких признаков чего-либо более глубокого, чем дружба, когда он открыл завернутые булочки с корицей и улыбнулся мне. — Отличная работа.

— Попробуй, прежде чем раздавать комплименты.

Он проглотил одну целиком. — Теперь я могу выразить свою признательность?

— Да. Теперь можешь.

— Хорошая работа, Промиз, — сказал он тихо.

Он хотел отъехать подальше от границ города. Я надела шлем на голову и подняла руки вверх, пока Грей крепил винтовку к моей груди. Он сказал, что было бы слишком сложно везти его самому, упираясь в меня. Винтовка не была тяжелой, и она легко легла поперек моей спины. Я никогда до этого не держала оружие и чувствовала себя сильнее в момент, когда оно было рядом.

— Я выгляжу, как крутая сучка? — Спросила я, позируя перед ним.

Он усмехнулся. — Ты действительно выглядишь чертовски опасно.

Неестественная тишина установилась раньше. Когда я залезла на заднее сиденье мотоцикла Грея, это казалось интимным моментом, как будто во всем существующем мире мы были единственными живыми людьми.

Грей заверил меня. — Можешь пойти пострелять в любом месте пустыни, по крайней мере не меньше четверти мили от жилых помещений.

— В конце концов, — сказал он с иронической усмешкой, — мы же не хотим идти вразрез с законом.

Мягкости утреннего света не хватало этим летним днем. Грей ехал на восток от города, в направлении Финикса. Он добрался на окраину города и съехал по грунтовой дороге, которая выглядела редко используемой. Я видела несколько прицепов и RV, разбросанных в бескрайней дали, но кроме этого, там ничего не было. Я слышала раньше, как для описания этого уголка мира использовали слова «Необжитая Аризона». Я поняла, почему.

Грей медленно вел мотоцикл в течение мили к раскидистым ветвям железного дерева и креозотовым кустам до того, как остановиться.

(Прим. Ларрея — креозотовый куст. Каждый куст напоминает метровой высоты веер ветвей, воткнутых в землю. От горизонта до горизонта тянутся «сады» ларреи, и над ними висит запах креозота).

После того, как мы слезли с мотоцикла, он выпрямился очень резко и по-деловому, снял сумку с патронами из отделения для хранения и жестом попросил меня передать ему винтовку.

— Сейчас, — сказал он, начиная идти, и, видимо, ожидая, что я последую, — есть некоторые основные правила безопасности, которые мы должны установить.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Ты никогда не стреляла из оружия раньше, да?

Я покачала головой. Все мужчины в Долине Иерихон имели значительные коллекции оружия. Но женщинам не разрешалось иметь с ними ничего общего.

Он кивнул и продолжил инструктировать меня своим глубоким голосом.

— Первое, что нужно запомнить, — сказал он, потянув меня за руки, и положив оружие поперек ладони. — Является то, что тебе нужно рассматривать все оружие, как будто оно заряжено. Ты понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Второе, Промиз, никогда не направляй оружие на то, что ты не готова уничтожить. Никогда, — сказал он для пушей убедительности. Он указал на пересеченную местность.

— Номер три: будь уверенной в своей мишени и тем, что за твоей мишенью, прежде чем стрелять. И, наконец, никогда не ложи палец на спусковой крючок, пока не будешь готова выстрелить.

Я неодобрительно посмотрела на оружие в руках, мои пальцы обвилились вокруг деревянного приклада.

— Что это за оружие?

— Это винтовка, Мини 14.

Он сунул руку под рубашку, и я была удивлена увидеть там кобуру. Я не думала, что у него есть оружие. Он снял пистолет с предохранителя. — Это Глок, — сказал он, направляя

пистолетом специально в землю, затем он поднял его обратно вверх, издавая щелкающие звуки.

— Мы постреляем из этого позже, — решил он, кладя его обратно в кобуру. Он начал отходить.

— Побудь здесь минуту. И вспомни, о чем я говорил, куда направить эти шулки.

Сухое мескитовое дерево стояло в стороне около двадцати ярдов. Он полез в рюкзак, который нес на плече и выставил ряды бутылок и банок. Пивные бутылки, глядя на них, я решила, что промажу. Он повернулся и робко мне улыбнулся.

— Почти по-деревенски, — позвал он. — Но будет окончательно.

Когда он повернулся в мою сторону он взял пистолет у меня из рук.

— Кое-что о стрельбе, — сказал он, начиная заряжать пистолет. — Это то, что дает равные возможности. Небольшая женщина может научиться стрелять так же хорошо, как и стокилограммовый мужчина. Это искусство. Искусство стоять на месте, видеть свою мишень и целиться.

Одним быстрым движением он поднял винтовку к плечу, и умело выстрелил. Стекло бутылки в дальнем правом взорвалась.

— Твоя очередь, — решил он, протягивая мне винтовку.

Я медленно подняла. Грей стоял в нескольких дюймах и в помощь высказывал инструкции.

— Не забудь посмотреть через прицел.

— Упрись ногами.

— Не дрожи, ожидая выстрела.

Наконец мне удалось задеть банку в центре линии.

Он поднял бровь. — Это было то, во что ты целилась?

— Нет, — нахмурившись, призналась я.

Грей взял у меня винтовку и один за другим сбил каждую из мишеней точным выстрелом.

— Хвастунишка, — я поддразнила его.

Он засмеялся и пошел к упавшему дереву, чтобы заменить мишени. Когда вернулся, он взял Глок из кобуры. Положил его в мои руки.

— Сейчас? — Спросила я, прицеливаясь.

— Сейчас, — сказал мне Грейсон.

Я почувствовала судорожный рывок, когда нажала на спусковой крючок. Осечка. Я в замешательстве посмотрела на пистолет.

— Смотри, — сказал он, кивая. — Ты напрягаешься и вздрагиваешь перед выстрелом. Это основная причина, почему ты мажешь.

— Ты вынул пули, не сказав мне, — обиделась я.

— Ну да, — он улыбнулся.

— Как еще я мог дать тебе понять, почему ты лажаешь?

— Положи их обратно, черт возьми.

— Смотрите на неё, маленькая злючка сердится. — Прохрипел он.

Я опустила пистолет и толкнула его локтем. Он, казалось, находил все это забавным. Он прекратил смеяться достаточно надолго, чтобы перезарядить пистолет, а затем вернул его мне.

Но когда я подняла Глок и прицелилась в середину бутылки, он встал у меня за спиной.

Его руки сжали мои, когда он пытался установить мою цель. Его широкая теплая грудь была за моей спиной, и я попыталась сосредоточиться на том, что передо мной, вместо ощущения прикосновения его тела.

— Посмотри через прицел, — сказал он тихо. — Хорошо. Сейчас.

Я нажала на спусковой курок. Бутылка взорвалась при ударе.

Когда мы вернулись домой, Грейсон, казалось, был чем-то озабочен. Он рассеянно кивнул, когда я поблагодарила его за урок и начал грузить всё на плечо, занося обратно в свой трейлер. Кажется, он не особо жаждал моей компании в тот момент, поэтому я вздохнула и посмотрела вокруг.

Я улавливала туманные различия между стоявшими мотоциклами мужчин. Я заметила, что тех, что принадлежали Касперу, Ориону и Тигу, перед баром не было. Было еще слишком рано до открытия, так что, я решила, что зайду к Рэйчел и посмотрю, чем она занимается.

Когда я легонько постучала в дверь, она позвала меня, чтобы я заходила.

— Ну, что? — Нетерпеливо спросила она, глядя в сторону ванной.

Появилась Кира, одетая только в топ и стринги. Она что-то держала в воздухе и хихикала. — Положительный!

Потом она завизжала и бросилась на шею Рэйчел.

Рэйчел рассмеялась и сделала вид, что задыхается, отпихивая её. Взгляд Киры упал на меня, и, кажется, она внезапно немного испугалась.

— Что происходит? — Спросила я нежно, прислонившись к стойке, хотя уже догадалась.

Кира посмотрела на Рэйчел, а затем снова на меня. — Я беременна, — сказала она, застенчиво улыбаясь.

— Ты счастлива? — Спросила я с любопытством.

Она утвердительно закивала головой, сжимая тест на беременность в руках.

— Я в чертовском восторге!

Я улыбнулась. — Тогда это замечательная новость, — я обняла ее.

— Спасибо, Промиз, — выдохнула она в мои волосы. Потом она вспомнила кое-что. — Эй, ты ведь акушерка, да? Ты сможешь родиться моему ребенку!

Я рассмеялась. — Я раньше никогда не принимала роды без посторонней помощи, но да. Ты уже решилась на домашние роды?

— Что? — Кира посмотрела пустыми глазами.

— Ничего, еще много времени, чтобы распланировать роды. Какой срок?

Она на мгновение задумалась. — Мои последние месячные были пять недель назад.

— Твоя беременность отсчитывается от первого дня последней менструации. У тебя пять недель, Кира, поздравляю.

Она немного покраснела, и посмотрела сверху вниз на свой ровный, загорелый живот с удивлением. Рэйчел заботливо положила руку около пупка.

— Подожди говорить ему, — сказала она тихо.

Кира резко подняла голову, и немного спала с лица. — Вот дерьмо, Рэйч. Мне так жаль. Я забыла.

Рэйчел решительно покачала головой. — Нет, конфетка, — сказала она, приподнимая подбородок Киры. — Это счастливый день.

Рэйчел заметила, что я смотрела на неё и объяснила: — Я не могу иметь детей. Или, по крайней мере, это очень маловероятно, я не могу выносить ребенка. Я могу забеременеть, но почти всегда был выкидыш.

Кира крепко обняла Рэйчел за талию и Рэйчел обняла ее в ответ. Потом они обе сгребли

меня в охапку, и мы тихо стояли так некоторое время.

Пока Рэйчел готовила завтрак на скорую руку, Кира задавала мне миллионы вопросов о беременности, широко раскрыв свои голубые глаза. Я коротко рассказала ей о важных вещах, о которых знала. Как формируется нервная трубка и то, что она должна принимать хорошие витамины, что она, скорее всего, почувствует натяжение кожи, когда матка увеличится в объеме от развивающейся беременности.

Наевшись от души, Кира ахнула, когда услышала рев возвращающихся мотоциклов. Рэйчел бросила ей обрезанные джинсовые шорты, которые она оставила на полу в ванной комнате и Кира спешно скорчилась над ними.

Я выглянула в окно и увидела, что мужчины слезли со своих мотоциклов перед баром «На дне реки». Кира задержалась у двери, словно вдруг почувствовала неуверенность в себе.

— Иди, милая, — мягко сказала Рэйчел, Кира сделала глубокий вдох и вышла на солнце.

Рэйчел наклонилась над моим плечом, пока мы наблюдали, как она шла в направлении бара. Тиг уже исчез. Каспер помахал Ориону и направился к трейлеру, немного подтолкнув Киру, когда прошел мимо нее.

Однако глаза Киры были прикованы к Ориону. Он наблюдал за ее походкой и ждал, откинувшись на сиденье мотоцикла. Она положила руки на его бедра и склонилась над ним, тихо говоря на ухо. Потом она сделала шаг назад, нервно кусая ноготь.

Лицо Ориона было неподвижно в течение минуты. Затем он расплылся в широкой улыбке, поднял её и закружил.

Рэйчел, улыбаясь, закрыла шторы, Каспер вошел в дверь. От того, как его взгляд сразу же сосредоточился на Рэйчел, я решила, что должна уйти, поэтому взяла ключи от бара у Рэйчел и сказала, что начну готовить бар к открытию.

— Увидимся позже, — прошептала она, стреляя в Каспера многозначительным взглядом.

Я уже знала, что не займет много времени, чтобы подготовить бар. Подмести пол, протереть столы, отполировать бокалы. Я посмотрела на бутылки за стойкой, но я не так уж много знала о том, чем они были наполнены, поэтому просто сдула с них пыль и начала читать копию Анны Карениной, которую оставила Кира.

Женщина, которая вошла спустя некоторое время не улыбнулась. Она выглядела смутно знакомой. Она была худой и ее светло-каштановые волосы, были связаны в хвост. Я прикинула, что она, возможно, на несколько лет старше меня.

— Где Рэйчел? — Сказала она вместо приветствия.

Я встретила ее холодный взгляд и скрестила руки на груди.

— Её здесь нет, — кем бы она ни была, она не кажется особенно дружелюбной. — Мы официально закрыты сегодня, но я могу налить тебе, если хочешь.

Она снисходительно усмехнулась. — Я и сама налью, — она направилась за стойку и налила стакан воды из-под крана.

— Итак, — сказала она, наклоняясь к бару и, наконец, натягивая улыбку, которая не имела ни толики тепла. — Кто ты, черт возьми?

Она мне совсем не понравилась.

— Я могла бы задать тебе тот же вопрос.

Ее взгляд был пронизывающий, когда она посмотрела на меня сверху вниз.

— Ты чья-то женушка? Или ты просто временное развлечение?

— Ни та, ни другая.

— Здесь надо быть либо той, либо другой, — сказала она, закуривая сигарету. — Ты знаешь этих ребята?

Я пожала плечами. — Я подруга Грейсона.

Зря я так сказала. Ее глаза сузились, а рука, которая держала сигарету, замерла. Вдруг я поняла, на кого я смотрю.

— Так ты Талия, не так ли?

— Хм. Мой мальчик говорил обо мне, да?

— Нет. И я получила отчетливое доказательство, что он не твой.

Она рассмеялась. — Ты зря тратишь свое время, сука. Он может быть диким зверем в постели, но он бессердечный сукин сын.

Я разозлилась. Из всех слов, которыми можно было бы описать Грейсона Меркадо, слова «бессердечный» среди них точно не было.

— Послушай, я не думаю, что у тебя здесь есть дела, и судя по всей той хрени, что я слышала, в которой упоминалось твое имя, то, кажется, тебе лучше просто уйти.

Талия получала удовольствие от этого. Она постучала ногтями по бару и шагнула ближе. — О, вот о чем думает, этот застенчивый котенок?

Дверь в бар открылась, и Мэддокс ввалился через нее с Брэндонном на хвосте. Увидев Талию, Брэндон прижался к стене и зашипел, как кошка.

— Она дьявол, она дьявол, хшш, хшшш, — скандировал он.

— Черт, — выругался Мэддокс.

Талия посмотрела на них и начала возмущаться.

— Просто скройся, к черту! — Проревел Мэддокс, распахивая дверь с силой.

Талия направила на меня леденящий взгляд, а потом надменно прошествовала через дверь. Брэндон, посмеиваясь, рухнул в кресло.

Мэддокс хмуро многозначительно посмотрел на меня. — Она наговорила тебе дерьма? О Грее?

— Немного, — призналась я.

— Да уж, хорошо, что она лживая п**да.

Я покраснела и опустила голову. Брэндон засмеялся еще громче.

— Черт, ты напугал бедняжку, Мэд.

— Нет, не напугал, — я подняла голову и вызывающе посмотрела на каждого. — И что бы мне ни сказали, нет ничего, что заставит меня плохо думать о Грейсоне. Ничего.

— Оооооо, — сказал Брэндон.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Мэддокс. — Я думаю, что ты достойнее, чем я, бл*ть, полагал.

Я не знала, что мне делать с этим утверждением, так что я просто не придавала значения. Они оба, казалось, вскоре забыли обо мне, помогая себе в баре, и кощунственно разговаривая о сиськах и их многочисленных атрибутах.

Рэйчел принеслась немного спустя, свежая и красивая. Она обменялась несколькими добродушными колкостями с ребятами, пока они не отвалили.

— Кого-то ждешь? — Спросила Рейчел с улыбкой, заметив, как я уставилась на дверь.

— Никого, — пробормотала я, опуская нос обратно в «Анну Каренину».

— Врушка, — отметила она, но не стала развивать.

Кира позевывала, когда зашла в начале дня и лениво улыбнулась мне. — Я должна быть такой усталой?

Я кивнула. — Это достаточно нормально для беременной женщины, чувствовать себя истощенной, даже так рано, в первом триместре.

Кира села на барный стул и серьезно посмотрела на меня.

— Ты знаешь, у меня никогда не было много друзей. Девушки, которых я знала, они бы не поняли. Так что я держала их на расстоянии.

Она вдруг спрыгнула с барного стула и крепко обняла меня, так мило положив щеку на мое плечо, пока ее светлые волосы лежали на моем лице.

— Я рада, что ты здесь, Промиз, — призналась она.

Я обняла ее в ответ, чтобы погреться в теплом свете сестринской связи.

— Я тоже очень рада, — сказала я. Но потом мое сердце немного сжалось от ужасной мысли, которая никуда не уходила.

Дженни, Дженни. Я не забыла.

Рэйчел спросила, могла ли я той ночью помочь, и поработать в баре. Я не возражала, только хотела переодеть пыльные джинсы, которые надела утром, когда пошла, стрелять с Грейсоном.

После быстрого душа, я просмотрела мой гардероб, выбирая платье, которое я еще не надевала. Это было изумрудно-зеленое платье с самым глубоким вырезом из тех, которые до этого я избегала. Однако когда я надела его, то сразу увидела, насколько хорошо оно подчеркивало мое тело. Я взбила свои локоны и закрепила заколку в виде белого цветка за ухо. После того, как тщательно наложила немного макияжа, я сделала шаг назад и посмотрела в маленькое зеркало, удивившись, что я на самом деле, казалось, была довольно-таки ничего. И я не хвасталась и не заблуждалась. Только радовалась. Я провела руками по ткани платья, плотно погладив плоский живот и, наконец, смело нажав на выпуклость моей груди.

Жаркий румянец появился на моем лице, когда я почувствовала, как это было бы приятно. Быть желанной, чтобы тебя касались. Так, как Каспер хотел Рэйчел или Орион хотел Киру. Я вспомнила, как мускулистые руки Грейсона обнимали меня, когда он помогал мне направлять пистолет. В моем животе разлилось мощное теплое чувство. Интересно, что если он, когда-нибудь думал обо мне, не только как о плачущем существе, прицепившемся к нему, а, как о женщине.

Со вздохом я выключила свет и вышла из трейлера, закрыв его за собой. Вечер быстро настал. Над головой пискнуло несколько летучих мышей, когда они отправились в свой ночной полет. Я посмотрела им вслед, наблюдая, как их темные фигуры растворились в ночи.

Когда мой взгляд вернулся к бару, я увидела его. Он стоял всего в нескольких метрах от бара, и было достаточно света, чтобы мне хватило только одного взгляда на выражение его лица, прежде чем он успел скрыть его.

— Привет, — сказала я, чувствуя необъяснимую нервозность.

Грейсон не улыбнулся. — Привет.

Я кивнула на бар. — Я работаю сегодня вечером. Ты придешь?

— Конечно, я буду там, — он подошел на шаг ближе, его голос был мягкий. — Это хорошее платье.

— Да? — Я, довольная, опустила глаза.

— Да, — грубо сказал он, все еще не улыбаясь, и с той же стойкой напряженностью во взгляде.

Я сглотнула, не зная, что сказать дальше. К счастью, нам грубо помешали, в лице Мэддокса. Он вылетел из своего трейлера, в одних только трусах. Когда он увидел Грейсона, то быстро забежал обратно.

— Эй, Грей, — зашипел Мэддокс. — У тебя есть гондоны?

Грейсон взглянул на меня, а потом бросил на него устрашающий взгляд. — Серьезно, придунок?

Мэддокс был невозмутим. — Что? — он указал на меня. — Я имею в виду, я знаю, что она типа угнетенная и прочее дерьмо, но она, вероятно, знает, что такое гондоны.

Грей стиснул зубы и посмотрел на небо. — Это еще не гребанная точка.

— Конечно, нет. Эй, милая, ты знаешь, что такое гондоны, верно? Черт Грей, ты бы слышал эту девушку, когда она защищала тебя сегодня. Это было чертовски мило.

Он повернулся ко мне с дружеской улыбкой. — Смотри, я заполучил Шерил Большие Сиськи — так мы называем ее, потому что у неё и есть большие сиськи — все разложено и готово к работе. Еб*ть, если мне придется ехать в город, только для того, чтобы получить эту чертову защиту.

— Святое дерьмо, — Грей покачал головой.

— О Господи, не бери в голову, если это так чертовски сложно, то я пойду и потрясу Брэндона.

Мэддокс почесал между ног, а затем далеко отошел.

Грей посмотрел ему вслед. — Животные, — презрительно сказал он.

Я закусила губу и захихикала, это, казалось, поразило Грейсона. Затем он рассмеялся.

— Ну, — сказала я, — меня ждет Рэйчел. Ты сейчас идешь?

Он покачал головой. — Нет, не сейчас.

— Ох. Скоро?

Он посмотрел мне в глаза. — Да, — согласился он. — Скоро. — А потом он развернулся и пошел в другую сторону.

— Скоро, — прошептала я, а затем направилась в бар.

Был небольшой наплыв около десяти часов, а затем все постепенно успокоилось. Грей появился где-то в промежутке между этим, и сел позади, с Брэндонам, который опрокидывал рюмки Даунинг Текилы, каждые пять минут.

Кира и Орион сидели в темном углу. Она сидела у него на коленях, склонив голову ему на плечо и закрыв глаза, а он нежно гладил ее руку.

Каспер стоял за стойкой бара, с Рэйчел, обняв ее за талию. Я видела, как он коснулся носом ее уха и что-то шепнул, она рассмеялась. Вдруг он потянулся назад, в темноту. Музыка стала громче.

Кира села и сердито потерла глаза. — Что это?

— Черт, это из старого, — улыбнулся Орион. — Наверное, Примерно, твоего года рождения, дорогая.

Она прислушалась на мгновение. — Никогда не слышала раньше.

— Что? — Он поставил ее на ноги. — Ты никогда не слышала гребаных Meatloaf? Это из эры их возвращения, в начале девяностых.

Я вслушивалась в слова. Певец обещал, что он сделает что-то ради любви, сквозь мелодию с большим количеством ритмичных ударов.

Орион схватил Киру и притянул ее к себе. — Эта музыка была создана для танцев и траха.

Она активно задвигалась напротив него. — Ну, — улыбнулась она. — Одно ведет к другому, да?

Каспер схватил Рэйчел в охапку, и они задвигались в такт музыке, потерявшись, друг в друге.

Орион посмотрел вверх и увидел, что я наблюдаю. Его голубые глаза засияли озорством. Он щелкнул Грейсону пальцами.

— Грей, — позвал он. — Отвали на х** оттуда и потанцуй с девушкой.

Секунду Грейсон выглядел, как олень, пойманный светом фар. Он посмотрел на меня, и я отвернулась, думая, что он проигнорирует Ориона, что было бы к лучшему, так как я

никогда не танцевала.

Но мгновение спустя он оставил Брэндону свою текилу и подошел ко мне. Ничего не говоря, он положил руки на мою талию. Казалось вполне естественным, приподняться и положить руки на его широкие плечи.

Музыка достигла крещендо, а затем постепенно смягчилась. Вступил женский голос, горестно спрашивая любимого человека, будет ли он всем, что ей необходимо. Я чувствовала дыхание Грея напротив себя, и крепче обняла, притянув его ближе и чувствуя его упругое, мускулистое тело.

Его дыхание участилось, и руки двинулись по моей спине, одной он полностью держал мою талию, другой провел по моему позвоночнику и остановился под моими волосами. Я хотела остаться так навсегда, и все же этого было не достаточно. Я хотела больше. Сквозь тонкую ткань моего платья, я могла почувствовать угрожающий рост его мужского достоинства. Я знала, что он тоже хотел большего.

Брэндон вдруг ожил в своем углу. — Завали её, Грей!

Вмешался Орион, указывая на темную прихожую. — Кабинет пустой, детки. Дерзайте.

Реакция Грейсона последовала незамедлительно. Так, словно его облили холодной водой. Он попятился и бросил мне долгий, непроницаемый взгляд перед тем, как отойти на другую сторону бара и схватить пиво.

Я скрестила руки на груди, почувствовав озадаченность и немного смущения. Каспер все так же пожирал Рэйчел, а Кира кинула мне извиняющийся взгляд. Она поцеловала Ориона в губы и сказала: — Не долго, детка, — подмигивая мне, и отправилась обратно в дом.

Внезапно, не зная, что с собой делать, я начала расставлять стулья, под пустые столики. Краем глаза увидела, что Каспер побрел туда, где в углу угрюмо сидел Грей.

Рэйчел снова оказалась рядом и убрала прядь волос с моей щеки.

— Ты так красиво выглядишь, — она улыбнулась, и я попыталась улыбнуться в ответ. Но я была в смятении. Я очень сильно хотела поговорить с двоюродной сестрой, чтобы расспросить ее, что значит, когда мужчина, в одну минуту хочет тебя, а в следующую нет.

Но Рэйчел, казалось, от неожиданности растерялась. Она посмотрела в сторону двери, задрала голову, а затем быстро вышла из бара. Когда она вернулась мгновение спустя, ее лицо было бледным и взволнованным. Она спешила прямо к Касперу.

— Кас, — я слышала, как она говорит. — Мохаве снаружи.

Каспер посмотрел на нее, что-то услышав в ее тоне. Я была озадачена. Я знала, что Мохаве еще один МК, но они казались дружелюбными к Отступникам. Тем не менее, тревожный взгляд на лице Рэйчел, говорил о том, что что-то было не так.

Услышал и Орион, он пошел быстрее них, выйдя в дверь в мгновение ока. Каспер поднял пьяного Брэндона на ноги, Грей начал напряженно следить за Орионом. Вдруг он посмотрел на меня, и на лице появилось беспокойство.

— Рэйчел, — рявкнул он моей сестре. Она кивнула и потянула меня за руку, направляясь за стойку бара, пока мужчины выходили на улицу.

— Что происходит? — Спросила я, отдергивая руку в сторону, услышав перепалку за дверью.

Рэйчел сглотнула, встревожено глядя на меня. — Я не знаю, зая. Оставайся здесь, ладно?

Я слышала голос Грейсона, и у меня перехватило дыхание. Я знала, стоять сзади и надеяться, что все закончится хорошо, не сработает. Нет, я не собиралась прятаться за барной стойкой и ждать. Нет, если был хоть какой-то намек, что Грей в беде.

Страхнув руки Рэйчел, я вовремя подошла к полуоткрытой двери, чтобы увидеть, как Грейсон получил кулаком в лицо, от большого, пугающего человека, который показался мне знакомым.

Удар кулака по лицу, был отвратительным. Я ахнула, но ни один из мужчин, не обратил внимания, они просто наблюдали.

Грей немного пошатнулся, но потом покачал головой и выпрямился во время, чтобы принять удар по его голой груди. Я вспомнила имя другого человека. Анджело. Он почти дружелюбно улыбнулся Грею и похлопал его по плечу, когда Грей слегка склонился, стараясь дышать сквозь боль.

— Мы квиты, малыш, — сказал Анджело мягким голосом, после чего последовал в бар.

Орион почти оттолкнул меня взглядом, следуя к Анджело и другим мужчинам, Отступникам и Мохаве, которые, казалось, расслабились и готовы были выпить.

Я прошла сквозь них, увидев Грейсона, который забирал свою майку у Каспера с усмешкой.

Однако когда он увидел меня, улыбка мгновенно исчезла. — Промиз, — сказал он, будто был сбит с толку моим состоянием.

Я видела, как его лицо отекло, и коснулась его щеки. — Грей, — прошептала я, пока моя другая рука осторожно двигалась к месту на груди, куда попал второй удар.

Мою грудь наполнила почти физическая боль, когда я коснулась места, куда пришелся удар. Кажется, было не слишком плохо, и я почти зарыдала от облегчения, обнимая его и стоя так, хочет ли он этого или нет.

Стон, сорвавшийся с его губ, казался, непроизвольным. Когда я прижалась к нему, я заметила ту же растущую потребность, которую я почувствовала, пока мы танцевали, и я потянулась к нему, позволяя оттолкнуть меня снова. Вместо этого, его губы нашли мои, сгорая в едва сдерживаемой страсти. Это было, ни на что не похоже. Прикосновения его языка, были словно электрические разряды, и когда его сильные руки начали дико шарить по моему телу, я полностью отдалась ощущениям. Его руки подняли меня, будто я ничего не весила, и я инстинктивно ответила, обхватывая ногами его талию, и не заботясь ни о чем, кроме удовольствия и необходимых соприкосновениях.

Когда я отклонилась на несколько дюймов, мы оба тяжело дышали. — Сейчас, — в итоге сказала я ему. Ни другая ночь, ни скоро. Сейчас.

Грейсон крепче сцепил руки вокруг меня и быстро пошел к своему трейлеру. Я пробежала губами по его шее, пытаюсь дать ему знать, чтобы у него, не было никаких сомнений. Я хотела его. Я нуждался в нем. И я никогда не пожалею.

Мы были один на один в тускло освещенных границах его трейлера. Грей закрыл за собой дверь, и все остальное испарилось. Я отдалась поцелую, чувствуя головокружение от игры наших языков, пока его руки нежно стягивали лямки моего платья. Он, казалось, не решался двигаться слишком быстро, как если бы он не хотел проверять мою хрупкость. Я обняла его и настойчиво прижалась, позволяя тонкому хлопку упасть рядом, пытаюсь сказать ему, что не сломаюсь от попытки. В его прикосновениях не было ничего неправильного, кроме того, что я хотела всего этого. Я поцеловала самую широкую часть груди, которая была прямо передо мной, пробуя гладкую кожу. Его пальцы умело расстегнули мой лифчик,

и он упал. Грей взял в рот мою правую грудь, я простонала от шока и восторга. Он задержался, посасывая сосок, искусно стимулируя его, а затем перешел к левой.

Грей еще не касался там, где я хотела больше всего. Я потянулась, к нему, слегка робея. Моя рука нашла плотную выпуклость между ног. Когда он выругался от удовольствия, я осмелела, расстегивая штаны и позволяя его крупному стояку лечь в мою ладонь, тогда я мягко провела рукой по нему, замороженная мощью, которую держала.

Грей не мог больше ждать. Он поднял меня на руки, и я почувствовала, что мы шли спиной, пока не врезались в постель, на противоположной стороне трейлера. Он приостановился и отступил на несколько дюймов, заботливо глядя меня, после чего медленно спустил остальную часть моего платья, по моим бедрам, стягивая с ним и трусики.

Когда мы растворились в сладостном поцелуе, я почувствовала, что он стягивает свои штаны, и я приподнялась, чтобы помочь, пробежав руками по невероятно жестким мышцам груди, а затем вниз по его бедрам.

— Господи Иисусе, я так хотел тебя, — сказал он мне хриплым голосом, пока его руки поглаживали мою спину, поддерживая меня, когда он опускал нас на кровать. Мои ноги автоматически обхватили его, нетерпеливо притягивая его ближе. Я была открытой, пульсируя, почти болезненно, в своей надежде. Одно осознание в моей голове, того, как я отчаянно нуждалась в нем, заполняло мой ноющий центр. Он издал сдавленный вздох, когда его твердый ствол находился напротив моего влажного центра. Я приподнялась вверх, давая понять, что это то, чего я хотела. Я хотела, чтобы он вошел в меня.

— Пожалуйста, — прошептала я, надеясь, что он понимал, что я имела в виду.

Грейсона Меркадо не нужно было больше уговаривать. Он вошел в меня, одним плавным движением, которое заставило меня заплакать от удивления. Грей на долю секунды остановился, но когда я раздвинула ноги, чтобы принять его глубже, он обрушился сильным толчком, который вызвал удовлетворенные стоны, вырвавшиеся у нас двоих одновременно. Он лихорадочно задвигался, погружаясь снова и снова.

Волна возбуждения нарастала внутри меня, пока он входил глубже, с каждым движением. Я уносилась все выше и выше. Мне нравилось чувствовать касания его груди о мою и то, что наши тела стали влажными. Волна оргазма внезапно обрушилась на меня, и затрясло от неконтролируемых спазмов. Он последовал за мной через мгновение, сначала напрягшись, а затем содрогнувшись, и простонав мое имя. Я чувствовала тепло, когда он кончал, покрывавшее меня изнутри, и я поняла, что хочу сделать что-то для него, хоть что-нибудь. Я сказала ему об этом.

Эти слова, казалось, немного ранили его. — Промиз, — вздохнул он тихо, целуя меня снова.

Я нахмурилась. — Что-то не так?

Он смахнул волосы с моего влажного лба. — Ничего, детка. Абсолютно ничего. — Он скатился с меня и приподнялся на локте, другой рукой плавно двигаясь по моей груди и животу. Я немного отодвинулась. Сейчас, когда момент страсти прошел, мне казалось немного неудобным лежать рядом с ним обнаженной. Он, казалось, понял это и вместо того, чтобы давить на меня, медленно натянул одеяло на меня.

Я коснулась его лица. — Больно?

Грей усмехнулся. — Неа, я уже забыл об этом, — он стал серьезным. — Я пытался этого не делать, — сказал он тихо.

— О, — я закусила губу. — Ты хочешь, чтобы между нами ничего не было?

— Черт, нет. Я был на полпути к сумасшествию, пытаюсь отдалиться от тебя.

— Я люблю тебя, Грей.

Он застонал и опустил голову, и я испугалась, что сказала, что-то не то. Но тут, он прижал меня к своей груди и обхватил мое лицо руками.

— Я тоже люблю тебя, ангел. — Он грубо засмеялся. — Черт, я никогда не думал, что скажу это вслух кому-либо. Кажется, я получил то, что у меня не должно было быть. Я не порядочный парень, дорогая. Я делал дерьмо, которое никогда не смогу тебе объяснить.

— Меня это не волнует, — прошептала я. Тогда я села прямо, притянув одеяло к груди и повысив голос. — Меня не волнует, что, как ты сказал, сделал или не сделал, Грейсон. Я тебе верю. И ты так неправ, так чертовски бл*ть неправ, когда говоришь, что не порядочный.

— Эй, — сказал он, пытаюсь притянуть меня обратно. — Нет. Остановись.

— Не буду. Я не говорила бы, что ты хороший человек, если бы ты не был таковым. Я думала, что хороших мужчин реально нет. Грей, все это проходит, когда я с тобой. Все ужасные вещи исчезают.

Он попытался успокоить мои слезы. Даже я не могла их объяснить. Он держал меня и шептал успокаивающие слова, но через несколько минут я почувствовала возбуждение. Я откинула одеяло в сторону и решительно придвинула его руки к моей груди, желая, чтобы он снова взял меня.

— Промиз, — сказал он с болью в голосе и опустил на меня.

— Я люблю тебя, Грейсон.

Он вошел в меня. — Скажи это еще раз.

— Я люблю тебя.

Он начал ритмично двигаться, его дыхание стало тяжелее. — Это то, что ты хочешь? Чтобы я был внутри тебя?

Я откинула голову назад, наслаждаясь от ощущения скольжения его тела во мне, и на мне.

— Да.

— Хорошо. С этого дня я хочу быть внутри тебя, каждый божий день.

— Я тоже этого хочу.

— Боже, ты ощущаешься так удивительно, детка.

Я не могла больше говорить. Я попала на волну счастья. Она захлестнула меня, лишила дара речи и истощила. Но когда Грей достиг своего пика, я из всех сил приняла его глубже.

— Дерьмо, — сказал он, отстраняясь.

— Что? — Нахмурилась я.

— Защита.

— Что?

— Резинка, детка. Мы её не использовали.

— Разве это нормально?

Он рассмеялся. — Только если ты хочешь, затянуть меня в преисподнюю.

Я провела по челюсти кончиком пальца. — Я бы не возражала.

Он странно посмотрел на меня. — Что?

Я, не решительно, сглотнула. — Иметь ребенка. Я хотела бы иметь от тебя ребенка, Грей.

Он надолго прикрыл глаза. Потом открыл их и схватил меня в крепкие объятия. — Ты меня убиваешь, — сказал он.

— Почему?

Он посадил меня напротив себя, и глубоко вздохнул. — Ты так чертовски честна, это преступление.

Мои руки обвились вокруг его сильной груди. Я чувствовала себя в безопасности. Любимой. Я не хотела уходить.

— Могу ли я остаться с тобой?

— Навсегда, — прошептал он, целуя меня. — Каждую ночь.

Я боялась просыпаться. Не так боялась, как когда была с Уинстоном. Нет, я боялась, что все то, что было сказано и сделано ночью исчезнет, что он опять будет пытаться держать меня на расстоянии.

Но его лучезарная улыбка, когда он, в утреннем свете спокойно посмотрел на меня, забрала этот страх.

— Я думал, что ты спишь, — сказал он, зевая и приближаясь ко мне. Он странно посмотрел на меня, когда я попыталась подтянуть простыню к телу. — Промиз, я уже видел тебя голой, — напомнил он мне.

Я покраснела. Я чувствовала себя смешно. Конечно, у меня нет никаких причин, чтобы прикрываться перед ним.

— Я знаю. Но... — мой голос затих. Плохие мысли начали проникать в мое сознание. Всё то, что Уинстон говорил и делал со мной. В день, когда он раздел меня и заставил встать перед зеркалом, пока сам говорил мерзкие слова о моих синяках, о голом теле.

— Эй, — садясь, мягко сказал Грей. — Детка, нет. Вот дерьмо, я иногда забываюсь. — Он погладил меня по голове. — Ты можешь рассказать мне. Ты не обязана, но можешь. Ты можешь рассказать мне что угодно, Промиз. Я люблю тебя.

Нет. Есть кое-что, что я не смогла бы передать словами. Есть кое-что, что я не хочу, чтобы он знал.

Грейсон больше не настаивал. Он в течение нескольких минут обнимал меня, а потом вылез из постели, не стесняясь собственной наготы, пока осматривал пол с решительным видом. Наконец, он улыбнулся и поднял мое платье.

— Ваше платье, миледи.

Мы съели оставшиеся булочки с корицей, которые я принесла вчера, и Грейсон скромно спросил о моих планах на день.

— Быть с тобой, — я пожала плечами.

Он рассмеялся, и я вздрогнула от неуверенности. Но он просто схватил меня за руку и сказал: — Я надеялся, что ты это скажешь, — он перегнулся через стол и взял свой сотовый телефон.

— Брэндон. Да, я знаю, сколько, бл**ть, время, ты сраный неудачник. Слушай, мне нужно, чтобы ты поработал в ресторане сегодня. Ну, что бл*ть ты хочешь? Договорились. Есть причина, мудака. Слушай, не будь х*ем. Ты знаешь, я не скажу тебе ни черта. Тебе не нужно говорить с ней. Нет, я не думаю, что она хочет сегодня сделать тебе немного гребанного печенья. Спасибо, придурок. Позже.

Грей нажал отбой в телефоне и улыбнулся. — Брэндон передает привет.

— Значит, он знает, что я здесь?

Казалось, это забавляло Грея. — Я нес тебя домой, с закинутыми вокруг себя ногами, а потом мы исчезли на остаток ночи. Да, все знают, что ты здесь, — он взял мою руку.

— Всем насрать. На самом деле, это было ожидаемо.

Я задумалась над этим. — Так что мы сегодня будем делать?

Он потянулся. — Все, что пожелаешь. Имей ввиду, что снаружи намного жарче, и, судя по твоему виду, через двадцать минут ходьбы под палящим солнцем, ты станешь красной до кончиков волос.

Я пожалала плечами, делая крошечный глоток кофе, он сел напротив меня. — Ну, мы могли бы сидеть здесь и просто смотреть на стену, все это будет иметь значение для меня. Пока ты рядом.

Он провел рукой вверх по моему бедру и подмигнул. — Есть кое-что намного лучше, чем смотреть на гребаную стену.

— Как что, бл*, например? — Невинно спросила я.

Он посадил меня на колени. — Все что угодно, бл**.

Он коснулся моей груди, проводя руками по мне, по моей одежде, по трусикам. Его растущее возбуждение выпирало из надетых спортивных шорт.

Это ощущалось так по-другому, в дневном свете. Я отчаянно хотела быть рядом с ним, но неуловимая тревога не отпускала. Я просто сидела молча.

Грей почувствовал. Он притормозил, и его руки изменили положение, незаметно обвив мою талию. Он повернул голову назад.

Я была удивлена, когда он оставил меня, стоять там, и открыл гардероб, рядом с крошечной кухней. Его внимание привлекла большая каркасная стена, и он улыбнулся.

— Так и думал, что оно все еще там, — сказал он.

Меня это еще больше запутало. — Это зеркало.

— Именно, — согласился он, каким-то необъяснимым образом подперев его на узком выступе. — Это зеркало хорошего размера.

— Таким образом, ты можешь смотреть на себя, пока готовишь?

Он улыбнулся мне. — Таким образом, мы можем следить друг за другом. — Он протянул руку. — Иди сюда, Промиз. Пора усвоить урок, о том насколько ты чертовски прекрасна.

Я посмотрела на себя в зеркало. Мне это не понравилось. Он посмотрел на меня, и лицо его немного потускнело.

— Ты не должна, — сказал он мягко.

Я знала, что не должна. С ним было иначе. Я подошла к нему, потому что хотела.

Грейсон улыбнулся и поставил меня перед собой, скрестив руки на моих плечах. — Посмотри на нас, — прошептал он, уткнувшись лицом в мои волосы.

Я посмотрела. И тогда я поняла, что он имел в виду. Я вспомнила, как была рада тому, как выглядела в этом платье, до того, как вышла вечером из своего трейлера. Но с Греем в отражении, я выглядела взъерошенной и совершенно сексуальной. Он переместил свои мощные руки на мои предплечья, легко массируя их. Он был намного больше, намного сильнее меня.

— Чувствуешь? — Спросил он меня, мягко вжимаясь в мою спину своей твердой эрекцией.

— Да, — прошептала я.

Он спустил мое платье вниз, одну шлейку за одной. — И что это?

— Это ты.

Он улыбнулся, расстегнув мой лифчик. Я смотрела, как его руки начинают ласкать мои голые груди, пока он продолжал нажимать на меня. — Какая часть меня?

Я не была уверена, что он хотел мне сказать. — Это твой, гм...

— Это мой член, Промиз.

Он схватил меня за руку и поместил на свой твердый орган. — Ты можешь называть это членом. Потому что это он есть.

Я почувствовала трепет глубоко внутри. Чувство было знакомым. То же самое пульсирующее желание, которое привело меня к нему вчера вечером. Вид его рук, не прекращающих ласкать мою порозовевшую грудь, было опьяняющим.

— Это твой член, — прошептала я.

— Громче.

— Это твой член, — сказала я голосом, в котором стало больше уверенности.

Грей кивнул. — Ты чувствуешь, какой я твердый?

Он полностью откинул шорты, и я посмотрела на себя в зеркало и на его выступающую плоть.

— Я такой чертовски твердый, потому что я хочу тебя так, бл*ть, сильно.

— Я чувствую это, — прошептала я.

Он освободил меня от нижнего белья.

— Мой член становится твердым каждый раз, когда я вижу тебя. Ты такая красивая. Нет, не закрывай глаза. Посмотри, как мы смотримся вместе. Видишь, как мои руки смотрятся на твоём теле?

Я ахнула, когда его пальцы вошли в меня. Он громко застонал и крепче схватил меня.

— Черт, ты мокрая. Ты такая мокрая, что я могу скользнуть прямо в тебя и доставить нас обоих в рай. Это то, чего ты хочешь, детка?

Я почти не слышала слов. — Это то, чего я хочу, Грей.

Я видела, как краснею. Я смотрела туда, где во мне исчезали его пальцы. Я подняла руки и схватила его сзади за шею, вытягиваясь, пока он глубже засовывал палец.

— Промиз, — выдохнул он мне в ухо. — Я могу сделать так, чтобы ты кончила. Я могу кончить бл*ть, просто глядя на тебя. Ты хочешь кончить сейчас?

— Да.

— Да, что?

Я была на грани, чтобы не закричать. Мои бедра двигались в диком танце, пока я противилась мольбам о том, чего не представляла.

— Я хочу кончить сейчас. Грей, — захныкала я, — пожалуйста.

— Смотри на нас, ангел. Смотри на нас.

Я посмотрела на себя в зеркало, когда он приподнял меня напротив себя, его рука яростно двигались между моих ног. Я обернулась, и обнаружила его набухший член, я сжала его. Дикие стоны сорвались с моих губ, когда я достигла сокрушающего оргазма. И я сделала то, что хотел Грей. Я все это время не отрывала глаз от нашего отражения. Наши глаза встретились в зеркале, и он крепче прижался ко мне. Он вздрогнул и схватился за меня. Я почувствовала тепло его спермы, на спине и до этих пор мы не переставали смотреть друг на друга.

— Я люблю тебя, — сказал он, глядя в зеркало на меня.

Я откинулась на него, позволяя его рукам укутать меня. — Я тоже тебя люблю.

Мы провели день, наслаждаясь друг другом. Даже с включенным кондиционером, в трейлере было ужасно жарко, но Грей подключил полдюжины вентиляторов, чтобы было терпимей. Я, правда, не почувствовала. Я довольствовалась лежа голой в постели, пока он, жадно гладил меня руками.

— У тебя вообще нет еды, — вдруг заметила я, смеясь, пока шарил в основном по пустым шкафчикам.

— Не правда, — заявил он, подбрасывая мне сумку. — У меня есть это.

Я открыла сумку с хлебом. — На нем плесень, Грей.

Он усмехнулся. — Что я могу сказать? Я не капризный шеф-повар. Я ем на ходу. — Он посмотрел на свой мобильный телефон. — Приближается обед. Ты должно быть голодна.

Я наклонила голову, поддразнивая. — Я не знаю, ты уже довольно хорошо наполнил меня.

— Слушая тебя, — сказал он, хватая меня. — Получается все грязно и пошло.

Я улыбнулась ему. — Мне нравится быть грязной.

— Да? Как насчет того, что я накормлю эту грязную задницу?

Я взглянула на нашу наготу. — Этим?

— Если ты хочешь. Кто-то мог бы возразить, но кого это, бл*ть, заботит?

— Очень забавно. Я собираюсь по соседству в душ и переодеться.

— Если ты настаиваешь.

Я неохотно отодвинулась от него, в поисках платья.

— Прекрати на меня пялиться, — пробормотала я, застегивая лифчик.

— Почему?

Я указала. — Потому что я вижу, как встает твой член. Но сейчас, когда ты пообещал накормить меня, я ожидаю, что ты так и сделаешь.

Я подмигнула и вышла из трейлера, оставив его смеяться, пока уходила в свой трейлер по соседству.

Аплодисменты застали меня врасплох. Я покосилась и увидела Мэддокса и Тига около трейлера последнего, где они возились с кучей баллонов с пропаном. Они свистели и выкрикивали грязные слова, но я поняла, что в этом не было ничего предосудительного. Так что я сделала то, что я раньше никогда не делала, подняла средний палец моей правой руки и показала его им. Я стояла там с поднятым средним пальцем, это было для них двоих слишком. Они вскрикнули от смеха. Мэддокс даже упал в грязь.

Кира, должно быть, ждала у окна в доме. Она вышла, ограничившись топом и очень короткой юбкой, ее светлые волосы развевались, когда она бросилась ко мне.

— О, мой гребаный бог! — Завизжала она, хватая меня за локоть, и ведя меня в трейлер. — Мы прождали, когда ты покажешься весь проклятый день, представляешь? Рэйчел, наконец, сдалась и поехала в город, чтобы походить по магазинам.

Кира села на пол, скрестив ноги по-турецки, и потянула меня сесть рядом с ней.

— Ну и? — Чопорно сказала она.

— Ну и? — Пожал плечами я.

Она ударила меня. — Ну, вы, ребята, трахались, правда? Грей довольно-таки горячий. Бл*, не говори Ориону, что я так сказала. Это сногсшибательно? Сколько раз это было? — Кира внезапно выпрямилась. — Я веду себя, как дура, да?

Я покачала головой. — Нет, — и тогда я улыбнулась. — Но да, мы ммм, трахались. Как сумасшедшие.

Ее глаза расширились. — И?

— Я люблю его, Кира.

Она удивилась. — Ты это сказала ему?

— Да.

— Святое дерьмо, и что он сказал? Подожди, я уже знаю. Я видела, как он смотрел на тебя. Как это убивало его.

Она вздохнула, по привычке играя со своими волосами. — Боже, это так прекрасно.

Мне стало любопытно. — Что?

Она томно улыбнулась. — Любовь. Секс. Трахаться везде, пока ты не сможешь ровно стоять. Владеть этим невероятно сильным мужчиной и делать так, чтобы он забывал своё имя, когда будет кончать снова и снова.

— Да, — медленно вздохнула я, — это прекрасно.

Кира продолжала подкалывать, пока я принимала душ. В самом деле, она стояла под дверью душа и выкрикивала ряд вопросов и замечаний, пока я мылась под мягкими струями воды.

Когда я вытерлась и встала перед узким шкафом, она вытащила пару джинсов.

— Ты должна их обрезать, — сказала она. — Они слишком длинные, чтобы носить их при такой жаре. Где ножницы?

— Я думаю, что в кухонном ящике есть ржавые, старые.

Она исчезла и вернулась меньше, чем через девяносто секунд, победно поднимая обрезанные джинсы. Они выглядели ужасно крошечными. Но Кира настаивала, чтобы я одела их с футболкой с v-образным вырезом.

— Так, — одобрительно сказала она. — У тебя милая задница и великолепные ноги. Ты должна этим пользоваться.

Грейсон постучал в дверь спустя двадцать минут. То, как он окинул меня взглядом, сказало мне, что он согласен с мнением Киры.

Он поцеловал меня долгим и глубоким поцелуем, среди бела дня, скорее всего, под взглядами кучки заядлых наблюдателей, я провела рукой по его мгновенно напрягшемуся члену.

— Ты, е*ать, убиваешь меня, — простонал он.

Я сделала вид, что надулась. — Я только следую первой части этого уравнения.

Он провел рукой по моей правой груди, и его голос охрип. — Ты будешь большим, чертовым сюрпризом каждый день, не так ли?

— Я постараюсь, — прошептала я, приподнимаясь и целуя его в шею.

Мы остановились в Куартзсайте, поесть в небольшом ресторане в стороне от I-10. Это было очень мило, сидеть напротив него, и есть жареные бутерброды с сыром.

— Ты знаешь, — сказала я, наливая кетчуп на фри. — Это своего рода мой первый юбилей.

Он, казалось, очарован. — Ты такая чертовски милая. — Он смотрел на меня, ковыряясь в своем бутерброде, и возился с мелкой бутылкой соуса табаско, который был основной приправой на юго-западе. Его, казалось, что-то беспокоит.

— Грей? — Его темные глаза нашли мои, и я нахмурилась. — О чем ты думаешь?

Он вздохнул и потянулся через стол, взяв мои ручки в свои огромные. — Это не заняло много времени, Промиз, — сказал он мягко.

Я забрала руки обратно и посмотрела в окно. — Двадцать четыре дня, — мрачно сказала я.

Он быстро встал и обошел сбоку кабинки, сел рядом со мной и повернул мое лицо к себе. — Эй, не отворачивайся от меня. Я имел в виду каждое чертово слово, которое сказал тебе. Я просто хочу, чтобы ты знала, что меня ничто бл**ть не шокирует. Ты можешь рассказать мне что угодно.

Я почувствовала, что он меня обнял и снова начал уговоры, опираясь на то, что я в

безопасности с ним.

— Он сделал мне больно, Грей.

— Знаю, милая.

— Нет, — я покачала головой. Грейсон видел ужасные синяки. Он видел, как я плачу.

Но самое страшное было то, что он не мог увидеть. Я хотела, чтобы он понял и в то же время не хотела. — Я имею в виду, он сделал мне больно. Я чувствовала себя грязной. Я возненавидела себя.

Слезы скатились по моим щекам. Официантка, уставшая женщина средних лет, подошла в вразвалочку, чтобы наполнить наши стаканы. — Все в порядке? — Спросила она, заметив мое напряженное лицо, и посмотрела на Грейсона с подозрением.

— У нас все хорошо, — коротко сказала я ей. Она пожала плечами и побрела прочь.

Грейсон мягко помассировал мое плечо, и прошептал мне на ухо: — Я знаю, к чему приводит ошибочный гнев. Это дерьмо, про тебя. Если ты позволишь этому случиться. Я провел шесть лет, пытаюсь, чтобы черная дыра не проглотила меня.

Он обнял меня. — Ничего с тобой не случится, Промиз.

Я улыбнулась со слезами на глазах. — Ты не позволишь.

— Нет, ты не позволишь, детка. — Он поцеловал меня в лоб, а затем губы. — Но я буду рядом с тобой все время.

Он гладил рукой вверх и вниз по моей спине и на меня нахлынул сильный эмоциональный порыв. Необходимость быть ближе.

Я вскочила к нему на колени с криком. — Грейсон! Я хочу тебя так сильно.

— Черт возьми, я тоже хочу тебя, — прошептал он и поцеловал меня, наполненным жесткой страсти поцелуем. Когда мы ненадолго отстранились, я заметила, что каждый, из сидящих клиентов уставился на нас. Некоторым из них было интересно, других смутило. Наша официантка, за прилавком скрестила руки, и уставилась на нас с открытым презрением. Грей достал горсть купюр из бумажника и бросил на стол, вытягивая меня из кабинки.

— Давай, — сказал он, его слова, наполнились смыслом. — Поехали домой.

Когда мы вернулись, Рэйчел стояла на коленях перед своим трейлером. Выглядело так, будто она пережевывает сочный кактус. Она посмотрела на нас, когда мы прошли мимо, но, казалось, поняла, что мы нуждались друг в друге, и промолчала. Она послала мне мягкий поцелуй, и я приложила свою руку к сердцу.

Грейсон снял рубашку, прежде чем мы подошли к двери его трейлера. Он придержал дверь для меня, но я медлила, в ответ на вопрос в его глазах, медленно подняла свою рубашку над головой. Я стояла перед ним в лифчике, чувствуя смелость и уверенность в условиях жестокого пустынного солнца. Он смотрел на меня, молча, но похоть в его глазах, все сказала. Только тогда я приняла приглашение и шагнула в старый трейлер.

После того как он закрыл дверь, я отвернулась от него, прикасаясь сзади спиной и расстегивая лифчик. Он расстегнул штаны и вынул свой набухший член, поглаживая себя, пока смотрел на меня.

— Дай мне увидеть тебя, — потребовал он глухим голосом.

Я позволила моему лифчику упасть на пол, а затем расстегнула мои шорты, стягивая их вниз по бедрам вместе с нижним бельем. Грей начал гладить себя быстрее, когда я провела руками понизу моего живота.

— Давай, — умолял он. — Потрогай себя, милая.

Когда я дотронулась до себя между ног, он громко застонал, и ему пришлось опереться рукой о стену для опоры. Видя, что он почти достиг вершины, мне захотелось сделать больше для него.

Я опустила палец в свою влажную щель и услышала свой собственный стон, когда теплый центр открылся и умолял, чтобы ему уделили внимание и быстро.

— Грей, — я умоляла, — ты нужен мне внутри.

— Ты нуждаешься, чтобы я трахнул тебя, да?

— Да. Ты мне нужен. Мне нужен твой член. — Я больше не чувствовала себя странно говоря это.

Он улыбнулся. — О, ты, бл*ть, имеешь на это все права. Через минуту. Глубже, Промиз. Почувствуй себя.

Я почувствовала, что приближаюсь. Я была уже близко. — Грей! — Я заплакала.

— Знаю, Промиз. Я тоже почти.

Он решительно двинулся, ко мне, в одно мгновение, приперев меня к ближайшей стене, и вошел в меня. Я сразу же достигла пика, как если бы все молящие внутренние нервы ожидали этого вторжения.

— Жестче! — Кричала я, и он дал мне то, что я хотела.

— Черт, я люблю тебя! — Крикнул он в ответ, на пике оргазма.

Я захныкала на его плече, ноги превратились в желе, так как его горячая сперма излилась и немного стекала по моим ногам. Я должна была цепляться за него, чтобы не упасть на пол.

Грейсон поднял меня на руки и понес к кровати. Я улыбнулась ему, когда он уложил меня на подушки. Я осторожно прикоснулась к его лицу, которое было все еще немного опухшим от удара, полученного накануне.

— С каждым разом всё лучше? — Спросила я сонно.

— С тобой, — он поцеловал меня, — да.

Я закрыла глаза, пока он нежно накрывал меня. — Я люблю тебя, Грейсон.

Было рано, светло, когда я засыпала. И Грея не было рядом, когда проснулась. Внутреннее чувство и взгляд на черное небо, сказал мне, что было глубоко за полночь, далеко до утра.

Я перевернулась на накрахмаленных простынях, мне так нравилось, как они ощущались под моим голым телом. Спустя некоторое время, я сидела и слушала отрывки голосов и звуки из бара. Смесь грубого смеха и музыки заставила меня странно волноваться, и я на мгновение наслаждалась этим. Сейчас это был мой мир. Сейчас Грейсон был моим миром.

Трейлер звенел своеобразной тишиной пустого пространства. Я закуталась в простыню и выпила глоток воды, интересно, что если он пошел в бар.

На небе был полумесяц, достаточно света для того, чтобы я разглядела его очертания в непосредственной близости от трейлера. Он сидел на одной из бобин, один, казалось в задумчивости.

Он поднял голову, когда я мягко открыла дверь. — Эй, ангелочек.

Я скользнула к нему на колени. — Что ты здесь делаешь?

Грей погладил меня по спине. — Просто думал. Иногда ночная тишина помогает мне. Ты знаешь, как чертовски шумно в тюрьме? Что-то всегда разбивается. Кто-то всегда кричит. Не слышать этого больше, кажется, почти нереальным. Вот как оказывается должна звучать

ночь. Шесть лет, Промиз. Почти четверть моей жизни, — он закашлялся. — Господи, это было ужасно.

Я поцеловала его в щеку, и он смутно улыбнулся, выглядя немного потерянным. Я не единственная, кто сражается со своим сознанием. Воспоминания. Сожаления. Боль от бессилия.

— Ты здесь счастлив? — Спросила я. Это был прямой вопрос, и я не имею в виду себя.

Грей задумчиво кивнул. — Да. Там для меня ничего нет, Промиз. Я полагаю, так было задолго до меня.

Он нежно указал, охватывая бар, круг трейлеров, клуб Отступников, где Орион жил с Кирой. — Это мой шанс на семью. Потому что я потерял свою.

— Я хочу быть твоей семьей.

— Ты уже, дорогая. — Его рука скользнула под простыню, нежно касаясь меня. — Прислушайся, — сказал он, кивнув в сторону сушилки.

— Койоты? — Догадалась я. Это была мелодия их воя, целенаправленный обмен информацией, который мы не должны были понять.

— Койоты, — подтвердил он. — Знаешь ли ты, что, несмотря на рост городов, численность койотов в Северной Америке находится на высоком уровне все время? Ты знаешь, почему? Они самые чертовски адаптируемые из существующих видов.

Он указал в темноту. — Там. На расстоянии около тридцати ярдов. Наблюдают, думают. Они говорят о нас.

Я позволила моей голове упасть ему на плечо. Я вдохнула его теплый, мускусный аромат.

— Я должна вытащить ее оттуда.

— Дженни?

— Дженни. — Её имя причиняло мне боль.

— Они хорошо вооружены, Грей, как в Долине Иерихон, так и вдоль государственной границы штата Юта, где она, вероятно, в настоящее время находится.

Я уже хотела рассказать ту информацию, которую я узнала о правоверном кооперативе.

Грей задумчиво кивнул. — За ними дох*я денег, неважно добро или зло внутри твориться. Но они были в состоянии не выносить этот гребанный сор из избы очень долго. Подсевшие на это сукины дети, просто как грешники. Но не обольщайся, они убьют, лишь бы сохранить свой поезд зелени.

— Орион сказал нечто подобное.

— Да, Орион может показаться гориллой, но он знает, что это за дерьмо.

Мне нужно чтобы он обнял меня крепче. — Грей? Обещай мне, что мы попробуем?

Он поцеловал меня, и, прижавшись к моей шее, отчаянно прошептал. — Я обещаю.

Было воскресенье, и у Киры возникла идея, что мы должны приготовить большой ужин.

— Мы заставим всех мужчин сесть вокруг стола, и положить, чертовы салфетки на колени. Они должны будут пользоваться вилками. Это будет какая-то реально Норман-Роквелловская херня, — сказала она, хлопая в ладоши.

(Прим. Американский художник — иллюстратор Норман Роквелл (Norman Rockwell), стал настоящей легендой в области рекламы и графического оформления. Создатель большой серии открыто...)

Рэйчел закатила глаза. — С каких это пор, это твоё? — Спросила она.

Кира коснулась своего живота. — С того момента, как я одомашнилась, — она улыбнулась мне.

— Меня этим утром не стошнило, — сказала она с гордостью.

— Это... здорово, — сказала я ей, растянувшись на полу ее спальни, и листая древнюю копию путеводителя Домашней книги рецептов. Я нашла её в месте, которое Кира ласково называла «Голый Книжный магазин». Это было поразительно, наблюдать за высохшей душонкой, которая возилась внутри пыльного магазина, в котором ничего не было, но надо отдать должное, его мужественности, он был умный, добрый, и всегда готовый помочь.

Изнутри обложка книги была подписана «Опал Мейер, октябрь 1941». Я бережно коснулась тонких страниц с восхищением и интересом, задумавшись о женщине, которой принадлежала книга. Она наверняка давно умерла. Внутри было много причудливо названных рецептов, как например «Рулеты из кукурузной муки и мороженого» и «Вафли Сладкое Молоко».

В итоге, мы решили сделать жареную с розмарином курицу, глазированную морковь и испечь песочный торт. Несколько рукописных страниц выпало из поваренной книги. Рецепты Десертов, написанные витиеватым почерком женщины, разлетелись на страницы рядом со мной. Кира сказала, что это знак. И десерт был перепланирован на «Вишневый Ореховый торт» и «Кости мертвеца», которые оказались печеньем.

Рэйчел заметила мою мечтательность, когда мы взялись за приготовление.

— Скучаешь? — Поддразнила она, похлопывая меня слегка по спине.

— Постоянно, — я вздохнула. Грейсон сегодня утром исчез прежде, чем я проснулась, вернулся в Блайт с Брэндоном до вечера. Они клали плитку, в реконструированном Тасо Bell. Когда я открыла глаза, то заметила, что на подушке рядом со мной сидел крошечный лающий койот из искусно сложенного листа бумаги. Я вспомнила, что рассказывал Грей о койотах, об их адаптации. Я подумала, что именно поэтому он оставил его мне.

Я долго смотрела на кайота-оригами, держа кончиками пальцев. Потом я аккуратно поставила его и ненадолго уткнулась в потолок, вспоминая, как он разбудил меня несколько часов назад. От ощущения его языка между моих ног перехватило дыхание, пробудив ото сна. Быстро, он вошел в меня, так плавно, как я могла желать. Но, пока я наблюдала за тем, как забрезжили лучи рассвета на противоположной стене, я все еще безошибочно чувствовала липкость его оргазма между бедер.

Когда я стояла в кухне Киры, измельчая веточки свежего розмарина, я поняла, что краснею.

Рэйчел глубокомысленно кивнула.

— То-то и оно, — сказала она с понимающей улыбкой. — Понимаешь теперь какво это.

Кира заинтересовалась. Ей была по вкусу любая возможность поговорить о сексе. — Поднимите руки, если больше любите сверху. Она подняла свою и вздохнула. — Ах, как наездница, трахать вместо того, чтобы трахали тебя.

Рэйчел ткнула в меня деревянной ложкой. — Она попала сюда слегка молчаливой девственницей. Могла бы подумать такое?

— Эй, — Кира бросила лимон в мою кухню. — Просто нашла правильного мужчину, чтобы проснуться.

— Это точно, — сказала я тихо.

Громкий смех послышался за дверью.

— Орион! — Закричала Кира. — Черт, ты подслушиваешь?

Орион Джексон вошел в кухню, сумев занять значительную часть комнаты. Он закурил и небрежно выдохнул.

Кира попыталась вырвать сигарету из его рук. — Ты не должен больше курить.

Он поднял сигарету так, чтобы она не достала. — Мой дом, дорогая. Моё чертово желание. Всегда.

Она нахмурилась. — Зачем вообще ты там прятался?

Орион пожал плечами. — Я всегда хотел услышать, что нравится леди. Он придвинулся к Кире. — Ты же знаешь, как я люблю такие разговоры. Он играл с ремешками ее рубашки. Я посмотрела в сторону. Орион был немного грубоват. Он заставлял меня нервничать. Кира, тем не менее, хихикала и хорохорилась при его прикосновениях.

Он обратил внимание на меня. — Так маленькая девочка, что ты слышала от стариков из дома?

— Ничего, вообще ничего, — пробормотала я.

Орион кивнул. — Хорошо. Давай держать, то чертово безумство подальше отсюда. Он посмотрел в раковину на мертвого цыпленка, с отвращением на лице. — Что, черт возьми, ты собираешься с этим делать?

Кира толкнула его. — Это ужин, придурок. И ты съешь его, и будешь благодарен. — Ей удалось вырвать сигарету из его руки и погасить о столешницу, торжествующе улыбаясь ему.

Он указал на нее пальцем. — Да, ты выиграла. Теперь держи свою горячую попку на кухне, пока я не получу еду на свой стол. Его тяжелые шаги начали удаляться.

— Люблю тебя! — Окликнула Кира.

— Я тоже тебя люблю, котенок. — Он вышел через входную дверь.

Рэйчел посмеивалась над нами, и мыла цыпленка.

Кира была недовольна печеньем, когда достала его из духовки. — Они уродливые, — пожаловалась она.

— Я думаю, это и есть причина, почему оно называется «Кости мертвеца», пожалала я плечами.

Пирог, однако, выглядел прекрасно. Я смешала вишневый соус и отставила его в сторону, чтобы подогреть на второй конфорке, а Кира искала место, чтобы спрятать торт от Брэндона или того, кто еще может на него наткнуться.

Рэйчел потянула меня к себе в трейлер и приложила ко мне одно из своих старых конкурсных платьев. — У тебя есть фигура, — одобряя, сказала она, прикладывая платье. — Я думаю, что ты готова показать её.

Оно было небесно-голубого цвета, с глубоким вырезом, и лифом обшитым стеклярусом. Разрез был провокационно высоким, до верхней части бедра.

— Святое дерьмо, — она подмигнула, когда я надела. — Грей разорвет тебя на кусочки, дорогая.

Рэйчел накрутила мои волосы так, что они спадали мягкими локонами, а затем втиснулась в плотное, красное платье без бретелек, и уложила свои черные волосы. Она была похожа на кинозвезду.

Я сказала ей об этом, и она поцеловала меня в щеку. — Будь так любезна, пойди и найди моего мужчину? Он, наверное, в баре, все еще продолжает сверять счета в офисе. Скажи, что я жду его. Рэйчел уселась на кровати, скрестив длинные ноги.

Я сначала не увидела Каспера, когда вошла в бар. «На дне реки» был закрыт по воскресеньям, но это не помешало Тигу напиться до бесчувствия за грязным столом.

Он не смотрел, когда я вошла. Он интенсивно сжимал и разжимал левую руку. Тиг взял в привычку избегать меня, даже редко кивал в приветствии. Я подумала, что он казался немного грустным, угрюмым, но Кира рассмеялась, когда я сказал ей об этом. Она сказала, что он был просто «сранным подонком», который ненавидел счастье.

Я прочистила горло. — Привет.

Он налил еще один шот Джека Дэниелса из бутылки и выпил его. — Да, я бл* тебя видел.

Я сложила руки за спиной. — Знаешь, у нас будет обед в доме, через пару часов. Я надеюсь, что ты придешь.

Он бросил на меня взгляд, который был полон недоверия или отвращения. — Ну, черт. Детки, просто поиграйте в семью без меня.

Кира, возможно, была права насчет него. — Хорошо. Ты видел Каспера?

— КАС! — Проревел Тиг.

Каспер выкатился из темной прихожей, проклиная и пиная смятые комки бумаги. Он взял пачку и потряс ею передо мной. — Слово они трахаются в кленовом сиропе и протирают им свои члены.

Я понятия не имела, что делать с этим утверждением. — Рэйчел хочет видеть тебя.

Его настроение резко изменилось. Он бросил бумаги на пол и снял рубашку, обнажив впечатляющий мышечный торс, с гигантской татуировкой черепа на спине. — Я собираюсь пойти глянуть на мою даму, — хлопнул он Тига по плечу и вышел из здания.

— Трахает собака киску, — Тиг покачал головой. Он посмотрел на меня. — Почему, черт возьми, ты все еще здесь?

— Это трудно, быть таким чертовски несчастным? — Спросил я, скрестив руки на груди.

Он холодно посмотрел на меня, пока я не поежилась от дискомфорта, а затем разразился непристойным смехом. Тиг, наконец, покачал головой и закинул ногу на стол. — Я слышу, едет твой мужчина, — проворчал он, наливая себе еще один шот.

Я тоже услышала. Низкий гул приближающихся мотоциклов. Я развернулась и вышла на улицу.

— Эй, Промиз, — окликнул Тиг. Когда я обернулась, он в первый раз посмотрел мне в глаза. — Ты теперь выглядишь, как настоящая женщина.

Грей и Брэндон были на пути к бару. Я увидела улыбку Грея, когда он заметил меня. Я прислонилась к зданию, позволяя разрезу в моем платье быть достаточно открытым, чтобы

показать всю ногу. Я знала, что эффект будет потрясающим.

Грейсон с жаром смотрел на меня с минуту после того, как припарковал свой мотоцикл и выключил двигатель. Я ждала, пробегая руками вдоль лифа платья, вспоминая, что чувствовала стоя голой перед ним и лаская себя рукой.

— Эй, детка, — сказал он тихо, поднимаясь со своего байка.

Я потянулась к нему, обнимая его за шею.

— Подожди, — он засмеялся. — Я весь потный и в дерьме.

— Мне нравится, когда ты весь потный и в дерьме.

Он пробежал пальцами по кудрям моих каштановых волос. Затем он поднял брови и раздраженно заговорил с кем-то за моей спиной.

— Я могу тебе помочь?

Брэндон стоял прямо позади меня, улыбка растеклась по его небритому лицу, пока он рассматривал меня сверху донизу.

— Хочу кусочек, — пожаловался он.

— Она не гребанная шавка, Брэндон!

Брэндон сник и надулся.

— Эй, — позвала я его. — Ужин почти готов. Десерт мы тоже сделали.

Брэндон остался доволен. — Я поучаствую во всем этом дерьме, — сказал он, направляясь к дому.

Грей нежно взял мои руки. — Сперва я приму душ, — он подмигнул. — Я не хочу заху*чить твой прекрасный наряд.

— О, пожалуйста, — я мягко ответила. — Зах*ячь мне.

— Я так и сделаю, — он заверил меня, добавив с усмешкой, — у меня на тебя, сегодня вечером, есть планы.

— Правильный мужчина, — пробормотала я себе под нос, вспоминая разговор на кухне с Кирой.

Ужин был громким и шумным, с большим количеством добродушной ненормативной лексики и веселого хамства. Планы Киры, на счет салфеток и прекрасного обеда, пошли под откос одним взмахом руки Ориона. Она не возражала. Она свернулась у него на коленях и грызла морковку.

Орион провел руками по ее ногам. — Я помню, это платье, — сказал он хриплым голосом. Это был короткий черный экземплярчик, который льнул к ней везде, где нужно.

Она откинула назад светлые волосы и многозначительно улыбнулась ему. — Ты чертовски хорош.

Брэндон объяснил мне отсутствие Мэддокса. — Он уехал в Феникс. Он погнался за жаркой цыпочкой из колледжа, которую встретил на заправке, где она остановилась по пути в ASU. Эти маленькие Кали-малышки (*Прим. Калифорнийские девушки*) падки на член с байком.

(*Прим. Университет штата Аризона, англ. Arizona State University (также: ASU, или Arizona State) — крупнейший в США публичный образовательный и исследовательский университет под единой администрацией.*)

Он подмигнул Кире. Она отвернулась от него.

Я сделала глоток пива Грея. — Ну, я надеюсь, что ему это удастся.

Брэндон в недоумении посмотрел на меня.

— Догнать, — уточнила я.

Брэндон рассмеялся. — Он всегда это делает.

Руки Грея, большую часть времени, покоились на моих бедрах очень непринужденно. Он продолжал искоса бросать на меня горячий взгляд. Я была рада, что позволила Рейчел уговорить себя надеть это платье. Было головокружительно знать, как сильно он хотел меня.

Иногда я с увлечением поглядывала на Каспера и Рейчел. Их поведение не было столь вызывающим, как у Киры с Орионом, часто казалось, что те были готовы трахаться прямо перед толпой. Я никогда не слышала, чтобы Рэйчел говорила "люблю", в разговоре с Каспером или он нем, но глубина чувств между ними была ощутима. Он погладил ее по спине и посмотрел, с почти ощутимым поклонением, а она наклонилась и, вжавшись в него, поцеловала его в щеку, будто знала его мысли, и оценила их по достоинству.

Это все, было настолько отличным, от холодных манер моих собственных родителей. Мой отец проводил свои ночи супружеского долга, в доме моей матери, в вежливой тишине. После того, как они укладывали нас с Дженни спать, они скрывались в соседней спальне. Я старалась не слышать звуки, того, что происходило там. Секс всегда был для меня загадкой, просто чем-то, что должно было случиться.

Я смотрела на Грейсона, когда он и Каспер пошутили за столом о тюремной пище. Видимо её качество, оставляло желать лучшего. Его рука лениво поглаживала моё бедро, и я положила ладонь на него, сильно нажимая, случайно скользнув рукой вверх. Он заметил, поерзав в кресле, поднял брови, глядя на меня. Я закусил губу и улыбнулась, давая понять, что не могу ждать, чтобы остаться с ним наедине. Грей наклонился и поцеловал меня в губы, и я обняла его, потому что любила, когда он делал подобные импульсивные вещи, как это.

Каспер говорил что-то о Тиге. — Становится хуже, — кивнул он.

Орион нахмурился и положил вилку. — Эта хренотень, — он покачал головой.

Грей заметил вопрос в моем взгляде. — Ревматоидный артрит, — сказал он тихо. — Он больше не может слишком долго сидеть на байке.

Я думала о старикане, сидящем в одиночестве в баре, болезненно сжимающем кулак, когда он пытался напиться и забыться. Я почувствовала острую симпатию к нему, независимо от того, каким злобным он был.

Кира смеялась надо мной, когда я взяла тарелку для Тига. Я нагрнула её ужином и кусочками десертов, которые не попали в нетерпеливый рот Брэндона, накрыв все это фольгой.

— Он просто нагрубит и вываляет это в гребанной грязи, — сказала она, садясь на стойке и хрумкая печенки — «косточки».

Я пожалала плечами. — Он, конечно, может, но, по крайней мере, я попытаюсь.

Кира рассмеялась. — Ты слишком хорошая, Промиз. Ты сделаешь остальных похожими на извиняющихся ослов.

— Неправда, — серьезно сказала я. — Вы все замечательные.

Рэйчел подмигнула и слегка приобняла меня за талию. — Иди, — сказала она. — До того. Как Грей взорвется. Я приберу это дерьмо.

Когда я вернулась в гостиную, Грей стоял в дальнем углу, тихо переговариваясь с Орионом и Каспером. Я начала подходить к ним, но он бросил на меня предупреждающий взгляд. Он уже объяснил мне, дела клуба Отступников были не для моих ушей. Я развернулась, поставив тарелку на стол, и скользнула ждать в кресло.

Только Брэндон оставался за столом, доедая остатки печенья и отпивая прямо из

бутылки красное вино.

— Ты должна открыть чертов ресторан, — сказал он с отрыжкой. Затем он кивнул в сторону Грея, сбросив свою обычную глупость и став серьезным на мгновение. — Знаешь, он так чертовски счастлив.

Я обрадовалась. — Да?

Брэндон искренне улыбнулся мне. — Да, — сказал он.

— Я тоже, — спокойно сказала я.

Мужчины закончили разговор, и Грей неторопливо подошел, автоматически позволяя руке пройти по моему телу. — Что ты говоришь моей девушке?

Брэндон сделал еще плоток. — Я говорю ей правду. То, что это классно, видеть тебя возбужденным.

— Эй, пошел на х*й, чувак.

Брэндон поднял руку, словно, обороняясь. — Я не трахаюсь с тобой. Я хочу быть возбужденным.

— Почему бы тебе не покрутиться вокруг Мэда и подобрать за ним остатки? Там много.

— Заеб*сь. Только ты можешь быть такой скользкой киской.

— Как по-философски. — Грейсон кивнул головой в мою сторону. — В любом случае, следи за языком, говнюк.

Брэндон махнул рукой. — Аааа, она одна из нас. — Он вдруг поднялся и схватил меня огромными волосатыми руками в медвежьих объятиях, его грубая борода щекотала мое плечо.

Затем он обнял Грея, хлопая его по спине. — Черт, я люблю вас, ребята.

— Только не целуй меня, ты, блин, Вуки. — Грей оттолкнулся. — Я тоже тебя люблю, приятель.

(Прим. Вуки (англ. Wookiee), в буквальном переводе — «народ деревьев», были расой волосатых двуногих гуманоидов, которые жили на планете Кашиик. Один из самых известных представителей расы — Чубакка. Взрослые вуки были высокие, они имели рост выше двух метров и были полностью покрыты плотной шерстью.)

Меня всегда очаровывали эти периодические подколы мужчин. Они были так грубы друг с другом, но с подтекстом сильной преданности. Это была, как и сказал Грей, семья.

Грей пытался подтолкнуть меня к двери Тига с тарелкой еды, но я осталась наблюдать сзади в быстро наступивших сумерках, пока он стучал. Появился Тиг, усталый и потрепанный. Он откинул фольгу на тарелке и посмотрел внутрь, потом покачал головой с улыбкой. Он слегка ударил Грея, по плечу, а потом заглянул за него, ища меня, благодарно кивнул, прежде чем исчезнуть за дверью.

— А сейчас, — сказала я, взяв Грея под руку, пока мы шли, оставшийся путь домой. — Как насчет того, чтобы рассказать мне о планах на вечер?

Его рука опустилась к талии. Голос был низким. — Тебе нравится, когда я говорю пошлости, угадал?

— Я это обожаю, — я просунула руку под рубашку, пройдясь пальцами по его горячей коже.

Он схватил меня за руку, дернул меня за угол моего старого трейлера, прижав меня к твердой алюминиевой стене и оперев мощные руки с обеих сторон, хитро словив меня.

Он провел руками по моему телу сверху вниз, во взгляде читался опасный голод.

— Я хочу оттрахать тебя со всех сторон, детка.

— Как? — Я немного раздвинула ноги, позволяя его мускулистым бедрам

проскользнуть между ними, а затем сильно прижалась. — Как ты будешь меня трахать, Грей?

Он начал мять мою грудь, и я наклонилась к нему. — Я думаю, я возьму тебя сзади после того, как ты отсосешь у меня.

— Перед зеркалом?

— Черт, да, перед зеркалом.

Я держалась за его шею, пока он целовал нежную кожу вдоль ключицы и спустился ниже. Я почувствовала, как его руки кружат по моей спине, в поисках молнии на платье и нащупав её. Ночь накрыла нас словно одеялом. Я слышала глубокий голос Ориона и игривый оклик Киры, пока они задержались на виду у дома. Ни одного из других трейлеров не было в прямой видимости, и было очень маловероятно, что кто-то выйдет из темноты пустынного шуршащего куста. Тем не менее, каким-то образом мысль о том, что кто-то может увидеть нас, была странно захватывающей.

— Грейсон, — прошептала я, когда лямки моего платья упали с плеч. — Я без нижнего белья.

Он вытянулся и дернулся, застонав. — Черт, ты сошла с ума.

— Тебе же это нравится.

— Мне нравишься ты, Промиз.

— Тогда трахни меня, — я нагнулась и расстегнула ширинку, улыбаясь, приветствующему меня стояку. — Трахни меня сейчас.

— Черт побери, — простонал он, входя в меня, я сдвинулась, чтобы дать ему лучший доступ. Он сделал паузу, оставаясь во мне, глядя мне в глаза, когда койоты затянули свою ночную песню. — Я не могу поверить, что ты моя.

Я оттолкнулась от его плеч, подпрыгивая вверх и вниз на нем. — Я твоя, Грей, — выдохнула я. — Всегда.

Он резко развернулся, так что его спина прислонилась к грязной стене трейлера. Он залез под мягкую ткань платья и сжал мою задницу, он решительно двигал меня вверх и вниз. — Всегда, — подтвердил он, ускоряя свой темп. — Всегда.

— Да, — согласилась я, а потом мое тело охватила судорога блаженства, пока я произносила его имя снова и снова, мой голос смешивался со звериной песней койотов.

Мы вцепились друг в друга и не двигались в течение нескольких долгих минут, пока не окрепли, чтобы отлепиться друг от друга и пройти несколько ярдов в трейлер Грея.

Как только мы оказались внутри, он быстро раздел меня.

Я подколола его. — Опять готов?

— Нет, — он покачал головой, тем не менее, снимая штаны. — Но я все еще хочу чувствовать тебя.

Он подвел меня к кровати и лег, потянув меня на себя. Мышцы между моими ногами, все еще пульсировала и ныли. Сейчас я знала себя достаточно, чтобы понять, что быстро могу кончить снова. Грей тоже знал мое тело. Он гладил меня по спине, по бедрам, между ними, так что он мог удовлетворить меня снова.

— Пока нет, — прошептала я, накрывая его руку. Я хотела подождать его. Мы целовались в течение длительного времени, его руки были в моих волосах, наши языки дразнили друг друга. Когда он подо мной стал твердеть, он перекатил меня на кровать.

— Нет, — остановила я его, поднимаясь и перекидывая ногу через его мускулистое тело.

Он подвинулся, чуть подкатываясь под меня. — Ты хочешь так, ангелочек?

— Да, — я криво улыбнулась, вспомнив, что сказала Кира о положении сверху. — Я проверяю одну теорию.

— Ну что ж, — он схватил меня за бедра, — используй меня, как считаешь нужным, мисс Промиз.

— Грей, — простонала я, откидывая голову назад и начиная двигаться более агрессивно.

Он знал, что я хотела услышать. — Ты такая красивая, детка. Его руки ласкали мою грудь, задевая соски, поддразнивая, прежде чем он снова крепко схватил меня. — Мне так чертовски хорошо, я не могу думать. Я хочу тебя все проклятое время. Раньше я дробил пять раз на дню, думая о тебе. Я хотел быть внутри тебя так же, как сейчас.

— Да, — прошептала я, разгорячено подсакивая, все ближе и ближе. — Так же, как сейчас. Я люблю тебя, Грей.

— Я люблю тебя, дорогая. Теперь давай, я чувствую, какой горячей ты становишься. Давай, жестче. КРИЧИ. Господи, бл*ть, да. Кончай. Вот дерьмо, я сейчас кончу.

Я не останавливалась и почувствовала, что он напрягся и выстрелил горячей струей глубоко во мне. Это было волнующе, контролировать все это. Я неохотно дала ему возможность выскользнуть из меня, и он резко потянул меня к себе. Хотя его поцелуй был нежным.

— Я это и имел в виду, Промиз. Я всегда это имею в виду.

Я сонно схватила его. — Я знаю, Грейсон. Я тоже.

Настойчиво стучали. Я двигалась на звук, по узкому коридору, расталкивая прозрачные ленты фатина, который душил и преграждал мне путь. Казалось, ткань ожила и коварно хватала меня за руки, в то время как, я отчаянно пыталась пройти мимо, туда, откуда слышался звук. Казалось важным добраться до источника шума. Я боролась с тканью и была напугана. Я прошептала его имя, единственное имя, которое когда-либо умиротворяло, но ответа не было. Я знала, что если поверну за угол, то увижу что-то ужасное. Тем не менее, я должна была это сделать. Идти было некуда, не в обратном направлении, и это было невозможно. Я моргнула. Передо мной была птица с человеческий рост, клевавшая толстую стену, за которой мы находились. Я ахнула и обернулась. У неё было лицо моей сестры.

Я проснулась с беззвучным криком. Под моей щекой была теплая грудь Грея, и я втянула носом его запах, достаточно сильно, слушая звук его сердцебиения. Он обнял меня во сне. Но я все еще могла слышать тот стук.

— Кто, бл*ть? — Грей недовольно пробормотал, и я поняла, что это не было стуком из сна. Это кто-то барабанил кулаком по тонкой металлической двери трейлера.

— Ладно, черт возьми! — Грейсон оставил легкий поцелуй на моем плече и натянул боксеры, делая несколько больших шагов к двери. Он притормозил, чтобы выглянуть из небольшого окна и нахмурился. Солнце даже еще не выглянуло из-за горизонта.

— Это Рэйчел, — сказал он мне, уже открывая дверь.

Рэйчел прошла мимо него, широко раскрыв глаза. На ней была только сексуальная красная ночнушка, ее полные груди натягивали кружево, волосы были взлохмачены. Она держала планшет, и синий свет экрана устрашающе отражался на ее коже.

— Промиз, — сказала она, задыхаясь, и протягивая планшет. — Эта статья появилась несколько дней назад.

Я взял его, изо всех сил протирая глаза, чтобы сосредоточиться на том, что она пыталась сказать мне. Слова... фразы... бросились в глаза.

Иосия Бастиан. Лидер религиозной секты, известной как Оставшаяся церковь Иисуса Христа Святых последнего дня, характеризующаяся изоляцией своих членов и принужденными полигамными браками. Умер в возрасте 72 лет.

Иосия Бастиан. Старый, больной ублюдок, который насильно женился на шестнадцатилетней девочке. От моего всхлипа Грейсон бросился ко мне, прочитав через плечо. Он, утешая, положил руку мне на спину, я просматривала статью.

— Так что, черт возьми, это значит, — спросил он, почесывая голову. — Для твоей сестры?

Я не совсем была уверена. Вопрос: — Рэйчел? — я посмотрела на кузину умоляюще, желая, чтобы она помогла мне разобраться в этом.

Она в беспокойстве прикусила ноготь. — Очевидно, он был болен в последнее время. Рак легких.

Они держали это в тайне. Он был в чертовски запущенной стадии даже тогда, когда он забрал Дженни. Как долго она там будет, — она пожала плечами. — Я не могу сказать. Ее сестры-жены, в Дельта-сити, навряд ли захотят её удерживать.

— И если брак не был заключен, — решила я, обдумывая. — Она будет возвращена к

отцу в Долину Иерихон.

— Да, — кивнула Рейчел. — Возможно.

Грей притянул меня к себе, чувствуя, что мне это нужно. Он был прав. Ощущение его широкой, сильной груди, у меня за спиной, помогло охладить мою голову от потрясения. Эти последние недели, даже, когда я поправилась и влюбилась, мое сердце было все еще разбито. Я принесла себя в жертву, думая, что могла бы спасти ее, обнаружив, что все для неё потеряно.

Больной ум Джосаи Бастиана, наконец, поддался его больному органу. Возможно, для него было слишком поздно, чтобы оставить свой след на Дженни. Моему сердцу полегчало от этой мысли, и Грей обнял меня.

Рэйчел посмотрела на меня. — Она все еще в ловушке с ними, Промиз. — это было не просто констатация факта, но и предупреждение. Мы обе знали, что мужчины, воспитавшие нас, были фанатиками самого опасного вида. Хуже того, они были под защитой сложной сети денег и власти, охват которой был далеко за пределами церкви. Не было мыслей о том, как вытянуть сестру из этого мира. И даже тех, что были, было достаточно. Кто-то должен остановить этот цикл жестокости и угнетения, до того как они заразят следующее поколение.

Рэйчел прочитала мои мысли. Она посмотрела на меня с грустным отчаянием.

— Дерьмо, — сказала она, со вздохом, наконец, понимая, что она раздета, и скрестив руки на груди, нахмурилась. — Кас удивится, почему, черт возьми, я не разогрела первое, — она бросила на меня взгляд, пока я отдавала ей планшет. — Мы поговорим позже, ладно, малышка?

Присмотри за ней, Грей. Черт, я знаю, ты всегда это делаешь.

Я спокойно сидела в объятиях Грейсона, в течение целой минуты после того, как за Рэйчел скрипнула дверь. Он поцеловал меня в макушку, а затем пошел на кухню сделать кофе.

— Ты в порядке? — Наконец спросил он меня.

Я тупо смотрела на темную постель. — Я не знаю.

Он удивился, когда я резко вскочила с постели, зарывшись в его футболку, случайно брошенную на пол. Она была мне до колен.

Грейсон поставил две кружки кофе на стол и сел. Я потянулась за одной и отхлебнула, но меня все это слишком беспокоило, чтобы успокоиться. Я опустила палец в горячее содержимое чашки, наслаждаясь обжигающим кипятком.

— Грей, — сказала я. — Еще рано. Возьмешь меня пострелять?

Сейчас я поняла, что он имел в виду, говоря об успокоении хаоса в голове, который становится сильнее тебя. Грей был терпелив, позволяя мне стрелять столько, сколько я захочу. Я начинала попадать в мишень чаще, чем промахиваться и этот факт, доставлял большое удовольствие.

Солнце поднималось все выше, освещая таинственный пейзаж. Через короткое время стало бы невыносимо.

— Ты злишься, — Грей тихо наблюдал. Он не прикасался ко мне с того момента, как мы уехали.

— Конечно, я чертовски зла, — проворчала я.

— Хорошо, — он одобрительно кивнул. — Это хорошо, быть чертовски злой, Промиз. Просто пойми, когда отпустит. Не позволяй этому сломать тебя.

Я прицелилась, с решимостью попасть. Я опустила винтовку и посмотрела на него. Взгляд был затруднительный. Он стоял с руками на бедрах, ожидая.

— Что, черт возьми, ты знаешь? — Я слышала яд в своем голосе, но я не могла остановиться.

— Ничего, — он пожал плечами. — Всё.

Я смотрела на винтовку в руках. Вдруг она показалась ужасно тяжелой. Грей протянул руку и взял её у меня, в тишине разоружая.

— Прости, — сказала я, положив руку ему на плечо.

Он удивился. — За что?

— Я сорвалась на тебя. Без причины.

Он тщательно прислонил винтовку к дереву палOVERДУ.

(Прим. пало верде palo verde tree дерево с корой зеленого цвета, покрытое колючками и практически лишённое листьев, дерево символ штата Арризона).

— Ты думаешь, я не жду от тебя ничего кроме легкости и сладости, все сто процентов времени? — Он вздохнул и посмотрел вдаль на холм с «Q» на вершине. — Я не пытаюсь лишить тебя права злиться. Я провел чертовски много дней, сбитый с толку, неопишуемой яростью. Я мог бы легко провести оставшуюся часть моей жизни именно так. Я все время видел людей находящихся в этом состоянии.

— И ты думаешь, что это то, что со мной происходит?

Он задумался. — Нет. Пока нет, — он коснулся моей щеки. — Черт, это больно видеть твою боль. Я просто хочу избавить тебя от этого.

— Грейсон, — сказала я тихо, взяв его за руку и прижимая их к сердцу. — Ты избавляешь. Ты же знаешь? — Я с трудом пыталась найти правильные слова. — Ты мой любимый, мой друг, и все лучшее, что есть в мире.

Он хрипло рассмеялся. — Черт, Промиз, ты бы так не говорила, если бы знала обо мне все.

— Сказала бы. Я знаю все, что имеет значение.

— Промиз, — сказал он, крепче прижимая руку к груди. Он начал что-то говорить, но передумал, покачал головой и опустил взгляд на землю. Он глубоко вздохнул и посмотрел вверх. — Черт, я люблю тебя, сказал он с яростным спокойствием.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я и растворилась в его объятиях.

Мы сидели вместе, в пыли, и смотрели на краски мира под лучами восходящего солнца. Грей рассказывал разные вещи, о которых он когда-то узнал. Жеоды и койоты, пустынные растения и древние цивилизации, которые когда-то населяли эту землю. Я слушала его голос, и это доставляло мне удовольствие. Я никогда не чувствовала себя так близко к кому-либо. Это было больше, чем секс. Это было больше, чем дружба. Это было то, чего раньше никогда не было. Это были мы.

Постепенно острый приступ беспокойства, который привел нас сюда, исчез. Когда температура начала повышаться, мы собрались и вернулись в город.

После того как мы вернулись в свой трейлер, в место, которое теперь я считала "домом", мы молча разделись друг перед другом. Я опустилась на колени перед ним и взяла его в рот, пробуя на вкус каждый дюйм, дразня кончик и чувствуя, как он твердеет между моими губами, пока я не поняла, что он не сможет дольше сдерживаться.

И когда этот момент настал, я откинула голову назад, немного изогнувшись, направляя его внутрь, пока он ласкал мою грудь, и попыталась взять его до конца. Я дала ему знать, что

я была почти на грани, и он сам входил глубже, пока я качалась под ним в исступлении. Затем он последовал за мной.

Брэндон начал стучать в дверь, когда мы еще обнимались.

— Выходи, и поехали, бл*! — Закричал он. Они уже давно должны быть в Блайте, заканчивать работу, которую они начали накануне.

Грей выругался и вскочил в ванную. — Скажи, этому волосатому х**, что я буду через минуту.

Брэндон был сварливым, но он значительно повеселел, когда я предложила ему кусочек бананового хлеба, который я испекла накануне.

— Много не надо, чтобы сделать тебя счастливым, так? — Я посмеивалась над ним.

Он смахнул крошки с бороды. — Не-а. Ты можешь потрындеть.

— Ты говоришь мне, что не можешь найти хорошую девушку, чтобы заботилась о тебе?

Он задумался. — У меня уже была хорошая девушка. Ее звали Эбби.

Мне было любопытно. — Что с ней случилось?

Он пожал плечами. — С какого хера я должен знать? Я сказал, что она была однажды.

Грейсон появился, натянув одежду. Он подарил мне быстрый поцелуй и взял последний кусок хлеба, который я ему предложила.

— Люблю тебя, детка.

Брэндон уже вывалился за дверь, раздраженно бормоча что-то. Грейсон собирался последовать за ним.

— Грей!

Он обернулся. Я подняла футболку.

— Думай обо мне, — решительно сказала я.

Он усмехнулся. — Я всегда это делаю.

Я услышала, что Брэндон воскликнул с обратной стороны двери.

— Черт, я это видел! Господи, теперь мне трудно и паршиво.

Я выглянула в окно и увидела, что Грей дал ему подзатыльник.

Когда я прислонилась к двери, моя улыбка исчезла, я вспомнила новости Рэйчел. Они были хорошими, решила я. Мало того, что Иосия Бастиан ушел, была высока вероятность того, что из-за его ослабленности, Дженни не подверглась физическому насилию. Тем не менее, Рэйчел была права. Дженни всё ещё была под их контролем. Последует период траура и потом, только вопрос времени, мой дядя заставит ее вступить в другой фиктивный брак.

Я тяжело вздохнула и села в душе, планируя одеться и броситься в бар. Возможно, у Рэйчел будут какие-то идеи, на счёт того, что делать.

Сильная жара, казалось, душила все живое. Даже обычные группки ящериц были спокойны. За несколько минут ходьбы через пыльный двор, мои голые ноги мгновенно сгорели.

Рэйчел сидела на стуле, за стойкой бара, лаконично пробегаясь по некоторым документам. Она улыбнулась мне, когда я вошла.

— Я ненавижу это дерьмо, — сказала она, указывая на бумаги.

— Что это?

— Заказы. Каспер дерьмово догоняет в состоянии денежных поступлений, поэтому я сказала ему, что попробую разобраться.

— Ааа. — Я села на стул с противоположной стороны. — Вы, ребята, поцапались?

— Неа. — сверкнула глазами Рэйчел. — Ладно, да. Но это игра. Мы ссоримся, а потом

трахаемся, как животные.

Раньше, ее слова шокировали бы меня, но теперь я только рассмеялась.

Взгляд Рэйчел стал серьезным. — Что думаешь?

Я поняла, что она имела в виду. — Я как раз собиралась спросить тебя о том же.

— Ну, хотела бы я знать, что сказать тебе, дорогая. Но тогда, я бы не сбежала без оглядки из этой секты десять лет назад.

Я, размышляла, жуя губу. Она упомянула это в первый раз за все время. Из этого не было простого выхода.

Выскочила Кира, выглядя посвежевшей и счастливой.

— Я думаю, что эти витамины заставляют меня больше блевать, — бодро сказала она.

Всегда было трудно не улыбнуться, глядя на Киру. Она заражала собой, казалось, освещая воздух в помещении, где появлялась.

— Я видела тебя, — она смеялась надо мной.

— Я не поняла, что она имела в виду. — Что? Я тоже рада тебя видеть, Кира.

Она заговорщицки наклонилась ко мне. — Нет, прошлой ночью. Как вы трахались у старого трейлера. Не волнуйся, я развернула Ориона. Иначе он был бы прямо перед твоим лицом, наслаждаясь бесплатным порно.

Каким-то образом меня это не смутило. Я подумала о том, как странно это было бы. Грейсон не только разбудил мое тело, с тех пор, как я увлеклась им, он помог освободить мой разум.

Кира понимающе кивнула. — Это хорошо, да?

— Да, — вздохнула я, толкнула ее и захихикала.

— О чем это курочки раскудахтались? — Большой мужчина, Орион, мог подкрадываться, как кошка.

— Ни о чем, дорогой, — сказала Кира, похлопывая его сладко.

Он посмотрел на нее. — Да, я, бл*ть, держу пари, что так и есть.

— Господи, ты чертовски неисправим, — пожаловалась она.

Его голубые глаза сузились. Не думаю, что есть еще один человек на земле, который мог бы так разговаривать с Орионом Джексоном.

— Так улучши мой настрой, — сказал он, хватая ее и дико целуя. Она наклонилась к нему, запустив руки под его рубашку, чтобы погладить грудь.

Рэйчел рассердилась. — Вы, ребята, собираетесь отпугнуть клиентов.

Он мотнул головой. — Кабинет? — Спросил он Киру.

— Кабинет, — согласилась она, таща его по коридору.

Когда она повела его, Орион повернулся и улыбнулся мне. — Кстати, она абсолютно чертовски права. Я видел тебя, — и потом он захлопнул дверь в кабинет.

Какое-то время я помогала Рэйчел разбираться в подпольной документации. Авель, один из немногих членов клуба, которые жили в городе, забрел с Каспером. Я немного знала о нем, то, что он работал в крошечном гараже своего дома, около мили по дороге, и его жена сбежала от него некоторое время назад.

— Дамы, — отсалютовал он нам и любезно согласился на предложенное Рэйчел пиво. Я заметила, что он мало говорит, задумчивый, просто кивает с умным видом на большинство хамских подколов Каспера.

Оба не остались надолго. По—видимому, Касперу был необходим Авель, чтобы посмотреть что—то в его баке. Перед тем как свалить, Каспер обратился к Рэйчел.

— Ты разобралась с моим мусором, кексик?

Она торжественно улыбнулась. — Пошел ты и пошел твой мусор.

Он, казалось, наслаждался этим. — Хорошо. После того как я сделаю свой байк.

— Байк тоже. Пошел на х*й.

— Ой, черт, — он погрозил ей пальцем. — Ты перешла границу, малышка. Я собираюсь заставить тебя заплатить за это, или я потеряю часть имиджа.

— Ну, мне как раз сейчас не хватает компенсации.

Он встал перед ней и расстегнул ремень на ее тоненькой рубашке. — Ты просто должна проявить фантазию, — сказал он, и резко опустил голову, смело, быстро целуя между грудями. Она провела пальцами по его вьющимся волосам, и они смотрели друг на друга в течение минуты до того, как Каспер оторвался с улыбкой.

Я подметала пол, но когда я посмотрела на Рэйчел, она подмигнула. — Как животные, — напомнила она мне.

Невероятное количество пыли лежало ковром на темном деревянном полу бара. Рэйчел сказала, что худшее время года — это пора летних муссонов, предвещающее хаотические пыльные бури.

Я сметала небольшую кучку пустынной пыли на потрескавшийся совок, думая о Калли Лопес и ее предложении, чтобы начать здесь практиковать акушерство. Грей призывал меня двигаться вперед, но я не хотела. Не то чтобы не хотела, боялась возмездия Долины Иерихон, и Уинстона, в чьей власти я еще была. Я не могла рисковать, сделав что-то, что могло привести их сюда.

Я знала, что дверь была открыта, но я не поднимала головы. Когда повернулась туда, где выбрасывала пыль в мусорное ведро, увидела мужчину, который вошел в бар и смотрел на меня.

Он не был похож на обычного клиента, не местный. Он был слишком городской, слишком элегантный. Он улыбнулся мне.

— Здравствуйте.

— Привет, — только минуту назад Рэйчел исчезла в комнате отдыха, так что я полагала, что не было ничего страшного в том, чтобы помочь ему, хотя пристальный блеск его глаз заставил меня чувствовать себя неудобно. — Могу ли я вам что-нибудь налить выпить?

— Да, спасибо, — он проскользнул за стол. — Я буду Том Коллинз. (*Примеч. коктейль Том Коллинз: джин — 60 мл, сахарный сироп — 30 мл, содовая — 50 мл, апельсин — 30 г, лимон — 75 г, коктейльная вишня красная — 5 г, лед*)

Я колебалась. Я не знала, что это такое. — Может, хотите что-то еще? Например, пиво?

Он внимательно окинул меня взглядом. Это не был непристойный взгляд; он словно оценивал меня. — Ты не бармен? — Мягко спросил он, проводя рукой по своей челюсти. Он был чисто выбрит, возможно, ему было немного за тридцать. Чем дольше он смотрел на меня, тем неудобнее я себя чувствовала.

— Нет, — призналась я. — Я не бармен.

Он кивнул, невольно усмехнувшись, как будто суть вопроса была не столько в этом. — Тогда конечно. Я возьму пиво, — он махнул рукой. — Любое.

Я налила ему стакан из-под крана так, как видела десятки раз, как это делает Рэйчел. Я чувствовала, что мужчина все время наблюдал за мной. Я умудрилась немного переполнить стакан, пролив немного на пол.

Он продолжал смотреть на меня, когда я подошла и поставила стакан на стол, вытирая руки о шорты, пока уходила.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — пробормотала я, пытаюсь скрыться за стойкой бара. Я не знаю, почему его присутствие настолько нервировало.

— Ты здесь давно работаешь? — Тон его голоса вызвал странное чувство, что он уже знал ответ на свой вопрос.

Тем не менее, инстинкт подстегивал. — Давно, — соврала я.

Он нашёл мой ответ забавным. Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Забавно, — сказал он. — Я мог бы поклясться, что не более двадцати одного дня.

Волосы на затылке встали дыбом, как будто комната вдруг наполнилась статическим электричеством.

— Кто ты, бл*ть, такой? — Рычание Ориона было практически зверским. Он появился в проеме кабинета и подошел к бару в полной тишине.

Человек был немного ошеломлен, увидев его. Я понимала, почему. Орион был ростом пять-шесть футов, мускулистый и его грудь была разрисована зловещими татуировками. Он дошел до стола, где сидел мужчина, уперев свои толстые костяшки пальцев о поверхность стола, когда наклонился вперед.

— Я задал тебе, чертов вопрос.

Человек сглотнул. — Просто прохожий. Решил зайти выпить.

— Ерунда. Мы точно не по пути между штатами и ты выглядишь как ублюдок на задании.

Орион улыбнулся, человек встревожено глотнул пива из своего стакан. Он встал и кинул двадцатидолларовую банкноту.

— Спасибо за обслуживание, — сказал он, холодно улыбаясь мне, перед тем, как поспешно выйти.

Орион подошел к окну, выглядывая. Я услышала звук заводящегося автомобиля.

— Чертов BMW, и он просто проходил мимо, — заговорил сам с собой Орион.

Появилась Кира и заметила его напряженную фигуру. Она вопросительно посмотрела на меня.

— Промиз, — взревел Орион, все еще глядя в окно. — Ты когда-нибудь видела этого засранца раньше?

— Нет, — сказала я.

— Что он тебе сказал?

— Просто спросил меня, как долго я работаю здесь. Я сказала ему, что в течение многих лет.

Орион кивнул, обращаясь ко мне. — Ты солгала. Почему?

Кира начала что-то говорить, но Орион легко заткнул её.

— Почему? — Снова спросил он.

— Я не знаю, — призналась я. — Мне с ним... не по себе по какой-то причине.

Орион, казалось, ожидал моего ответа. — Да, — сказал он тихо. Затем он покачал головой и вышел из здания.

Кира стала рядом и сжала мою руку. — Что это было?

Я пожала плечами. — Я действительно не знаю.

Когда Рэйчел вышла из комнаты отдыха, я кратко рассказала ей об инциденте с

внезапным незнакомцем. Теперь, когда все закончилось, я задавалась вопросом, о том, что большая часть моей внутренней тревоги была подсознательной.

— Орион поехал проследить за ним, — закончила Кира.

Рэйчел, казалось, раздумывала. Ее мягкие губы вытянулись в жесткую линию.

— Рэйчел? Есть о чем беспокоиться?

Ее улыбка не распространялась на глаза. — Нет, дорогая. Я уверена, что он был просто Одиноким путником, который искал выпивки и компании.

Несмотря на то оживленную болтовню Киры, остальную часть дня я чувствовала себя немного подавленной. Когда я услышала рев мотоцикла Грея, я выбежала на улицу, в жажде комфорта его объятий.

— Моя малышка, — счастливо выдохнул он, целуя меня в шею, и прижал меня ближе, а я вдыхала запах горячей кожи. Я не хотела отпускать его.

Он погладил спину. — Промиз? Что-то не так?

— Нет. Я просто скучала по тебе.

— Я тоже скучал по тебе, ангел, — он поцеловал меня.

Затем он отошел и указал в западное небо. — Смотри.

Это был еще один Хабуб, надвигающийся с огромной скоростью, широкий, песчаный торнадо.

Грей потер руки, глядя на небо.

— По прогнозу погоды говорили, что близиться адский шторм.

Появился Орион и встал рядом с Грейсоном. Он, казалось, был на взводе, напряжен. — Намечается гребанная уборка, как несколько месяцев назад, — он многозначительно посмотрел на Грея. — Нужна твоя помощь кое с чем, — он начал идти к открытому гаражу, пристроенному к дому. Он не оглядывался назад, чтобы посмотреть, пойдет ли Грей за ним.

Грей сжал мои руки, поцеловал меня в лоб. — Я сейчас вернусь, — он внимательнее посмотрел на меня, поднимая мой подбородок. — Ты уверена, что все в порядке?

— Да, — я кивнула. — Я просто до сих пор немного не в духе. Ты знаешь, из-за новостей о Иосии Бастиане, — даже сказав это, от его имени, во рту стало отвратительно гадко.

Грейсон поцеловал меня снова, и последовал за Орионом. Он оглянулся еще раз и улыбнулся, когда увидел, что я наблюдаю за ним. Я повернулась, чтобы посмотреть, как облако пыли набирает силу на западе.

В прошлый раз я наблюдала за таким неприступным облаком, уставившись на него с открытым обожанием, с манящим чувством. Теперь я чувствовала только нарастающее беспокойство. Я хотела укрыться, быть вне досягаемости. Но даже когда я кинула еще один испуганный взгляд за спину, и прежде чем закрыть дверь в бар, я поняла, что причина была не в урагане, не он вносил беспокойство в мою душу.

Было что-то еще.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

«Приезжайте в Аризону — место, где Ад проводит лето». — Приветственный лозунг путешествующим, около 1930-х годов.

«Надежда рождается в темноте» — Энн Ламотт

«Я вошла во взрослую жизнь, без какого-либо понятия, о силе физических прикосновений. Они дарили наслаждение. Они были великолепны. А в дополнении с историей любви, это было всем.» — Прюмиз Тальбот.

Грейсон.

Грейсон повертел веточку грисвуда в руках, и несколько восковых листочков посыпалось на землю. (*Прим. Greasewood, он же Растение Sarcobatus, представляют собой листовые кустарники 0,5—3 м высотой, с колючими ветками и суккулентными листьями, ветвь с плодами и мужскими колосками; Цветки мелкие, малозаметные, зеленые или желтые, одиночные или, чаще, в малоцветковых клубочках*).

Ему это не нравилось. Не эта часть дел клуба, не на этом этапе его жизни. Он не хотел оставлять ее.

Сначала известие о смерти этого сумасшедшего лидера секты, затем, сегодня, этот смазливый городской кусок дерьма появляется из ниоткуда. Теперь он знал, почему она казалась настолько обессиленной, когда он подъехал. Орион первым делом рассказал ему об этом. Прежде, чем он выложил подробную информацию о деле.

Орион с пронизательным выражением на лице наблюдал за ним. — Это в двадцати четырех часах езды, — он пожал плечами.

— Я мог бы увезти ее.

Орион издевательски усмехнулся. — Бл*ть, нет, ты не можешь увезти ее.

Грей отломал несколько листьев. Он чувствовал смолистый запах, источаемый растением. Особый запах, с которым ассоциировалась пустыня после дождя. — Что делать с этим мудаком сегодня?

Орион остановился. — Отделаться от того говнюка, это точно. Может, он просто подбивал клинья.

— Я так не думаю.

— Эй, — Орион по-братски хлопнул его по спине. Он был у Ориона на высоком счету, Грей знал об этом. Он одолжил ему денег на собственный мотоцикл, в тот день, когда он приехал в Куартцсайт. А потом, после Колорадо, он отказался принимать с него любые дополнительные взносы. — Эти еб*ри живут в так называемой божьей стране? Кучка трусливых старых членов. У них не было возможности сразиться с настоящими мужчинами.

Грей, не ответив, наклонил голову.

Орион перевернул близлежащий бочонок и сел рядом с ним, говоря уже серьезно. — Ты же знаешь, что если бы это случилось, я бы встал вместе с тобой, правда? Так же как каждый из этих гребанных парней, — он вытянул руку и махнул в направлении Грея. — Это имеет значение.

— Да, я знаю.

Орион глубоко затянулся, закуривая. — Ты думаешь, что я оставил бы свою девочку здесь, если бы считал, что не о чем беспокоиться? — Он стряхнул пепел на землю. — Кроме того, Тиг будет поблизости. В эти дни Хавез слишком далеко для него. Он будет на стреме.

Грей бросил креозотовый кнут в грязь. Буря была все ближе. — Двадцать четыре часа? — Спросил он.

Орион кивнул. — Максимум, бл*.

Грей резко вскочил на ноги и оглянулся по сторонам, в то время как ветер начал завивать сухой песок, закрывая вид на трейлеры, находившихся за зданием бара.

Орион решил, что вопрос решен. — Выдвигаемся в 6 утра, — он затушил окурок о

запятнанный цемент, Грейсон начал уходить. — Эй, Грей?

Грей обернулся. Голубые глаза Ориона, всегда интенсивного цвета, были обращены на него с чем-то напоминающим симпатию. — Это хорошо, знаешь. Ты и она.

— Да, — согласился Грей мягко улыбаясь. — Это чертовски, бл*ть, хорошо.

Этот большой голубоглазый ублюдок вульгарно ухмыльнулся. — Принято к сведению. Хотя я не говорю о сексе. Теперь иди к своей, а я пойду к своей.

— Шесть утра, — пробормотал Грей и ушел, остановившись у бара «На дне реки» в поисках её.

Открытая дверь в баре была подперта камнем значительных размеров. Он увидел ее внутри бара, разговаривающей с Рэйчел. Промиз рассмеялась и провела рукой по волосам. Она была одета просто, но сексуально, в облегающей белой футболке и джинсовой юбке. Грей медленно проследил взглядом по изящной фигуре, вспоминая каждый ее дюйм. Он моментально стал твердым. Боже, она делала его твердым каждый раз.

Его возбуждение ушло, когда в уме всплыли болезненные воспоминания о том, как она появилась здесь. Он желал, чтобы эта часть истории было другой, но это было не возможно. Грей всегда сознательно старался не вспоминать лица того человека, потому что мысль о руках, которыми жирный подонок причинил боль девушке, которую он любил, была убийственным разрядом, проходящим через его сердце. Если этот сукин сын когда-нибудь осмелится даже дыхнуть в направлении Промиз снова, Грей сделает гораздо хуже, чем то, что пообещал в тот скверный день в Блайте. Он не упустит тот мерзкий кусок дерьма. Он убьет его.

Она заметила его боковым зрением и повернулась в его сторону. От искренней радости, которая осветила ее лицо при взгляде на него, перехватило дыхание. Так было всегда. Она прошла через бар, прямо к нему в объятия, в поисках его губ. Он нашел её губы, пробуя ее на вкус, желая похоронить себя в ней снова. Скоро.

Он скорее почувствовал, чем услышал, ее испуганный вздох, когда поднял ее на руки и понес оттуда. Промиз была такая легкая, настолько маленькая, по сравнению с ним. Трудно было поверить, что она может привести его к такому бешеному оргазму каждый раз. Еще труднее поверить в то, как она принимала его внутри и отвечала так же горячо.

Буря надвигалась не шуточная. Он мог ощутить воздух пустыни в легких, с дикими порывами ветра. Пахло дождем.

Он должен был опустить ее, чтобы открыть дверь трейлера, и она сразу же начала ласкать его там, где он рассчитывал. Грей засунул руку ей под юбку и провел между ног, чтобы убедиться, что она готова. Он застонал от влажного желания, которое обнаружил там.

Промиз хотела страсти. — Скажи мне, — прошептала она, лаская его как надо.

Грейсон улыбнулся, и закрыл за собой дверь. Это была одна из тех вещей, которые он любил в ней. Промиз преодолела то, что сотворили над ней, и её разумом, обучаясь искусству секса с такой страстностью, которая удивила даже его. Она любила слушать его слова. И он давал ей это.

— Я люблю смотреть на тебя. Из-за тебя, мой член становится твердым, как долбанная сталь, с каждым ударом сердца .

Она сняла рубашку, бюстгальтер соскользнул с её плеч. Затем она подарила ему маленькую грязную улыбку и расстегнула юбку, засунув руку внутрь, мимо ослабленного пояса, в ее тонкие трусики.

— Господи, — сглотнул он, его дыхание стало тяжелым и поверхностным. — Позволь

мне увидеть.

Она показала ему.

— Я люблю тебя, — сказал он ей.

— Я тоже тебя люблю, Грей, — сказала она. — Теперь иди сюда и оттрахай меня хорошенько.

Он почти потерял контроль, когда схватил ее. Одно прикосновение ее мягкой груди, к его груди, было почти достаточно, чтобы он дошел до края. Она согнула ноги в коленях, откидываясь назад, раскрываясь, насколько могла, чтобы он глубже вошел в неё.

У Грея никогда, ни с кем не было такого, будто плависься, двигаясь вместе, как единое целое. У него было много девушек, в той беззаботной молодости, до дней ада и тюрьмы, но он едва помнил какую-нибудь из них. Затем, шесть долгих лет без женщин, только его рука и его сознание, составляли ему компанию, потому что он был в мире мужчин и не мог найти в них что-нибудь возбуждающее. После того как он вышел, коварная Талия была его первой ошибкой.

Он услышал тихие стоны, которые издавала Промиз, и почувствовал, как она становится жарче от их движений. Она была уже близко. Он рассматривал ее лицо, когда она приподнялась выше, а затем застыла с криком о том, что любит его, прежде чем обрушила свой рот на его губы.

После этого он наполнил ее, дико кончая, подтянул к себе, поглаживая ее голую спину, пока она вздыхала от удовлетворения. Грейсон отчаянно любил ее. Прерывающимся голосом он сказал, что должен будет оставить ее, на некоторое время. На улице начался дождь. Это был не легкий, постоянный дождик, который он помнил по Нью-Йорку. Дожди в пустыне были редкими, яростными. Когда небо проливалось на эту сухую землю, это было наказанием.

Она приподнялась на локте, глядя с беспокойством. — Грей, здесь сегодня был мужчина.

Он кивнул. — Я знаю. Орион рассказал мне.

В её зеленых глазах было беспокойство. — Что думаешь?

— Вероятно, ничего такого, детка.

Промиз поцеловала его в грудь. — Ты должен уехать?

Он играл с ее мягкими волосами. — Да. Но ты знай, я вернусь. И я буду думать о тебе каждую минуту. Ты мне снишься, ты знаешь об этом?

Она обрадовалась. — В каких снах?

Грей слегка коснулся между её ног. — Угадай.

Промиз рассмеялась и обняла его, позволяя прижать ее к своей груди, их руки и ноги крепко сплелись между собой. — Я так люблю тебя, Грейсон, — сонно сказала она. — Я никогда не устану говорить это.

— Я никогда не устану это слушать. Я тоже люблю тебя, ангел.

Он держал и гладил ее, больше ничего не рассказывая о своих снах. Он не лгал. Сейчас для него стало обычным просыпаться твердым и готовым к сексу после картинок в его подсознании, проигрывающих их самые страстные моменты. Но была и другая сторона странствий разума.

Память о её синяках, запуганный взгляд в глазах. Охватывающий страх, что эти ублюдки найдут ее и причинят боль мести, которую они свили в праведности. Она откровенно рассказала о фанатичных учениях церкви. Грей все понял еще в тот момент, когда эпитет

«нечистый дьявол» выплеснулся из уст этот ублюдок. Грей был уверен, если бы он знал о нем правду, удвоил бы свой гнев. И исправил бы её судьбу.

Они не получают тебя, ангел. Только через мой труп и даже тогда.

Орион был уверен, что не было никакой реальной связи с прошлым Промиз, и мужчиной, который сегодня приходил в бар. Грей доверял мнению Ориона. Глава Отступников знал о человеческой природе больше, чем умещается в 20-ти головах. Тем не менее, у Грейсона была своя точка зрения.

... В Пикачо, был человек по имени Риторский, невзрачный бывший бухгалтер, который был пойман на хищении у государства. Его моргающее, близорукое личико, казалось, волшебным образом вызывало особый гнев в массах. Он был жестоко последователен. Слепое дерьмо, должно быть, считал, что было метким ходом, настучать на своего сокамерника, за хранение запрещенного татуировочного пистолета. Охранники пришли, обыскали клетку и наказали за контрабанду.

Шли месяцы, и Риторский, казалось, находился в тихом ожидании, когда появится кто-то новенький или шестерка, который набросится на него. Но это было делом времени. Человек, которого обвинили в убийстве первой степени (*Прим. преднамеренное убийство*), только ждал.

Риторский сидел в углу столовой, смиренно ел свой курицу и думал о таблицах или икре или другой гребанной ерунде, которая проходила через руководителя такого человека.

Кто-то случайно остановился перед ним и что-то прошептал ему на ухо. Риторский опустил руку, держащую курицу, так что она упала, он моргнул, глядя на говорящего. Мгновение спустя он сидел с грубо заостренной палкой в горле. Убийца быстро смылся, пока кровь вытекала из пробитой артерии Риторского. Он сделал свой смертельный вздох, вероятно, даже не зная, за что его ударили. Он не предвидел такой поворот событий. Он думал, что время обезопасило его. ...

Грейсон считал по-другому. Природа была полна хищников, у которых хватало терпения.

Они наблюдали. Они ждали. И, в конце концов, всегда, наносили удар.

Я старалась не цепляться за него. Я знала, что он уже торопился. Он долго держал меня в бездне дикой пустынной глуши, пока солнце стремилось к своему повседневному труду на небе.

— Койоты, — сказал Грейсон с улыбкой, указывая на пару размытых снующих теней около железного дерева. Я слышала, что мужчины, жестко матерясь, уже направляются к своим мотоциклам.

— Отступники вперед! — Проревел Орион и завел двигатель.

Грей взял мое лицо в свои ладони и поцеловал, с медленным наслаждением.

— Я буду скучать по тебе, — сказала я.

— Только один день, — сказал он, бросая на меня печальный взгляд.

Я попыталась улыбнуться, не желая добавлять ему беспокойства. Мысль о сне без него, была почти невыносима. Я покачала головой на собственную глупость. Я взрослая женщина.

Одиночество, в течение дня, не убьет меня. Тем не менее, я была рада, что Кира пригласила остаться в её доме на ночь.

Ориону не терпелось выдвигаться в путь, но Грей остановился около трейлера Тига. Тиг стоял снаружи, на нем не было ничего, кроме грязных джинсов, руки уныло скрещены.

Грей сказал, ему что-то, чтобы я не услышала, Тиг взглянул на меня и устало кивнул. Грей хлопнул его по плечу и быстро взобрался на байк. Он и остальные Отступники, за исключением Тига, двинулись за Орионом с мощным ревом двигателей и пылью.

В конечном счете, я не спрашивала Грея, почему клуб должен ехать к озеру Хавас, и он предпочел мне не рассказывать. Кира не раз упоминала, что Орион не говорит с ней о делах клуба. Она пожала плечами и сказала, что ее отец, лидер другого клуб, до его убийства, был того же мнения. Таковы были устои.

Оставался час до того, как Рэйчел должна была подняться и практически столько же, чтобы приготовить бар к открытию. Кира, как правило, спала допоздна, так что я была сама по себе, на некоторое время.

Я уселась на маленьком диване, который, хоть и был немного зачуханный, но на нем было комфортно. Кира дала мне книгу «Квартзсайтское путешествие». Она пошутила, что это может быть единственный роман именно о Квартзсайте, или, по крайней мере, имеющий «Квартзсайт» в названии. Это была легкая приключенческая история. В начале 1960-х годов, необычный учитель английского языка установил обычай, собирать группу своих студентов на недельную поездку в Квартзсайт. Этот рассказ заставил меня сожалеть о том, что я пропустила в традиционной средней школе.

Я приближалась к концу книги и взялась перечитывать одну сцену в частности. Это случилось в последнюю ночь поездки, начал лить сильный дождь, угрожающий потопом, сейчас я знала, что это было частью опасностей в пустыне. В результате ливня, некоторые из студентов заметили странных маленьких рыбоподобных существ, шныряющих в лужах вокруг. Головастики креветок, сказал им учитель. Он продолжал объяснять, как они неожиданно вылупились из икринок, вероятно отложенных в спячку много тысячелетий назад. Город Квартзсайт, штат Аризона был покрыт великим океаном. Икринки этих крошечных существ остались, когда вода пошла на спад и земля изменилась. Они выживали в их скрытом состоянии в экстремальных условиях до определенного уровня давления воды,

который и разбудил их.

Тогда головастики креветок и вылупились. Они могли бы жить. Они бы отложили больше яиц. Они бы умерли. Оказалось, чтобы провести такой жестоко короткий жизненный цикл, нужно было невероятно долго ждать. Я взяла на заметку рассказать Грейсону об этом. Такие вещи очаровывают его.

Я отложила книгу в сторону и неохотно глянула на часы. Было почти восемь. Рэйчел поднимется в ближайшее время, чтобы подготовить бар к открытию. Во всяком случае, теперь, когда я оторвала глаза от страниц, я насторожилась тишине окружающей меня. Я слышала, как Тиг медленно пронесся вниз по дороге на мотоцикле пятнадцатью минутами раньше. Когда я посмотрела вокруг трейлера, отсутствие Грея остро угнетало. Я была бы рада хоть какой-то компании.

После быстрого душа я отжала волосы и критически посмотрела на себя в зеркало. Грей считал, что я красивая. Он говорил это достаточно часто, и я увидела, что это правда потому, как он смотрел на меня. Воспоминание о нем заставило меня улыбнуться. Это будет длинные 24 часа.

Я оделась в шорты и легкую зеленую футболку, и снова уставилась на себя. Я выглядела просто как нормальная молодая женщина. Я выглядела, как все остальные.

Жеода, которую расколол Грей, лежала на крошечном столике рядом с кроватью. Я подошла и слегка потрогала два кристалла. Потом я осторожно сложила их вместе, приятно, что две половины аккуратно подходили друг другу, и вернула их на стол.

Было странно, что меня охватила внезапная дрожь. Мой пульс зашкаливал, и во рту мгновенно пересохло, но иногда инстинкты предшествуют осознанию. Примитивное сочетание физических и церебральных (*Прим. мозговых*) реакций предупреждают тело, что ум не может пока признать: Опасность. Я знала, что, кто-то был в комнате, прежде чем обернулась.

Я посмотрела в лицо своего кошмара, и он улыбнулся мне.

— Привет, жена, — сказал он.

— Нет, — предупредил он, когда я открыла рот, чтобы закричать. — Ты окружена. Мы знаем, что мужчины уехали. Ты же не хочешь рисковать женщинами, а? — Его голос был пропитан злобой.

Я закрыла рот. Рэйчел. Кира. Нет, я не рискнула бы ими.

Уинстон указал на противоположный стул. — Сядь, моя дорогая.

Я покачала головой, сжав кулаки, и приготовилась к тому, что будет дальше. Он не тронет меня. Я буду с ним драться до смерти. В отчаянии я посмотрела вокруг, в поисках оружия. Винтовка. Грей оставил винтовку у двери.

Уинстон вздохнул. — Ну что ж, хорошо, — он улыбнулся мне, как будто он был не больше, чем добрым дядей. — Я пришел, чтобы забрать тебя домой, Промиз.

— Пошел ты.

Уинстон слегка поднял брови, но, казался непоколебимым. Он бегло оглядел меня. — Я вижу, ты приобрела некоторые новые привычки, проведя здесь время. Знаешь, потребовалось кое-что сделать, чтобы попасть сюда. Все, что у меня было — это слова, написанные на куртках тех членов банды, которые похитили тебя. После того, как мы поняли, где была Рэйчел, эта тупая сука, у всего этого появился смысл.

Я не могла дышать. Я вспомнила свой дискомфорт от присутствия человека, который

был вчера в баре. Он, в конце концов, знал все обо мне. Потому что он был послан, чтобы найти меня.

Улыбка Уинстона была непоколебима. — Твоя сестра вернулась к нам. Ей будут искать нового мужа, который позаботится о ней.

Я поняла его умысел. Но меня снова не введешь в заблуждение. Собственноручно отдать себя заключению и пыткам Долины Иерихон не поможет моей сестра ни на одну проклятую йоту. — Я ненавижу тебя, — сказала я.

Мои слова, казалось, мало повлияли на него. Он осмотрел трейлер Грея с открытым отвращением.

— Скажи, Промиз, — мягко сказал Уинстон Оллрид. — Каково это, трахаться с дьяволом?

Я не дрогнула. — Я могу сказать тебе, как... — сказала я громко, — ...также как и любая из твоих других жен.

Он на мгновение уставился на меня, а затем рванул с ужасающей скоростью. Я дернулась к двери. На этот раз я не сдамся. На этот раз ему придется убить меня.

Просто когда мне удалось броситься к двери, он схватил сзади меня за волосы, дернув назад, и я неуклюже спотыкнулась. Когда я увернулась, я долбанула его по жирному колену. Грей сказал, что это одно из уязвимых мест на теле, и если возможно, нужно пользоваться этой уязвимостью.

Грейсон.

Что он будет делать, когда вернувшись домой, не найдет меня? Или найдет мертвой? Он не перенесет, я это точно знала. Он оступится, жестоко отчаявшись, что может привести его обратно в тюрьму. Он сломается.

Когда Уинстон хмыкнул и схватил спереди за майку, я дернула с большей силой, застав его врасплох, и он потерял почву под ногами. Я отчаянно схватила отколотую тарелку со стола и обрушила ее ему на голову со всей силы.

Удар принес удовлетворение, особенно когда Уинстона застонал от боли, несмотря на то, что тарелка разбилась и порезала мне руки.

Тогда я увидела винтовку. Она была небрежно прислонена к стене, справа от двери. Несколько шагов и она была бы в моих руках. Мои пальцы сомкнулись вокруг оружия, и увидела следы крови от пореза. Я знала, что винтовка заряжена. Я развернулась, но Уинстон уже успел подняться. Он врезался в меня с силой горы, отпихивая меня в дверь. Я почувствовала резкий звук удара чего-то тяжелого о мою голову, дверь поддалась и выпустила нас бороться в грязи. У Уинстона из раны на голове сочилась кровь, но я с ужасом поняла, что этого не достаточно, чтобы остановить его.

Я до сих пор держала винтовку в руках. Но потом вдруг Уинстон тоже схватил её. Его кулак обрушился с тяжестью мне в правую часть головы. Мои колени автоматически подогнулись, и лицо оказалось на несколько дюймов в пыльном песке. Я смотрела на него, тупо гадая, скрыты ли где-то в песчаной серости икринки креветок, ожидающих пробуждения.

А потом я посмотрела вверх и увидела его. Тига. Он стоял, наверное, в двадцати ярдах, глядя на меня с озадаченным выражением лица, пока Уинстон барахтался позади меня, чтобы встать на ноги.

Я посмотрела в глаза этого человека и вспомнила, что он сказал в день, когда я появилась тут, о том, что его дом превращается в приют молодых бедняжек. Я знала, что его

возмущало мое присутствие настолько, насколько его возмущало все остальное. Но я также вспомнила, как Грей тепло хлопнул его по плечу с уверенностью, доверяя. Я вспомнила, что они оба носили куртки Отступников.

Уинстон тяжело задыхался и завозился с винтовкой. Я подумала, что он замыслил выстрелить в меня. Тиг перевел взгляд на моего мучителя, и я увидела, как его глаза с ненавистью сузились. Я не сомневалась. Ни на минуту.

Несмотря на то, что Уинстон наставил винтовку на Тига, так или иначе, он бросился на него. Уинстон поднял винтовку, но не достаточно быстро. Тиг с крихтением вырвал его из рук. Не останавливаясь, он развернулся с винтовкой, взмахнув руками, как у летучей мыши, и ударил ей в толстое лицо Уинстона.

Уинстону немного удалось увернуться, так, что ему попало не со всей силы. Но этого было достаточно, чтобы нанести существенный удар, и он попятился назад, упав.

Тиг посмотрел на меня. — Беги! — Приказал он.

Он нацелил оружие на распластавшегося Уинстона. Я попыталась совладать с ногами, стиснув зубы от головокружения, которое вот-вот наступит. Сначала я не могла понять, что увидела. Тогда я вспомнила слова Уинстона.

— Вы окружены.

Человек, который тихонько подошел, выглядел смутно знакомым. Когда он подошел ближе, я узнала его. Это был старший сын Уинстона, один из немногих молодых людей, выбранных остаться в Долине Иерихон и исполнять свое предназначение. Он держал пистолет и был молодой копией своего злого отца.

Я пыталась предупредить криком Тига, но у него было грязное намерение для врага, находящегося перед ним. Уинстон тяжело дышал, и кровь капала из раны на голове, когда он приставил перед собой винтовку.

Послышался хруст черепа Тига, когда сын Уинстона, Гарольд, вспомнилось мне, быстро двинулся и долбанул пистолетом ему по затылку. Тиг опустился на землю, уронив винтовку и упав лицом в грязь.

Крик отчаяния вырвался из моего горла, когда я попыталась подползти к нему. Но кто-то подхватил меня под руки и грубо поставил на ноги. Я изо всех сил вырывалась на свободу, но крепкие руки схватили меня за подбородок, и я с ужасом увидела яростное лицо епископа Тальбота.

— Грешница, — выплюнул он, прежде чем кинул меня.

Я упала обратно в грязь на руки и колени, песчаная пыль перемешалась с кровью моих порезанных рук.

Епископ Тальбот небрежно посмотрел вниз, на распластанное тело Тига. Я попыталась разглядеть, дышал ли все еще Тиг, но мои волосы падали мне на лицо, закрывая обзор.

Мой дядя хлопнул Гарольда по плечу и указал, что он должен помочь Уинстону, который стонал и пытался вытереть кровь, которая продолжала сочиться с боковой стороны лица. Он посмотрел на свои окровавленные пальцы, и, казалось, был ошарашен.

Епископ Тальбот бросил беспристрастный взгляд на всю эту живописную картину и кивнул головой в сторону кого-то, стоящего позади меня.

— Ты. Забери девку. Мы оставим это зло позади.

Когда ко мне потянулось больше рук, я бросилась с резким взрывом ярости, пинаясь, царапаясь. Неужели Уинстон и мой дядя предположили, что я буду смиренной, они крупно ошиблись.

Епископ Эштон Тальбот послал мне взгляд полный отвращения. — Ты доставила достаточно проблем. Я подумал, что лучше оставить тебя в этом страшном мире, но твой любящий муж считает, что ты можешь искупить грех.

Я медленно поднялась на ноги и направила весь жар моей ярости на дядю. — Ты зло, — кивнула я Уинстону. — Все вы. Вы делаете то, что вы делаете, потому что вы страшные люди. Никакому Богу это не понадобится.

Эштон Тальбот сделал два шага в мою сторону и от души дал мне пощечину. Но я схватила его эластичную руку в бесполезном гневе и попыталась бросить его на землю.

— Я никуда, бл*ть, не пойду с тобой! — Кричала я, чувствуя больше силы каждую секунду, когда слова раздавались в пустыне, и пламенное солнце согревало руки силой.

Человек, который схватил меня по приказу дяди, был сыном Эмори Тайна. Он попятился и посмотрел на каждого из нас с неопределенностью.

Уинстон практически зарычал, когда он покачнулся в мою сторону.

— Развратная сука, — прорычал он. — Такая же, как твоя двоюродная сестра.

Меня это снова и снова шокировало. — Ты, бл*ть, больной, — мой голос усиливался. Когда я откинула голову назад и закричала в небо. — Насильник! — Закричала я. — Женоистязатель!

— Промиз, — шокированное лицо моего отца замаячило передо мной.

— Джон, — прохрипел мой дядя. — Было решено, ты должен был ждать, в грузовике.

Мой отец не сводил глаз с моего лица. — Я думал, так будет лучше.

Он протянул руку ко мне, но я оттолкнула его.

— Как ты мог? — Выдавила я. — Не только я. Но Дженни, — я била в грудь кулаками. Он меня не останавливал. — Дженни! — Закричала я.

Мой отец сделал шаг назад. — Нет, — он покачал головой. — Дженни в порядке. Она вернулась домой и ждет тебя.

— Это не дом, — холодно сказала я ему. — Я не собираюсь, бл*ть, куда-либо с вами ехать.

Я не заметила, как близко Уинстону удалось подобраться. Он схватил меня за запястье и жестоко развернул. — Ты принадлежишь мне, — прошипел он. — И ты поедешь туда, куда я скажу.

Я всадила зубы в его толстую руку, пока он не отпустил меня с визгом.

— Она невменяемая, — сказал мой дядя с удивлением.

На белом лице Уинстона читалась ярость. Он указал на своего сына. — Тащи её туда, — он указал на трейлер. — Мне нужно только десять минут, чтобы убедить эту своенравную девушку, чтобы отступить от пути дьявола.

— Тебе придется убить меня, — просто сказала я, и по выражению кровотокащего лица Уинстона, я поняла, что эта мысль была для него немного привлекательна.

Но Джон Тальбот встал передо мной.

— Нет, — сказал он.

Уинстон усмехнулся ему. — Я буду с ней делать то, что захочу. Она моя жена.

— Она мой ребенок, во-первых, — сказал мой отец тихо. Он кивнул своему брату. — Мы уходим. И Промиз с нами не вернется.

Но Уинстон Оллрид не мог не отомстить. — Стреляй, — приказал он своему сыну.

Мой отец поднял руку. Я не замечала, до этой секунды, что он держал пистолет. Он выстрелил один раз в Уинстона. Сразу же он перенаправил прицел на Гарольда.

— Бросай, — потребовал он.

Гарольд повиновался. Уинстон упал на колени. Его правая рука зажимала красную, размером с монету, дыру в плече.

— Следующий будет не в руку, — тихо сказал отец. — Я гарантирую.

Я услышала щелчок близлежащего дробовика, прежде чем я поняла, кто держал его. Она, наверное, услышала шум и проскользнула за трейлеры, выходя из-за ветвей вооруженной и злой, как богиня фурий.

— Епископ, — сказала она, направляя пистолет на своего отца.

— Рэйчел, — ответил он, сплевывая ее имя как проклятие.

Рэйчел назвала мое имя, не отрывая глаз от ее отца. — Встань за мной.

Мой отец посмотрел на меня, кивнул слегка, и я бросилась к ней.

— Сейчас, — сказала она, глядя на каждого из мужчин по очереди. — Это закончится. Вы уедете, и никогда на х*й не покажитесь здесь снова.

Джон Тальбот опустил оружие. Он устало кивнул. — Да, — согласился он.

Епископ Тальбот бросил последний угрожающий взгляд на свою дочь, а затем чопорно пошел назад к дороге, а затем отец и сын Эмори Тайна.

Уинстон схватился за раненую руку и посмотрел на меня долгим, убийственным взглядом. Я оглянулась. Гарольд попытался позвать его с собой, но Уинстон оттолкнул его.

— Бог видит, — он предупредил меня.

— Я знаю, — ответила я, выпрямляясь.

Рэйчел не говорила ни слова, опустив дробовик, пока они не скрылись из виду. Я сразу подбежала к Тигу, переворачивая его на спину и проверяя его жизненно важные органы.

— Он дышит, — сказала я с облегчением. В самом деле, его пульс был устойчивым, и даже дышал.

— Дерьмо, — сказала Рэйчел, опустив ружьё и положив руку на голову.

Кире как-то удавалось спать, не смотря на крики и выстрелы. Она в шоке открыла глаза от сигналов, которые встретили ее во дворе, когда я позвонила 911.

Медработники загрузили Тига в машину скорой помощи. Одна из них, маленькая испанка, которая казалась немного старше меня, пыталась позаботиться о моих порезах, но я отмахнулась от нее.

Кровотечение остановилось, и раны оказались только поверхностным. Я могла бы сама их очистить.

Она посмотрела подозрительно на отек сбоку головы, где я врезалась в дверь, когда Уинстон швырнул меня. — Надо обследовать. Может быть, сотрясение мозга, — нахмурилась она. — Что здесь произошло?

Я посмотрела ей в глаза. — Я упала.

Она указала пальцем туда, где готовилась уезжать скорая помощь. — И он?

— Он немного сильнее упал.

Она покачала головой и коротко рассмеялась. — Правда.

Рэйчел молчала. Кира обняла её и предложила подвезти нас в больницу, чтобы мы могли побыть там с Тигом. Она уже пыталась позвонить Ориону, но он был все еще в дороге и не отвечал.

— Да, — сказала я, глядя на мою двоюродную сестру. — Дай мне десять минут, чтобы я привела себя в порядок. Рейч? — Мягко сказала я.

Лицо Рэйчел сжалось. Я взяла ее за руки и крепко обняла её. Она отстранилась через

некоторое время, вытирая щеки и улыбаясь мне размытой улыбкой. — Ты крепкая сучка, — в конце концов, сказала она, слегка касаясь отека на моем лице.

— Мы обе, — сказала я ей.

Кира привела меня к зданию, где находился пункт первой помощи. Она помогла мне очистить порезы, извиняясь, пока я вздрагивала.

После того, как раны были забинтованы, я согнула пальцы, сжав их в кулаки.

— Это случилось, — сказала я с удивлением.

Голубые глаза Киры вопросительно посмотрели на меня.

— Они пришли, — объяснила я. — И я все еще здесь, — им так и не удалось. Мои раны заживут, как раньше. И теперь я знаю, на что способна.

Кира обняла меня. — Это конец.

Я обняла ее в ответ, но покачала головой. — Не конец, — прошептала я, думая о Дженни.

Моя майка была измазана грязью и пятнами крови, поэтому я сменила её до того, как сесть на заднее сиденье автомобиля Рэйчел. Кира ждала за рулем.

Рэйчел удалось выцепить Каспера. Она оглядывалась на меня, пока говорила по телефону.

— Она в порядке. Кас, можешь с уверенностью сказать ему, что она в порядке.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. В моей голове пульсировало.

Грейсон.

Я была уверена, он развернулся и сразу же поехал обратно. Я не могла дождаться, чтобы оказаться в его объятиях.

Рэйчел издала дрожащий вдох и шумно выдохнула. Она охрипла и задохнулась от волнения. — Я тоже люблю тебя, детка, — прошептала она в трубку, а затем повесила трубку. — Они уже в пути, — сказала она нам.

У Тига было сотрясение средней степени тяжести, и он был без сознания в течение часа. Доктор Кэлли Лопес встретила нас в больнице и посмотрела в его карту с кривой усмешкой.

— Сукин сын — непрошибаемый, — заметила она.

Кэлли посветила фонариком в мои глаза, проверяя мои зрачки, и задала мне ряд вопросов. Она была удовлетворена тем, что я не пострадала, от чего-то более серьезного, чем удар и какой-то отек. Она осмотрела мои руки и решила, что швов не понадобится.

Ее темные глаза смотрели на меня с легким любопытством. — Так как же выглядит противник? — Кэлли знала, что случилось что-то ужасное, но она не собиралась выпытывать.

— Хуже, — я улыбнулась, думая об огнестрельном ранении Уинстона, и крови на его лице.

Было только начало дня, но ощущение, будто бы неразбериха произошла несколько дней назад. Я захромала назад, в комнату ожидания и мечтала о Грее.

Я была уверена, что он будет гнать как угорелый впереди остальных.

Рэйчел ходила взад-вперед по этажу. Она никак не могла усидеть на месте. У меня сложилось впечатление, что этот день был для нее кульминацией копившегося много лет гнева.

Я так устала. Я сидела рядом с Кирой и прислонившись к ее плечу, закрыла глаза, пытаясь вернуть безмятежные счастливые воспоминания, до того как увидела Уинстона. Кира начала вдруг тыкать меня в бок.

— Промиз!

Грейсон подскочил и схватил меня. Я взволнованно прижалась к нему, ощущение будто бы мы расставались на несколько месяцев, а не на несколько часов.

— Мне жаль, — говорил он, пока целовал меня снова и снова. — Мне очень жаль, ангел. Теперь я здесь, — он встал на колени передо мной, обернув мощные руки вокруг моей талии, и уткнулся лицом в мою грудь. Я провела руками по его широкой спине, и почувствовала его состояние в каждом облегченном вздохе. От него пахло кожей и солнечным светом, и я никогда не чувствовала себя так хорошо, как когда была в его объятиях.

Наконец, он отпустил меня, и повел к ближайшим стульям, притягивая меня к себе на колени и критически осматривая меня. Он коснулся отека на лице, ему пришлось отвернуться, не желая, чтобы я увидела, как его глаза наполнились слезами. Я взяла его руку, и он заметил бинты, пытаясь проглотить слезы, грозящие пролиться.

— Грей, — сказала я, поглаживая его по лицу. — Это нормально. Я в порядке.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. — Расскажи мне, — сказал он.

Я описала все, с того момента, когда я обнаружила Уинстона сидящим за столом, до самого приезда в больницу. Он снова закрыл глаза с болезненным содроганием, когда я рассказывала, как Уинстон приказал сыну убить меня.

Грейсон откинул мои волосы назад и поцеловал меня в лоб. — Черт, я должен был быть там.

Я прижалась плотнее к его груди. — Ты сейчас здесь.

— Но он жив?

— Да. Его травмы, даже пулевое ранение, были не слишком тяжелыми, — меня прошибла мысль. — Как ты думаешь, полиция появится?

Он хрипло и недолго посмеялся. — Вероятности бл* нет. Уе*ку пришлось бы объяснять нападение и покушение на похищение, — он замолчал. — Так твой отец, наконец, поступил правильно по отношению к тебе.

— Да, — сказала я спокойно. У Джона Тальбота, наконец, появилось нечто, напоминающее отцовскую совесть. Я вспомнила, как хладнокровно он сообщил Уинстону, что, если он посмеет двинуться, следующая пуля попадет не в руку. Я не сомневалась, мой отец это и имел в виду.

Я прижалась еще ближе к его груди. — Грей, я люблю тебя. Всем сердцем.

— Я тоже люблю тебя, Промиз, — он взял мое лицо в ладони и медленно поцеловал меня.

— Твою мать! — Орион закричал из холла. — Господи, Грей, ты был словно адская летучая мышь, — несколько сотрудников больницы посмотрели на него, сгорая от любопытства, пока он топал по коридору, словно Халк в кожанке.

Кира болталась у него на руке, и он крепко держал ее. — Не будь с*кой, — ругнулась она. — Это был тяжелый день.

Голубые глаза Ориона остановились на мне. Он нахмурился. — Ты выглядишь дерьмово, девочка. Ты в порядке?

Я кивнула, и Орион указал на Грея.

— Знаешь, с этим ослом не совладать. Из-за тебя он становится одержимым, — Орион помрачнел. — Как он?

Рэйчел появилась, потирая шею. — Сотрясение мозга и швы. Он в сознании, но они еще не позволяют нам увидеть его, — ее лицо озарилось внезапной и потрясающей улыбкой, и когда я увидела, куда она смотрела, я поняла, почему. Каспер обнял её, прижимая, то сильнее, то слабее.

— Детка, — сказала она, крепко обняв его за шею и закрыв глаза.

— Люблю тебя, кексик, — хрипло сказал Каспер.

В конце концов, подтянулись остальные Отступники, пока мы ждали возможности увидеть Тига. Брэндон сочувственно погладил меня по голове, как будто я была раненым котенком, а потом побрел в поисках торгового автомата.

Мэддокс тяжело опустился в кресло напротив нас. Он уперся локтями в колени и

пристально посмотрел на Грея. — Что ты будешь делать? — Спросил он с убийственной серьезностью.

Грей прижал меня ближе. — Мы поговорим об этом позже, — сказал он.

Я поняла, что они недоговаривают. Мэддокс дал Грею понять, что если есть планы покончить с Уинстоном навсегда, он был в игре.

Конечно, Орион настоял на том, чтобы, первым делом, увидеть Тига, который пришел в себя, но в настоящее время оставался на ночь для наблюдения. Он не задержался там надолго и коротко кивнул мне, когда вышел.

— Иди. Он попросил увидеться с тобой.

Грей сжал мое плечо и держал меня за руку, и мы пошли по пустующему коридору к палате, где в настоящее время находился Тиг.

Первое, что я заметила, когда мы зашли в палату, это то, каким маленьким он выглядел, лежа там, на обычной кровати в больничном халате. Лишенный своей кожанки и своей жесткой позы, он казался уязвимым.

Вторая вещь, которую я заметила, был пронизательный блеск его темных глаз, когда он наблюдал за нами. Тиг не хотел жалости. Её и не будет.

Он подождал, пока мы подошли к нему, а затем заговорил непосредственно со мной.

— Я должен был суметь убить его, бл*.

— Это был удар сраного труса, — сказал Грей.

— Да, — согласился Тиг и коснулся своей головы там, где она была перевязана.

Осторожно я взяла его корявую и обветренную руку. — Спасибо, — сказала я тихо.

Я почти уверен, что он отмахнется от меня и скажет что-то умное, но он просто отвернулся и сказал: — Отвези ее домой, Грей.

Перед тем, как Грейсон увел меня, я наклонилась и поцеловала его в щеку. Кроме подозрительного блеска в глазах, Тиг внешне никак не отреагировал.

Грей крепко держал меня, и я была благодарна его поддержке. Теперь, когда с Тигом было выяснено, и персонал больницы разглядывал относительно пеструю коллекцию байкеров с усиленным подозрением, мы начали рассасываться. Я решила ехать домой с Греем, на его мотоцикле.

Я забыла о том, что дверь в «Воздушный паром» была сорвана с петель в борьбе с Уинстоном.

Грейсон тихо присвистнул, когда посмотрел на нее и заглянул внутрь трейлера, чтобы увидеть общий беспорядок, результат моего сопротивления. С помощью Мэда, он сумел закрепить дверь на петлях, которые починил. Я тихо сидела за столом и слушала, как бормотали двое мужчин.

Грей кинул на меня взволнованный взгляд, когда вернулся внутрь. Было очень жарко. Он снял рубашку и схватил полотенце из ванной, прежде чем сесть напротив меня и взять меня за руку.

— Ты голодна? — Спросил он.

Я покачала головой. — Я перехватила из торгового автомата.

— Ты хочешь поговорить, детка?

— Нет, — я посмотрел на него многозначительно. — Я хочу забыть. Сейчас.

Он понял. Грейсон взял меня на руки и отнес к кровати. Мои пальцы бродили по его мощным мышцам, наслаждаясь твердой силой, под моими перевязанными руками. Он сунул руку под майку и нежно прикоснулся ко мне. Внезапно я не смогла достаточно быстро

раздеться. Я хотела скинуть пекло чертовского дня и потеряться в Грее.

— Я люблю тебя, — сказал он с волнением, пока опускал мои трусики.

— Быстрее, — ответила я, потянувшись за ремнем. — Быстрее.

Я юркнула под него, пытаясь убедить его вместе со мной поддаться этому безумию. Я направила его в себя, желая, чтобы он дал мне себя. Я сказала ему об этом, и он ответил улыбкой и глубоким толчком, который я поприветствовала. Мы двигались вместе в правильном темпе, Грей был и нежным и требовательным одновременно. Пока я позволила удовольствию пройти сквозь меня и поглотить меня полностью, это заставило меня восхититься совершенством этого важного природного акта. Я вошла во взрослую жизнь без какого-либо понятия о силе физических прикосновений. Они дарили наслаждение. Они были великолепны. А в дополнении с историей любви, это было всем.

— Я люблю тебя, Грейсон, — сказала я ему. — Я люблю тебя, я люблю тебя.

На следующее утро, я проснулась раньше Грея. Я аккуратно выползла из-под него, целуя его ненадолго нахмурившееся спящее лицо, когда он почувствовал, что я выскользнула из его объятий.

— Спи, малыш, — прошептала я ему на ухо, касаясь его лица с любовью, прежде чем присмотрела что надеть. Он большую часть ночи, то расхаживал, то беспокойно сидел за столом, рассеянно перебирая пальцами близлежащие предметы. Я знала, что иногда он оставался один и сердито смотрел в темноту.

Я волновалась. Вчера я вспомнила его короткий разговор с Мэддоксом в больнице. Когда я попыталась обсудить это с Грейсоном, он шикнул на меня и поцеловал в лоб.

Кофе был еще обжигающим и горячим, но все равно я потягивала его, наслаждаясь, как он бодрил, спускаясь по горлу. Я хотела, чтобы Уинстон умер. Нет большего удовлетворения, чем знать, что он никогда не сделает вдох. Грей предупреждал меня о силе гнева и ненависти. И прошлой ночью, когда я открыла глаза в поисках его, я видела, как он забывал свои слова.

Да, я хотела, чтобы Уинстон сдох. Или, если не сдох, то, по крайней мере, дошел до того состояния, в котором не смог бы иметь никакого контроля над другими людьми.

Нет, я бы никогда не пожертвовала Грейсоном для достижения этой цели. Не его свободой, конечно, и тем более не его жизнью. Если Грейсон и Отступники нападут на Долину Иерихон, то они столкнутся не с пригоршней сопротивленцев. Они столкнутся с небольшой армией.

Должен быть другой способ.

Я сжала ладони, поигрывая с бинтами на порезах. Свет снаружи был слабый, так как было рано.

Стук пустельги эхом проходил сквозь тонкие стены трейлера. (*Прим. Kestrel — Пустельга — птица из семейства соколиных*).

Чувствуя себя маленькой непоседой, я скользнула в туфли и решила прогуляться. Я не собиралась позволять вчерашним событиям навсегда принести разлад в мое душевное спокойствие. Я оставила записку Грейсону и почти машинально схватила винтовку у двери.

Когда я остановилась и прислушалась к звуку дыхания Грея, я заметила листок бумаги на столе у раковины. Я смотрела на него десятки раз за последние несколько недель, и до сих пор не знала, как использовать имеющуюся информацию. Это была страница ФОРУМА которую распечатал Орион. Я аккуратно сложила его и положила в карман своих шорт.

Снаружи было хорошо. Утренний воздух был еще свеж, и я глубоко вдохнула. Я слышала шуршание мелких животных, тревожно копошащихся, пока я находилась слишком близко к их уютным норкам.

Шорох моих шагов по выжженной земле был поразительно громким, пока я шла мимо тихих трейлеров. Какое-то движение привлекло мое внимание, и я поняла, что гараж рядом с домом открыт. Внутри был Орион, без рубашки, и он хмурился, глядя на свой байк.

Орион увидел, что я приближаюсь, но не стал прекращать, не стал вежливо улыбаться или делать что-то, что было принято. Вообще-то, Орион был далек от обычного человека. Именно по этой причине я должна была поговорить с ним.

— Кира еще не поднялась, — сказал он раздраженно вместо приветствия, когда пытался

открыть болт на переднем колесе.

— На самом деле, могла бы я поговорить с тобой?

— Бл*ть! — Выругался Орион, когда ключ сорвался. Он по-прежнему не смотрел на меня. — Ты говоришь со мной.

Я сглотнула и взяла листок бумаги из кармана. Пока я с осторожностью разворачивала его,

Орион, наконец, поднял голову и, не спрашивая, выхватил его у меня. Он кратко пробежал по нему глазами, а затем уставился на меня, ожидая, что я скажу.

— Что мне делать? — Спросила я лидера «МК Отступники».

Орион указал на бумагу, оставляя черное пятно смазки. — Выяснить, кто, бл*, это.

— Правоверный кооператив? Я думаю...

— Нет! — Сказал он с раздражением, толкая бумагу под нос. — Этот ублюдок, этот парень, который называет себя «прежде верующий» и, кажется, он, все это дерьмо выяснил.

Я выхватила лист и уставилась на него, размышляя. Орион был прав. Кто бы это ни был у него есть инсайдерская информация и, казалось, он готов раскрыть её. Дата поста всего два месяца назад. — Я могла бы вернуться на страницу и посмотреть, может, есть какая-либо контактная информация этого пользователя.

Орион уже вернулся к своему мотоциклу. — Так почему, черт возьми, ты все еще стоишь здесь? Эй, — окликнул он, когда я начала уходить. — Ты можешь использовать ноутбук Киры. Последний раз, когда я его видел, он валялся на комод. Не беспокойся о том, чтобы ходить на цыпочках там. Ничто не разбудит эту девушку пока она до конца, бл*ть, не готова проснуться.

— Спасибо, — пробормотала я, направляясь в дом Ориона, полился следующий явный поток ругательств, направленных на его инструменты.

Кира выглядела нежным ангелочком, пока слегка посапывала в клубке постельного белья, ее рука, защитным жестом, обнимала все еще плоский живот. Я слегка коснулась ее волос, улыбаясь этому милому образу моей подруги, и она печально вздохнула во сне.

После того, как на кухонном столе открыла ноутбук, я быстро нашла страницу оригинала беседы на форуме. Я нажала на имя пользователя «прежде верующий» и с облегчением нашла адрес электронной почты Yahoo. Я создала себе новый почтовый ящик, назвала его "AlsoFormerlyFaithful" (*Прим. «ТакжеПреждеВерующая»*) и напечатала сообщение.

После того как нажала на кнопку 'Отправить', я на мгновение замерла, глядя на экран компьютера и думая о людях, о самом месте. В строке поиска я набрал «Долина Иерихон» и нажала на значок «картинки».

Эмоции нахлынули на меня, пока я просматривала фотографии места, которое я знала, как свои пять пальцев. Издали оно выглядело так по-деревенски и мило. И, признаю, иногда так и было.

Внешний наблюдатель мог видеть только причудливо одетых женщин и детей в красивой и спокойной обстановке. Никакого глубокого безобразия не было видно.

В доме было по-прежнему тихо. Орион, по-видимому, все еще возился с мотоциклом в гараже и Кира еще крепко спала. Я посмотрела в холодильник и была рада обнаружить, что они хорошо запаслись. После основательного осмотра кладовой я поняла, по всей видимости, было достаточно ингредиентов, чтобы придумать версию яблочного пирога моей матери. Я приступила к работе и обнаружила, что активная работа помогла очистить мой

разум.

К тому времени, как Кира сонно забрела на кухню, торт был в духовке и мои руки были в пене, пока я мыла миску.

— Прости, — сказала я, вытирая руки, и указала на её ноутбук, все еще лежащий на столе. — Орион сказал, что можно взять, и я не хотела тебя будить.

Она зевнула. — Конечно. Что ты делаешь?

— Яблочный пирог. Он будет готов Примерно через 40 минут. Кира, ты в порядке?

Она вдруг поморщилась, позеленела, а затем рванула к раковине, её вытошнило. Я держала ее длинные взлохмаченные светлые волосы, пока она стонала, опускаясь на пол.

— Это нормально, — сказала я ей, улыбаясь и смешивая кое-что в стакане.

— Нормально? — Она посмотрела на меня.

— Это означает, что твой организм готовится стать домом для плода. Вот, выпей это.

— Что это?

— Зародыши пшеницы и молоко. Да, я знаю, что вкус отвратительный, но это поможет.

Она неохотно проглотила и поморщилась. — Промиз? Можешь ли ты представить себе ребенка в этом месте? С этими ребятами?

Я присела рядом. — Почему нет?

Она с хрустом пожала плечами, и я поняла, что вопрос лежал значительным грузом у нее в мыслях.

— Эй, — я пихнула её в плечо. — Ты же сама выросла так. И ты чертовски фантастическая.

Она вытерла слезу. — Да, — она медленно улыбнулась. — Я чертовски фантастическая. Вот дерьмо, почему, черт возьми, я плачу?

— Гормоны, милая, — я поднесла ей кухонное полотенце, и она вытерла глаза.

В дверях мелькнула тень, и я увидела Ориона, снова молча подслушивающего. Его взгляд был нежным, таким нежным только тогда, когда он смотрел на Киру. Он смотрел на нее, когда она вытирала глаза. Затем он перевел взгляд на меня и медленно кивнул мне с признательностью перед тем, как тихо удалился.

Кира потянулась к креслу и покосилась на свой ноутбук.

— Ты на что-то подписалась? Ты получила e-мэйл.

Я обернулась и нажала на него дрожащими пальцами. Возможно, это было не то. Возможно, это был спам.

— Привет Промиз. Меня зовут Элис Картер, но я родилась как Элис Бастиан. Моя мать, Марта, была шестой женой Стюарта Бастиана, двоюродного брата Иосии. Мы сбежали из мира верующих, двадцать лет назад, когда моя мать обнаружила ужасающие планы Иосии жениться на моей пятнадцатилетней сестре.

Мы нашли убежище в Фениксе. Нам повезло. Я сейчас корреспондент Arizona Times и в течение многих лет публично разоблачаю порочный мир правозащитников. До тех пор, пока существует правозащитный кооператив, при поддержке огромной денежной ямы и властей, ужасы, с которыми я уверена, ты хорошо знакома, останутся. Я хотела бы встретиться с тобой, Промиз. Позвони мне. Пожалуйста.

Кира стояла за моим плечом, она быстрее прочитала сообщение, и я почувствовала ее взгляд на себе, пока я заканчивала переваривать слова. Номер телефона с кодом города 480, кодом Феникса.

— Сделай это, — сказала она, подойдя к стойке и схватив телефон Ориона. Она видела

мои колебания. — Не думай об этом. Просто сделай.

Но я уже набирала номер.

Ответил женский голос. — Это Элис Картер.

— Привет Элис. Это Промиз Тальбот.

Элис была очень разговорчива. На самом деле, она была очень болтлива. Я думаю это из-за работы на «горячей линии», но я была немного озадачена, когда она сообщила мне, что она берет машину немедленно и едет напрямиком в Куартзсайт.

Я задумалась, не до конца уверенная, как мужчины воспримут дерзкую городскую репортершу. Кира увидела мою нерешительность и отмахнулась.

— Да пошли они, — с улыбкой сказала она одними губами.

После того как я сказал ей, что она может найти меня в Баре «На дне реки» почти на окраине города, она сказала, что будет в течение двух часов.

Пока я отдавала трубку Кире, я услышала, что Грейсон ворвался через переднюю дверь, отчаянно зовя меня.

— Черт возьми, — сказал он, раздраженно хватая меня в объятия, — я чертовски волновался.

— Я оставила тебе записку, — сказала я ему.

Он от волнения скрестил руки на груди. — Да, записку. Слышь, я не собираюсь быть в восторге, позволяя тебе прогуливаться, на хрен, ненадолго.

— Позволять мне? — Пискнула я, по-настоящему разозлившись на него.

— О, парень, — пятясь, пробормотала Кира.

— Ты не можешь указывать мне, что делать и когда дышать, Грейсон.

Его темные глаза сузились в ярости. Я скрестила свои руки и глазами метала в него молнии.

Вдруг он вздохнул и посмотрел исподлобья. Я подошла к нему и обняла, целуя его в грудь. Я знала, что Грей любит меня. Я знала, что он ужасно волновался за меня вчера и страх не испарился. Но он тоже должен был понять, что я не собираюсь быть в плену ужаса того, что может случиться, и кто может скрываться за углом. Это не жизнь.

— Грей, — начала говорить я, но он сгреб меня в охапку и погладил по волосам.

— Нет, — сказал он. — Я мудака.

— Ты мудака, — согласился Орион, который вступил в партию без предварительного уведомления. — Притащился в мой дом со своим болтающимся членом.

Грей нахмурился, глядя вниз. — Мой член не болтающийся, черт возьми, — но он надел штаны в спешке. И забыл закрыть ширинку. Кира многозначительно посмотрела вниз и подняла брови на меня с улыбкой.

— Эй, — Орион щелкнул пальцами перед Кирой. — Куда, бл*, ты смотришь?

— Никуда, — невинно сказала она, все еще заинтересованно глядя на ширинку Грея.

Орион закатил глаза. — Женщины, — ругнулся он.

Элис Картер была человеком слова. Час и сорок пять минут спустя, я сидела за столиком «На дне реки», нервно поглядывая на часы над баром, когда услышала, что громкий гул двигателя, вздрогнув, затих по другую сторону двери.

— Это на хрен, что? — Спросил Грей, проследовав к двери и выглядывая. Я подкралась к нему сзади и посмотрела через плечо.

Древний пикап, кое-где неуклюже окрашенный в бирюзовый, стоял в облаке пыли, позади ряда мотоциклов. Грей издал свист, когда водитель выпрыгнула из него.

Ее светлые волосы рассыпались по плечам в беспорядке, и она была почти неприлично чувственной, факт, который она не стала скрывать короткой юбкой цвета хаки и облегающей блузкой.

Она сразу увидела нас, и поспешно хлопнула отчаянно скрипучей дверью грузовика. — Ты Промиз, — рассмеялась она, зажав ноутбук подмышкой и протянув руку. Она не стала ждать от меня ответа, зашла в тусклый бар и быстро Примостила ноутбук на столе. В ней была какая-то резкость. Когда она уселась на стул и осмотрелась с пронизательностью, я поняла, что она мысленно впитывает всех и вся.

Рэйчел и Грейсон решили немного отступить назад, когда Элис скрестила длинные ноги и испытующе посмотрела на меня. — Итак, — сказала она, — как насчет того, чтобы рассказать мне немного о себе, Промиз?

Я встретилась с ней взглядом. — Ты собираешься об этом написать статью?

— Нет, — задумчиво сказала она. — Твоя ситуация печальна и увлекательна. Предмет человеческого интереса. Нормальные люди будут возмущены, как всегда, над деспотичным обращением с женщинами, злоупотреблением властью, бла-бла-бла. — она махнула рукой и откровенно посмотрела на меня. — Но этого будет не достаточно, — она вдруг наклонилась и провела прохладным пальцем по моей щеке. — Кстати, кто это с тобой сделал?

Я прикрылась рукой. — Они.

Она подняла брови. — Они были здесь?

— Да, — пока я пересказывала ужасные события предыдущего дня, лицо Элис в симпатии смягчилось. Потом она рассердилась.

— Они считают, что они никому не обязаны, — пробормотала она скорее себе, чем мне. — Они думают, что они могут делать все, что, бл*ть, хотят, без последствий.

Я задумалась об этом. — Это потому, что никогда не было никаких последствий. Конечно, правительство однажды налетело и сделало хорошее шоу для камер, но это никогда не имело большого значения.

Элис одобрительно кивнула. — Ты злишься. Это хорошо. Только не погрязни в этом.

Я взглянула на Грея, который стоял рядом с Рэйчел и спокойно слушал. Я протянула руку, и он шагнул вперед и взял её. — Кое-кто однажды мне так и сказал, — прошептала я.

— Есть ли кто-то, кто не безразличен тебе в Долине Иерихон?

Конечно, моя первая мысль была о Дженни. Затем я подумала о матери также. Я немного думала о ней, так как в последний раз видела ее в день моей свадьбы. Она никогда не была сильной женщиной. Память о её добром лице, пока она тысячу раз укладывала меня в постель и пела мне колыбельные о милых детках, которые засыпают, кое-как смягчили мое сердце. Я вдруг вспомнила огромную череду людей, которых оставила там. Сестры, братья,

кузены.

— Да, — я вздохнула, Грейсон приблизился и положил руки на мои плечи. — Там много людей, которых я люблю.

Элис бросала на меня колкие взгляды, пока она стучала пальцами по столу. Я заметила, что ее ногти обкусаны. — Промиз, — сказала она осторожно. — С этим покончено.

— С чем?

Элис облизала губы. — С ними, — она похлопала по чехлу ноутбука. — Я работаю над разоблачением правого кооператива в течение многих лет. И мой босс согласен, что мы имеем, наконец, достаточно средств нападения, чтобы выставить на первую полосу. Господи, там много людей, которые будут по уши в дерьме из-за этого. Не тех, что засадишь в клетки, хотя федералы могут заинтересоваться некоторыми, которые обманым путем стали госслужащими. А все-таки тех, которые губят людей. Общество всколыхнется, когда дело дойдет до бизнеса тайных партнеров с теми, кто насилует маленьких девочек.

Она, должно быть, увидела что-то в моем лице.

— Что случилось?

— Моя сестра. Ее зовут Дженни. Они выдали ее замуж за Иосию Бастиана незадолго до его смерти. Она сейчас вернулась в Долину Иерихон, но это ненадолго, до того как они отдадут её кому-то еще. Элис, когда все это выйдет наружу, этого будет достаточно, чтобы помочь ей?

Она медленно покачала головой, сокрушаясь. — Не так скоро, — сказала она. — Это нанесет значительный ущерб финансам церкви, и серьезное наблюдение может устранить некоторых лидеров, но это даст больше, чем помощь девочкам таким, как Дженни, — она прикусила губу и взглянула мне в глаза. — Кто-то пойдет на сделку и даст государству возможность облавы на проклятое место, и все увидят, наконец, что там происходит.

— Облава? — Спросила я с некоторой тревогой. Я услышала, резкий вдох Рэйчел в нескольких метрах от меня и посмотрела на нее. Ее карие глаза были широко открыты, и она вцепилась в спинку стула. С юных лет верующих детей учили бояться законодательства внешнего мира. Страх прививался с юных лет, о том, как законы будут Применяться. Это случалось раньше, как они рассказывали. Это могло произойти снова. Большинство людей из Долины Иерихон были невиновны. Они не заслуживали того, чтобы страдать. Но это было то время, чтобы покончить с этим порочным кругом.

— Что? — Спросила я и Элис снова подняла брови. — Что мы можем сделать для того, чтобы этого не случилось?

Она улыбнулась. — Я надеялась, что ты это расскажешь.

Элис вынула свой ноутбук из чехла и повернула его ко мне. — Как думаешь, сможешь говорить в камеру? Рассказать свою историю? Поведать миру о своей сестре и таких девушках, как она? — Она увидела мой страх и поспешила успокоить. — Я скрою твоё лицо. Это будет обнародовано, но ты будешь неузнаваема.

После уверенного пожатия Грея, я согласилась. Это было не так страшно, как я думала. Сначала мои слова звучали с запинками, но крепи, пока я говорила. Я вспомнила групповую терапию, где я впервые рассказала это вслух. Я думала обо всех оскорбленных женщинах и девочках, со своими историями и меня это обнадежило. Может быть, мои слова заставили бы их почувствовать себя менее одинокими.

Мне удалось рассказать все это без слез, но, когда Элис выключила камеру и закрыла ноутбук, слеза скатилась по моей щеке. Грейсон встал передо мной на колени, осторожно

взял мое лицо в свои руки и поцеловал меня.

— Я люблю тебя, ангел.

— Ох, я люблю тебя! — Я сжалась в его объятиях и крепко зажмурилась, вдыхая его запах и желая, чтобы мы были одни во всем мире.

Рэйчел улыбнулась мне. — Крепкая сучка, — сказала она тихо.

Дверь в бар открылась, и через неё ввалились Брэндон и Мэддокс в урагане брани и разгоряченной кожи. Мэддокс первый заметил Элис и его глаза загорелись интересом.

— Ну, привет, маленькая леди, — сказал он протяжно, провел рукой по своим темным волосам и нацепил наиболее подходящую улыбку мальчиша-плохиша.

Брэндон был ближе к цели. — Черт, ты чертовски горячая, — сказал он, нависая над ней и косясь на её значительный вырез.

Элис, казалось, равнодушна к их непристойному вниманию, любезно принимая ухаживания и придерживая их на значительном расстоянии. Я уверена, она привыкла к таким высказываниям мужчин.

Мэддокс решил, что он одержал верх, поскольку для него было в порядке вещей, когда им интересовались женщины. Он чрезмерно льстил ей, а затем захотел узнать, присоединится ли она к нему выпить в баре.

— Почему бы и нет? — Элис пожалала плечами. — Я довольно долго была в депрессии с тех пор, как рассталась с подружкой.

До Брэндона долго доходило, а лицо Мэддокса было таким, что вдруг напомнило ребенка, у которого выхватили из рук конфету.

Рэйчел засмеялась и налила Элис из-под крана пиво. Брэндон поворчал и побрел прочь, но Мэддокс почувствовал себя в ловушке. Он неохотно обосновался на табурете и сердито смотрел на своё пиво.

Элис после этого долго не задержалась, собрала свои вещи, и обняла меня, когда я подошла к грузовику. После того как мы вышли из здания, она указала на Мэддокса, который все еще хмурился.

— Может быть, в другой раз, — подмигнула Элис. — Он горячий.

Я недоумевала. — Но я думал, что ты сказала...

— Да, я знаю, что сказала. И это правда. Но он ошибся, предположив, что я играю за его команду, — должно быть, я все еще выглядела довольно непонимающей. Элис наклонилась заговорщицки прошептал. — Я бисексуалка.

Я смотрела на нее в течение секунды, а затем начала хихикать. Я указала на бар. — Сказать ему, что есть надежда?

Элис медленно улыбнулась. — Надежда есть всегда.

Она распахнула скрипучую дверцу в кабину грузовика и забралась мгновенно внутрь. Прежде, чем она завела двигатель, она наклонилась и взяла мою руку. — Ты знаешь, — сказала она. — Мне повезло встретить много различных типов людей при моей работе. И, Промиз, плоха не сама религия. Я даже знаю несколько любящих семей, которые практикуют полигамию, и они неплохие. Это люди, которые господствуют над Верующими, они плохие. Помни об этом. Я рада, что встретила с тобой сегодня. Будем на связи, — окликнула она перед тем, как повернула ключ и позволила древним внутренностям грузовика застонать.

— Пока, — прошептала я.

Когда я бросила на неё последний взгляд, я почувствовала, что Грейсон обнял меня,

словно вовлекая в защитный кокон. Я наслаждалась ощущением мощи его тела, затем повернулась и поцеловала.

— Эй, — мягко сказал он. — Я, наверное, не достаточно этого говорил, ты удивительная, — я наклонила голову, глядя на него. — Ты мне тоже нравишься.

Он сделал вид, что обиделся. — Я тебе нравлюсь?

— Да. Я могла бы даже задержаться у тебя.

Он начал целовать меня, и я почувствовала, как он возбуждается. — Как долго ты будешь задерживаться у меня?

Я нажала на него. — Настолько, чтобы позаботиться пару раз.

Грей потерял бедра. — Это я переживу, — грубо сказал он.

— Хорошо, для начала накорми меня. Ты же не думаешь, что легко отделался?

— Могу ли я купить тебя за гамбургер?

— Я бы стала твоей и за меньшее.

Грейсон со стоном притянул меня, чтобы я могла почувствовать всю его длину. — Ты нужна мне сейчас, — попросил он.

— Позже, — пообещала я. — Сейчас мы должны поесть и забрать Тига домой.

— Подразнила, бл*, — он с сожалением покачал головой.

Мы позаимствовали машину Рэйчел, и Грейсон предложил мне ключи. Это было впервые, когда я водила. Это хорошее чувство, управлять машиной, ехать туда, куда необходимо. Это была свобода. Грей нежно держал руку на бедре, когда мы остановились на обед, а затем отправились в больницу.

Тиг был неприветливый как никогда. Он пробормотал несколько всяких высказываний "еб*ной дыре" и плюнул на этаже медсестринского пункта. Я попыталась приносить каждому извинения, пока мы спешно выводили его оттуда.

К тому времени, как мы доставили Тига домой, и расположили в его трейлере, наступил вечер. Когда мы сидели за столом в баре, слушая, как Брэндон жаловался об уходе за бородой в сильную жару, Грей потерял мою руку и наклонился, чтобы тихонько сказать.

— Эй, — сказал он. — Хочешь выбраться отсюда сегодня вечером?

— Мы не обязаны болтаться в баре весь вечер, — я провела рукой по его бедру. — Мы можем вернуться домой в любое время.

— Дома всегда хорошо, — согласился он, притягивая меня к себе на колени и уткнувшись носом мою шею. — Просто думал, что ты могла бы временно сменить пейзаж. У Каса есть гребанная хибарка в дебрях, за пределами Прескотта.

— Откуда у Каспер хибара в лесу?

— Выиграл, — откликнулся Каспер из другого конца комнаты. — Была везучая рука в игре, нажал несколько гребанных кнопок в Скоттсдейл. Пригодится сейчас и потом, — он посмотрел на меня. — Съезди туда. Скройся от этой адской жары на день.

Грей улыбнулся мне и сунул руку под юбку, между ног. Не достаточно, чтобы было всем заметно, но достаточно, чтобы возбудить меня.

— Пойдем, — прошептала я.

Двадцать минут спустя мы были в дороге после того, как поспешно упаковали некоторые вещи. Теперь, когда мы были в пути, я была полна энтузиазма. Я специально оставила волосы распущенными, их раздувал горячий ветер, словно огненные волны, когда я плотно прижималась к человеку, которого любила.

Грей не шутил, когда он назвал хибару «куском дерьма». Она выглядела скорее как

первобытная реликвия, которая канула в забвение со времен, когда была покрыта вагонкой. Тем не менее, каким-то чудом, внутри было достаточно чисто и хорошо, укомплектовано консервами, одеялами и всем остальным, что мы не смогли взять с собой в мотоцикл Грея.

Было уже темно, так темно, что это можно оценить лишь подальше от городских огней. Я вышла на улицу и посмотрела на буйство пейзажа в ночном небе. Грей стоял позади меня.

— Я скучала по этому, — сказала я с удивлением.

— По небу?

— Да. Когда я жила в Солт-Лейк-Сити оно никогда не было таким же черным.

Руки Грея спустились на талию. — Мне тоже никогда не доставало такой ночи в тюрьме, — он подпихнул меня. — Знаешь их?

— Кого?

— Персея, Андромеду, Большую Медведицу.

— О, звезды.

— Созвездия, — поправил он меня и начал терпеливо показывать те, что он знал.

Я повернулась к нему, целуя его в скулу. — Я люблю, когда ты умничаешь.

Он засунул руку под мою рубашку. — Что еще ты любишь?

Я затаила дыхание. — Я люблю, когда ты меня раздеваешь, — он взял меня за руки и снял рубашку. — И когда ты дразнишь мою грудь своим языком, — я положила руку ему на шею, когда он наклонился к моей груди. — Да, вот так. Грей, я люблю, когда ты не стесняешься показывать мне, какой ты возбужденный. Люблю, как ты вздрагиваешь, когда я беру тебя в руку и чувствую тебя, — я встала на колени, он посмотрел на меня. — Люблю, когда становлюсь на колени перед тобой, я должна перестать говорить, потому что твой член в моем рту.

Когда его стальная плоть двигалась между моих губ, его стон эхом разнесся по лесу. Он попытался отпихнуть меня обратно, но я упрямо держала его во рту, желая, чтобы он кончил так.

— И люблю, когда я заставляю тебя кончать, — сказала я наконец после того как он освободился.

— Ну, ты чертовски хороша в этом, — сказал он, и я могла услышать, как он улыбается. Он потянулся ко мне. — А теперь позвольте мне сделать кое-что для тебя.

Я поблагодарила. — И это тоже я люблю.

Позже, когда мы лежали голые вместе, на затхлом матрасе в лачуге, я уперлась подбородком в его грудь.

— Это моя любимая часть, я думаю, — сонно сказала я, рассматривая созвездия, лежа на его груди. Это не просто секс — это тихое наслаждение обществом друг друга, состояние комфорта, находясь в объятиях кого-то, кто любит вас.

Он подтянул меня ближе. — Я не думаю, есть и другие части, не менее веселые, — он играл с моими волосами, его голос понизился. — Но да, я понял, что ты имеешь в виду, — он взял мою руку и поцеловал ее. — Ты хочешь кольцо?

— Кольцо? — Нахмурилась я.

— Да, знаешь ли, кольцо. Девушки любят всякую блестящую фигню.

— Нет, — сказала я тихо, концентрируясь на стуке его сердца. — Я просто хочу тебя, Грейсон.

— Ну, ангел, я уже у тебя есть. Всегда был.

Я заснула в счастливом мире, зная, что его слова были абсолютной правдой.

Грейсон не хотел, чтобы настало утро, так же как и я. Мы оставались в прохладном зеленом лесу, пока не настал полдень. Тогда мы забрались на его мотоцикл и поехали обратно в Куартзсайт.

— Что случилось? — Спросила я, когда Грей остановил мотоцикл, в нескольких сотнях ярдов от бара «На дне реки».

Он показал. — Знаешь кто этот парень? Тот, который разговаривает с Рэйчел?

Я косо взглянула и заметила высокого незнакомого блондина. Он стоял спиной к нам, но его знакомая поза и то, как моя двоюродная сестра улыбалась ему, что-то напоминало.

— Даниэль, — выдохнула я.

Грейсон повернулся и посмотрел на меня.

— Мой брат, — объяснила я. — Сводный брат, на самом деле. Я не видела его около восьми лет. Его изгнали из-за драки с дядей. И за то, что мужчина.

Рейчел заметила нас. Она вся сияла и помахала нам. Грей подкатил туда, где они ждали.

— Промиз, — поперхнулся мой брат, зажимая меня в эмоциональном порыве.

Я была не в состоянии удержать счастливых эмоций. — Я искала тебя, — рыдала я. — Я искала тебя в Интернете, но я никак не могла найти.

— Я поменял имя, — скривившись, сказал он. — Сейчас я Даниэль Смит.

— Смит? — Улыбнулась я, вытирая слезы.

— Анонимность, — ответил он. Его лицо вытянулось и погрузнело. — Я увидел твоё видео, Промиз. О, твоё лицо было размыто, но, конечно, я узнал свою сестру. Мне удалось войти в контакт с женщиной, которая разместила его.

— Да, Элис, — сказала я. — Ты посмотрел его? Сколько людей посмотрели его?

Рэйчел взяла меня за руку. — Оно было везде, дорогая. По национальным новостям.

Я была поражена. — Боже мой, — сказала я тихо.

Даниэль повернулся и обратился к невысокой темноволосой женщине с его стороны. Я не замечала ее раньше. На руках сидела красивая девчушка. — Промиз, я бы хотел познакомить тебя с моей женой. Лупэ. И нашей дочкой, Беллой. Лупэ, это моя младшая сестра, — голос Дэниела осип от эмоций, и Лупэ нежно коснулась его руки, поворачиваясь ко мне.

— Я так счастлива, познакомиться с тобой, — сказала она с небольшим акцентом, когда обнимала и целовала меня в щеку. Прежде, чем она отошла, я протянула руку и коснулась головы моей маленькой племянницы. Девочка была прелестна. У неё будет счастливая жизнь. Её никогда не бросят. Её вырастят любящие родители, которые всегда расскажут ей, чего она достойна.

Грей оставался в нескольких футах позади, тихо наблюдая, но я настойчиво притянула его к себе.

— Даниэль, — сказала я, — это Грейсон. Моя любовь.

В свете того, что я рассказывала ему об уродливой предвзятости правоверных, Грей, казалось, довольно настороженно воспринимал моего брата. Но Даниэль тепло улыбнулся, с энтузиазмом пожимая ему руку. Лупэ, казалось, поняла, что происходит в голове Грея, и властно взяла под руку Даниэла, ее темные глаза посмотрели на Грея, как бы говоря: «Видишь? Здесь нет никакого яда, оставшегося от общины правоверных».

Грей успокоился и обнял меня за плечи.

Мой брат и его семья жили недалеко от Сан-Диего. Я была вне себя от радости, узнав, что мой брат Гидеон жил в Портленде, и что он навестит меня. От моего третьего отлученного брата, Томаса не было вестей. Он, казалось, исчез с того момента, как вышел в сторону шоссе в направлении Феникса.

Даниэль и Лупэ остались на несколько замечательно проведенных часов. Я держала крошечную племянницу и вдыхала её аромат. Грей казался смущенным при виде меня с ребенком на руках.

Наконец Даниэль сказал, что они должны отправляться в путь. Они импульсивно махнули с побережья, как только он поговорил с Элис и выяснил, где я нахожусь.

— Мы скоро увидимся, — серьезно сказала Лупэ, когда мы обменялись еще одним объятием.

Даниэль пристегнул ребенка, в микроавтобусе и повернулся ко мне со вздохом. — Мне очень жаль, — сказал он. Его зеленые глаза были такого же цвета, как и у меня. И они были полны печали. Даниэль всегда был чувствительным. В нем всегда было острое чувство правильного и неправильного, он никогда бы не смог смириться с тем, чему учила церковь. — Хотел бы я быть в состоянии остановить их тогда. Хотел бы быть в состоянии остановить их сейчас.

— Я знаю, — сказала я тихо. Я вспомнила, что сказала мне Рэйчел, когда я кричала от ярости одной темной ночью. — Впереди у нас много долгих лет, Дэниель. Мы не можем тратить их на то, чтобы мучить себя мыслью, что мы могли бы сделать иначе.

Даниэль посмотрел прямо на солнце. — Люблю тебя, сестренка, — он поцеловал меня в макушку, перед тем, как сесть в машину и уехать.

Рэйчел махнула им, а затем мне слегка. — Ты хочешь посмотреть это, дорогая? — она имела в виду видео, которое Элис разместила в Интернете. То, которое показали по национальным новостям.

— Нет, — покачал головой я. И я не стала. Я забывала жить этим. Я забывала говорить это. Навсегда.

Она смотрела на меня. — Ты будешь в порядке?

Я обняла Грея и крепко держалась за его теплую мощь. — Да, Рейч. Был хороший день. Я просто отлично.

Грейсон и я, обнявшись, медленно подошли к нашему трейлеру.

Оставшуюся часть дня мы занимались любовью, нежно, тихо разговаривали. Грей слушал, как я пересказывала «Квартзсайтское путешествие». Его заинтересовала история головоастиков креветок.

Я спросила, — Грей?

Он начинал дремать. — Я слушаю тебя, детка.

— Ты когда-нибудь думал о попытке встретиться с сестрой еще раз?

Он откатился, и я погладила его по плечу, когда он вздохнул. — Я же говорил тебе, что она не будет разговаривать со мной, — он сел так резко, что я почти скатилась с кровати. — Она меня не увидит, — сказал он сердито. — Она увидит уличного хулигана, который облажал фамилию.

Я извинилась, что подняла эту тему. Я просто чувствовала такое тихое счастье из-за того, что нашелся мой брат. Я хотела, чтобы у Грея было также.

Он был полон злости и не отпускал. Я все равно провела рукой по его мощной спине.

— Я же разглядела тебя, — напомнил я ему поцелуем.

Это заставило его чуть-чуть улыбнуться. — Ты всегда это делаешь, — сказал он, мягко держа меня за подбородок. — Правда, с того первого чертового дня, — он сделал паузу, как будто осторожно взвешивал свои слова. — Я хотел бы, чтобы было не так. Не так мы встретились. И в то же время ... — голос Грея затих, и он, казалось, ушел в себя. — Ты знаешь, как сильно я восхищаюсь тобой, Промиз?

— Тот день был хреновым, — согласилась я. — И все же я наткнулась на тебя, прямо в свой самый черный день. Ты бросил вызов моему насильнику и дал мне силы на надежду, — я прислонилась щекой к его плечу. — И, несмотря на все, я не променяю это ни на что.

Он уложил меня на кровать. — Боже, я люблю тебя, ангел.

Я приняла его. — Покажи мне, Грейсон. Говори мне, но также всегда показывай мне.

Грей скользнул внутрь меня. — Так? — Хрипло спросил он.

Я закрыла глаза, позволяя моим бедрам уловить ритм. — Вот так. Снова и снова, именно так.

Следующие несколько дней тянулись очень долго. Я пыталась держаться подальше от СМИ, как можно дольше. Элис звонила несколько раз, чтобы справиться обо мне. Она сказала, что дело было близко к разрешению и полномасштабному разоблачению Правоверного кооператива. Кроме того, был сильный резонанс на весь штат и даже на всю страну в отношении насилия, которое я описала в видео.

Элис слышала то, о чем я не спрашивала.

— Я пытаюсь, Промиз, — она искренне сказала мне, — много людей заинтересовано в оказании помощи твоей сестре и остальным, находящимся не по своей воле, в Долине Иерихон.

— Спасибо, — искренне сказала я ей и повесила трубку, закрывая глаза и пытаюсь надеяться на чудо.

Я заставила Грейсона поклясться, что он не поедет в Долину Иерихона за тем, чтобы отомстить. Но я знала, что он по-прежнему парится по поводу того, что Уинстон Олбрид живет и дышит.

— Нет, — умоляла я. — Пожалуйста.

— Ладно, — он закашлялся. — Пока. Но, детка, я не могу пообещать, что я буду вечно сидеть спокойно.

Что касается меня, я поклялась, что прекращу позволять страху держать меня в заложниках. Теперь, когда лидеры Церкви были осведомлены о том, где я, казалось, у меня мало оснований не принимать предложение Кэлли Лопес о практике акушерства. Клиника Паркера остро нуждалась в медицинском персонале для оказания помощи в связи с увеличением беременных женщин, нуждающихся в родовом наблюдении. Я использовала адрес бара, как свой, когда записывалась в североамериканский реестр акушеров.

Был ранний вечер, спустя неделю после моего воссоединения со своим братом. Бар был почти пуст и Грей только что вернулся с работы в небольшом городке под названием Салом. Я любила обнимать его, когда от его кожи еще исходило тепло от поездки. Я помогала Кире жарить крупную партию куриных тушек и, пока Грей ковырялся в своей тарелке, я рассказывала ему о том, как я волнуюсь начинать работу в клинике. Он проглотил большой кусок курицы и улыбнулся мне, качая головой.

— Что? — Спросила я невинно.

Он пожал плечами. — Ничего. Только то, что ты удивляешь меня большую часть времени.

Я положила руку ему на колено, понизив голос. — Помнишь, когда-то ты задавался вопросом, буду ли я чертовски удивлять тебя каждый раз?

— Помню, — ответил он, подвигаясь так, что моя рука могла легко скользить вверх.

Раздался звук его телефона.

— Попридержи эту мысль, — сказал он, ощупывая карманы. Он посмотрел на экран телефона секунду и передал его непосредственно мне, — Элис, — пояснил он.

— Алло? — Улыбнулась я, ожидая услышать озорной голос подруги на другом конце.

— Промиз.

Вместо этого был голос, который я жаждала услышать в течение последних шести недель.

— Дженни, — прошептала я.

Я почувствовала, как Грейсон напрягся рядом со мной. Он потянулся к моей руке.

— Промиз, — рыдала моя сестра. — Я так сильно скучала по тебе.

— Где ты? — Заричала я. — С тобой все в порядке? — Рэйчел услышала крики и подбежала.

Но Дженни была переполнена эмоциями и не могла говорить. Я услышала, как телефон передала, и затем зазвучал ясный голос Элис.

— Она в порядке, Промиз. Она здесь, со мной. Мы держим путь в Феникс. Ты можешь встретиться с нами там?

— Да, — сказала я, откровенно рыдая. Она попыталась дать мне инструкции, но я была так невероятно рассеяна, что вынуждена была передать телефон Грею.

Он повесил трубку и сказал: — Мы выезжаем прямо сейчас.

Рэйчел схватила меня. — Неужели это она? Как?

— Да, — я все еще всхлипывала. — И я не знаю.

Грейсон действовал решительно, мы выехали и двигались по шоссе уже пять минут. Он не останавливался, чтобы поговорить об этом. В этом не было никакой необходимости. Мы направлялись увидеть мою сестру.

Мимолетный импульс тревоги охватил меня, когда на горизонте замаячил Феникс. Небо было практически черным, и в центре города кое-где светились здания. Последний раз я видела этот город, испытывая ужасную боль и в ужасной компании. Но это было тогда. Я откинула беспокойство прочь и схватилась за Грея крепче.

Грей, казалось, достаточно хорошо знал, куда ехать по улицам. Мы проехали гигантский стадион. Взрыв шума оттуда указывал, что только что произошло что-то захватывающее. Грей заехал прямо в гараж, в нескольких кварталах от футбольного поля.

— Квартира Элис недалеко, — сказал он мне, поднимаясь со своего мотоцикла и взяв меня за руку.

— Поцелуй меня, — попросила я.

Он вопросительно посмотрел на меня, но, тем не менее, наклонился, прижав губы к моим, с нежностью, которая усилилась, когда я потянула его ближе.

— Я люблю тебя, — напомнил он мне.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я.

— Теперь давай увидим эту девушку, о которой я так много слышал.

Мое сердце забило сильнее, пока мы шли к лифту. Здание было старым, в классическом стиле. В то же время было также заметно, что оно перенесло ряд современных реконструкций. Я держалась за Грея, когда он постучал в одну из квартирных дверей, и он обнял меня за плечи своей сильной рукой, придавая мне немного уверенности.

Щелчок открытия дверей был почти мгновенным, и по ту сторону показалось сияющее лицо Элис Картер.

— Заходите, — она, смеясь, втянула нас.

Мои глаза сразу же нашли ее. Она сидела в довольно формальной позе в полосатом мягком кресле. Ее руки нервно играли с ее длинной красной лентой.

У меня в тот момент не было слов. Все равно они не были нужны. Моя сестра выдохнула, поднялась на ноги, и мы столкнулись в объятиях счастья, печали, тоски. Я поняла, что до этого момента я не позволяла себе верить, что я когда-либо увижу ее снова.

Дженни попятилась на несколько дюймов, улыбаясь, пока она рассматривала меня.

— Ты выглядишь доступной, — сказала она, ее глаза заискрились. В Долине Иерихон это было бы ругательством. Но здесь, и между нами, это был в высшей степени комплимент.

Когда я познакомила ее с Грейсоном, она застенчиво сдерживалась. Он пожал ей руку и тихо сказал ей, как он счастлив с ней познакомиться.

Дженни перевела взгляд с меня на Грея, широко улыбаясь, и я поняла, что она обрадовалась. Элис позволила насладиться этими нежными моментами. Я повернулась к ней с вопросом.

— Как?

Элис прочистила горло, прежде чем прояснить все. Аризона Таймс в считанные дни дала ход делу Элис о Правоверном кооперативе. Она приехала в Долину Иерихон с новостной бригадой, полагая, что сможет получить несколько заявлений от жителей города. В этом стремлении ей весьма повезло, но, когда бригада собиралась уезжать, Элис заметила одинокую девушку, медленно идущую по проселочной дороге.

— Я сразу поняла, кто она, — сказала Элис с улыбкой. — Она выглядела так же, как и ты.

Дженни была поражена, когда её окликнула растрепанная городская блондинка, которая утверждала, что знает ее сестру. Было на самом деле редким совпадением, что ей довелось проходить в одиночестве в тот самый момент. С тех пор, как она вернулась в Долину Иерихон, по приказу епископа Тальбота, за ней внимательно следили. И мое имя теперь было под запретом.

Элис посмотрела в глаза моей сестры, и попросила поверить ее словам. Обо мне. О Церкви. О возможности, что она предлагала. Все что Дженни нужно было сделать, это сказать да.

Моя сестра, хоть и малявка, поверила, когда услышала. Она, не колеблясь, последовала за Элис в фургон. Дженни нужно рассказать свою историю властям. После этого, Элис была уверена наверняка, не будет никаких шансов, что она вернется в Долину Иерихон.

— Я позвала и Дэниела, — рассказала она нам. — Он будет здесь утром.

Я едва могла в это поверить. Все, на что я надеялась. То, о чем я молилась, даже тогда, когда у меня было мало причин верить, что молитва что-то даст.

Элис сказала, что мы можем остаться у неё. Внизу была дополнительная спальня, зал и удобный диван. Я с готовностью согласилась, но Грей сказал, что предпочел бы остаться в мотеле неподалеку.

— Почему? — Нахмурилась я, глядя на него, пока мы тихо разговаривали в сторонке. — Я хочу, чтобы ты был со мной.

— И я буду с тобой всегда, — сказал он, целуя меня в лоб. — Но сегодня твоя сестра нуждается в тебе. И ты в ней.

— Не уезжай далеко, — прошептала я, яростно обнимая его.

— Эй, — он поднял мой подбородок. — Ты действительно думаешь, что сможешь избавиться от меня?

Перед отъездом, Грей остановился, чтобы прошептать что-то Элис. Она улыбнулась и слегка приподняла свою блузку, подмигнув, показывая ему кобуру с пистолетом.

Мы сорвались из Куартзсайта без вещей. Элис дала нам все, что нужно, а затем удалилась в свою спальню, чтобы дать нам обоим немного личного пространства.

— Как мама? — Спросила я с осторожностью, так как мы расположились на полу в гостиной среди груды уютных одеял.

Дженни нахмурилась. — Грустная, — сказала она тихим голосом. Она посмотрела на меня со страдальческим выражением на лице. — Она видела меня, Промиз. Она видела, что я сажусь в грузовик с Элис. Она могла бы поднять тревогу.

— Но она этого не сделала, — закончила я, сожалея о нежной, запутавшейся женщине, родившей меня. — Она знала, через что тебе пришлось пройти.

Дженни прижалась ко мне сбоку, как она делала с тех пор, когда была маленькой, пытаюсь забыть воображаемые ночные кошмары. Я обняла ее и погладила, как всегда делала.

— Он меня не тронул, — почти шепотом сказала она. Она услышала, как я заплакала от облегчения и подняла голову. — Он был слишком болен. Большинство жен не были добры, но там была одна, Кэрри, который поддерживала и заботилась обо мне. Пока он не умер, и епископ Тальбот не приехал, чтобы забрать меня обратно в Долину Иерихон.

— Епископ, — сплюнула я. — Он вытворял и не такую х*йню.

Глаза Дженни расширились в шоке. И тогда она рассмеялась, диким, чистым смехом молодой девушки.

Я ткнула ее в бок. — Скажи это. Станет легче.

Моя сестра покраснела. — Х*йня.

— Громче.

— Х*йня! — Она закричала, а затем рухнула с огромной улыбкой.

Когда Элис ворвалась из своей спальни с пистолетом, мы обе рассмеялись еще больше.

— Что, черт возьми? — Проворчала она, но заулыбалась. Она покачала головой на нас и вернулась к себе в спальню. — Спокойной ночи, леди.

Когда Дженни, наконец-то перестала смеяться, она откинула свои длинные рыжие волосы с лица и засмушалась. — Итак, — она начала говорить. — Грейсон...

— Ах, — я плюхнулась обратно в одеяла. — Грейсон. — я вздрогнула, от его имени всегда так. Я рассказала сестре об этом все, о нем. Я хотела, чтобы она поняла его, признала, что одетый в грубую кожанку человек, который пожал ей руку, был фактически одним из лучших людей, которые есть.

Она слушала с восхищением. — Ты любишь его, — сказала она с удивлением.

— Так сильно, — сказал я ей, — что иногда больно.

Дженни послала мне лукавый взгляд. — И я видела, как он смотрел на тебя, — сказала она. — Он, несомненно, тоже любит тебя.

Я пожевала губу, обдумывая, как много еще я должна рассказать. Дженни была еще ребенком, но она научится многим вредным вещам. Это привело к тому, что Грейсон заставил меня понять физическую сторону любви, как она подпитывает и усиливает любовь в сердце. Я хотела, чтобы Дженни поняла, что это не было уродливо. Или постыдно. Конечно, я опускала самые острые моменты, но я рассказала сестре, как это может быть. С правильным человеком.

— Ничего себе, — сказала она, когда я закончила. — Так ты собираешься выйти за него замуж?

Я пожала плечами. Брак для меня сейчас был второстепенным. — Это не имеет значения. Я собираюсь быть с ним. Всегда.

— Промиз? Что будет со мной теперь?

Я обняла ей. — Ну, ты можешь быть уверена, что не вернешься в этот ад. Элис думает, что она может позвонить нескольким поклонникам, и ты предстанешь завтра на слушанье. Так как ты еще несовершеннолетняя, то тебе должны назначить опекуна.

Дженни положила голову мне на плечо. Сейчас у неё был усталый голос. — Я так устала, Промиз.

Она не говорила о долгом дне. Она говорила обо всем остальном.

— Знаю, Дженни. Но день закончился. Ты должна поспать.

Она слегка улыбнулась. — Я не думала, что когда-либо увижу тебя снова, — потом ее улыбка угасла. — Знаешь, они ненавидят тебя.

— Да, — ответила я. — Это единственное, что они знают, как делать хорошо.

— Я люблю тебя, Промиз.

— Я тоже люблю тебя, сестренка.

Постепенно Дженни задремала, и я нежно опустила ее. Я посмотрела вокруг и обрадовалась, увидев городской телефон Элис.

После того, как уложила сестру спать, я нежно погладила её и взяла трубку в ванную комнату.

Он ответил по сотовому на первом гудке.

— Скучаешь? — Спросила я.

Он усмехнулся. — Скучаю. Люблю тебя. Хочу тебя. — Он замолчал. — Ну и как? Кстати, я звонил Рэйчел поделиться.

— Хорошо. Дженни страшно, Грей. Но она тоже счастлива. Элис, кажется, уверена в том, что судья выберет опекуна завтра.

— Ангел, — вздохнул он. Он надолго замолчал.

— Что такое?

— Я просто ... черт. Промиз, я буду там, где тебе нужно будет. Если тебе нужно остаться здесь и заботиться о своей сестре, значит, плевать, я тоже буду здесь.

У меня не было времени, чтобы остановиться и подумать о том, что будет потом. Но шустрый ум Грея, очевидно, уже думал над этим.

— Ты бросишь Отступников? — Спросила я в шоке.

— Я останусь с тобой, — ответил он твердо.

Я села на пол. Я знала, что значит для него клуб. — Грейсон Меркадо, — сказала я сдавленным голосом, — я так люблю тебя.

— Знаешь, я тоже тебя люблю.

— Повтори это.

— Я чертовски люблю тебя, детка.

Я закрыла дверь ванной, заблокировав её, и села по-турецки, чувствуя, как озорная улыбка расплзается по моему лицу. — Что на тебе, красавчик?

— Ни единой долбанной вещи.

— Твой член стоит?

— Именно сейчас.

— Хорошо. Дотронься до него.

Он застонал на другом конце. — Я адски хочу, чтобы ты трогала его.

— Я не могу. Я слишком занята, трогая себя.

— Еб*ть, Промиз.

— Да, ты трахаешь Промиз. Я хочу, чтобы ты трахал ее сейчас.

— Господи, ты мокрая?

— Я такая чертовски мокрая, не веришь. Грей? Вот дерьмо, очень быстро, Грей.

— Ты собираешься помочь себе чертовски кончить.

Я стояла на коленях, на полу в ванной комнате, с рукой между ног, нажимая, поигрывая. Я знала, что чем больше я сдерживаюсь, тем слаще будет награда.

Его дыхание было глубоким и быстрым.

— Жестче, Грей. Представь, что я взяла тебя в рот.

Он снова застонал.

— А у тебя такой гребаный грязный ротик.

— У меня грязный ротик, который не знает ничего лучше, чем сосать твой большой член. О, Боже, Грей, я так близко.

— Кончай, детка. Ох, дерьмо, я сейчас.

Мы дошли до кульминации одновременно. Я должна была уткнуться в полотенце, чтобы заглушить крики удовлетворения, моего безумно пульсирующего от страсти оргазма.

Я слышала его вздох облегчения на другом конце. — Мой сладкий ангел, ты убиваешь меня.

— Всегда? — спросила я, зная ответ.

— Всегда.

— Я люблю тебя, Грейсон.

Было еще рано, когда Грей вернулся с коробкой пончиков. Дженни завизжала от восторга и удовольствия, что было редко в Долине Иерихон. Я почувствовала, её взгляд, когда я упала в объятия моего любимого, глубоко целуя его и не сдерживаясь.

Дженни одолела свой завтрак. Грей разговаривал с ней, когда я сидела рядом и наблюдала за двумя людьми, которые были самыми важными для меня. Он только что закончил рассказывать Дженни о том, как город Феникс был фактически построен на костях древней цивилизации. Русла, которые приниживали столицу штата, были образованы несчитанное количество веков назад.

— Откуда ты? — Спросила она с любопытством, кусаться пончик в пудре.

— Нью-Йорк, — сказал он, подмигнув мне. — Но мое сердце находится в штате Аризона.

Мой брат Даниэль, должно быть, выехал в середине ночи. Он приехал после девяти. Хотя Дженни была очень маленькой, когда последний раз видела его, она была вне себя от радости по поводу нашего воссоединения. Даниэль показал ей фотографии Лупэ и Беллы, которые пока остались в Сан-Диего.

Пока Дженни прокручивала картинки на телефоне, с широкой улыбкой на лице, Даниэль отвел меня в сторону. Элис стояла на кухне и разговаривала с Грейсоном об истории пещерных колоний Феникса.

— Промиз, — сказал мой брат, — я разговаривал с Элис прошлой ночью. О том, что будет дальше с Дженни.

— Да, она появится в суде после обеда. Элис думает, что это просто формальность и судья, скорее всего, сразу назначит опекуна.

Взгляд Дэниела с любовью опустился на нашу младшую сестру. — Мне было интересно, — сказал он медленно, — рассматривала ли ты вопрос о предоставлении опекуна мне и Лупэ, — он приготовился объяснять. — Мы живем в хорошем районе, там хорошие школы, не очень далеко от океана.

Мне даже не приходило в голову, что опекуном Дженни может быть кто-то кроме меня.

Даниэль осторожно коснулся моей руки. — Ты еще так молода, — тихо сказал он, — и у тебя было украдено так много времени. Тебе понадобится немного времени, понять, кто ты есть.

Я решительно посмотрела на него. — Я знаю, кто я, Дэниэль.

Он провел рукой по светлым волосам и поморщился. — Конечно, ты знаешь. И ты прекрасная. Ты бы фантастически заботилась о Дженни, я уверен. Но я хотел стать тем братом, которым у меня никогда не было шанса стать. Она могла бы пойти в школу, стать обычным подростком.

— Что говорит Лупэ?

Даниэль улыбнулся, явно радуясь, что я сразу не отклонила идею. — Она хочет, чтобы Дженни переехала жить к нам.

Я посмотрела на свои руки. Я думала, что я смогла бы предложить своей сестре. Я понимала, что забрать ее в Куартзсайт, не самый лучший вариант. Грей тоже это понимал. Он был готов остаться в Фениксе. Но что потом? Дэниэль был прав насчет меня. Я все еще учусь жить самостоятельно. Возможно, для Дженни было бы лучше поселиться в

подходящих условиях. Я думала о том, что ей надо ходить в школу, на пляж, что для девушки ее возраста нужно делать беззаботные вещи.

— Ты можешь навещать её в любое время, — сказал мне брат, положив руку мне на плечо. — Ты и Грейсон. На самом деле, я настаиваю на этом.

Даниэль, казалось, удивился, когда я резко обняла его. Я была так благодарна ему, моему старшему брату. Он стал хорошим мужчиной. После того, как я поверила, что таких нет, а сейчас в моей жизни они были повсюду.

Элис была права. Заседание было быстрым и решение положительным. Дженни была нужна, чтобы сделать официальное заявление, и сказали, что её снова вызовут, пока власти попытаются выяснить, что делать дальше. Но когда все было закончено, нашего брата определили ее законным опекуном.

Дженни необходима была кое-какая одежда, и мы привезли ее в близлежащий торговый центр. Она уставилась на несметное изобилие и покинула торговый центр, выглядя, как современный американский подросток. Мы все вместе пообедали в мексиканском ресторане. Любой, кто видел нас тогда, не находил в этом что-то необычное. Это просто доказывает, что никогда не знаешь, что происходит в жизни чужих людей, которые тебя окружают.

Дэниель приготовился вернуться в Сан-Диего. Он сказал, что Лупэ занималась комнатой Дженни и она готова, и не может дожидаться их приезда. Я жалела, что у меня не было больше времени, чтобы побыть с сестрой, но Даниэль еще раз заставил меня поклясться, что Грей и я приедем в ближайшее время.

— Теперь пообещай мне, — пошутил он, подмигивая.

— Я обещаю, — сказала я, обнимая его еще раз.

Дженни пустила слезу, когда мы обнялись. Она коснулась моих волос с усмешкой.

— Я думаю, что тоже подстригусь, — ее лицо немного вытянулось. — Как думаешь, что мама делает прямо сейчас?

Я посмотрела в сторону. Больно было думать о моей матери, сидящей, к сожалению, в пустом доме, ее дети ушли, муж почти наверняка в постели с другой женщиной. Или, может быть, я не права. Может быть, она была довольна, зная, что ее дочери были свободны. По крайней мере, мне нравилось так думать.

После того как мы попрощались с Дженни и Даниэлем, я уткнулась в руки Грея.

— Ты как? — Спросил он, обнимая меня.

Я подняла голову, глядя ему в глаза. — Я в порядке.

Элис подошла тихонько. — Статья выйдет завтра, — сказала она.

Грей погладил меня по спине, и я обняла его за талию. — Как думаешь, что произойдет?

Элис Картер пожал плечами. — Я не уверена.

Каждый из нас троих тихонько задумались о событиях дня. Какая-то игра была в разгаре и стадион взревел.

Я потянула Грея. — Ты когда-нибудь возьмешь меня на такую игу.

Элис улыбнулась нам. — Вы оба можете остаться со мной сегодня вечером, если ты не хочешь уезжать до утра.

Грей ждал, что я отвечу.

— Нет, спасибо, — медленно сказала я. — Я думаю, мы должны вернуться домой, — я посмотрела на Грея. — Мы же можем?

Его лицо было серьезным. — Мы можем, Промиз.

Нет ничего, и близко похожего на то, как нестись сквозь пустыню ночью, на сиденье мотоцикла. Я решила, что это было, скорее всего, похоже на то, как мчаться в космос. Небо было открытой пещерой, усеянное упорядоченным хаосом Вселенной. Миля мелькала за милей, пока я держалась за Грея.

Грей намеревался ехать прямо в Куартзсайт, но прежде, чем мы выехали, я спросила его, могли бы мы сделать одну остановку по пути. Он послушал и кивнул, сказав, что думает, что знает, где было то место.

Трасса была не сильно загружена, и в итоге мы доехали до Феникса, редко снижая скорость. Воздух только немного остыл от пекла дня, но я наслаждалась чувством, как горячий ветер поигрывал с моими волосами.

Наша скорость начала снижаться в месте, которое было мне знакомо. Заряд страха прошел через сердце, но потом я вспомнила, что была с Грейсоном. Я была в безопасности.

Он проехал мимо заправочной станции, которую я в последний раз видела, когда была в плену у зла. Я вспомнила, как смотрела на ту дружную семью, что ненадолго остановилась в путешествии для бессмысленной, обычной остановки. Они даже не заметили меня, но я навсегда запомню их.

Грей медленно проезжал мимо небольшого количества зданий, которые составляли крошечный город. Он легко нашел знак на выезде с трассы. Он не был освещен, но я могла прочесть потемневшую надпись без труда.

— Теперь вы вне Хоупа.

Игры разума с названием крошечного города.

— Ни за что, — ответила я громко и ясно, и Грей обернулся, быстро взглянув на меня, прежде чем набирал скорость и вернулся на I-10.

«На дне реки» был полон. Каспер стоял и курил, и он немедленно подошел к нам. Он мотнул головой в сторону бара.

— Она ждет тебя.

Рэйчел Тальбот: красивая, сильная, стойкая. Она вырвалась с блаженной улыбкой, как только увидела нас. Она оттолкнула неуклюжих мужчин и пару нерях, которые пьяно качались под музыку.

— Я так рада, что ты дома, — сказала она, обнимая меня.

— Дома, Рэйчел, — я обняла ее. — Я действительно дома.

Она попяtilась на несколько дюймов, рассматривая мое лицо.

— Расскажешь мне об этом завтра, — сказала она, отпуская меня с Греем, и вернулась к требовательным клиентам, которые жаждали внимания.

Грей и я обняли друг друга, пока мы обходили бар, отступая в темноту множества трейлеров. Я с любовью посмотрела вокруг, думая о том, что для постороннего глаза, не видящего ничего хорошего, это не сможет настолько нравиться. Те же люди могут смотреть на пустынные окрестности с тоской, возможно, жалея заблудшие души, которые живут здесь. Но они были бы не правы. Это было красиво, все это. Трейлеры, пустыня, и, прежде всего, небольшое сообщество свободных духом мужчин и женщин, которые притерлись к семье.

Мэддокс и Брэндон поприветствовали нас у порога дома Ориона, и мы помахали им. Завтра я буду счастлива, поговорить с ними всеми, но сегодня я просто хотела побыть наедине с Греем.

Мы полностью разделись, как только очутились внутри причудливого антикварного

трейлера.

— Я хочу просто чувствовать тебя, — сказал он хриплым голосом, лег на кровать и потянул меня на себя.

Мы оба были разгоряченные, пыльные и в изнеможении. Это было так же невероятно, как было всегда, а потом я слушала лучший звук в мире, ритм его сердца.

Эпилог.

Грейсон.

Грей с сомнением посмотрел на караоке, Когда Брэндон тащил его в бар.

— Кто, черт возьми, пользуется этим? Я имею в виду, сможет не звучать, как кот прищемивший яйца?

Брэндон выглядел оскорбленным. — Я могу.

Мэддокс захохотал. — Чушь, бл*.

— Пошел ты, Мэд.

Мэддокс снял потную рубашку и поднялся на шаткий стул, чтобы повесить несколько серебряных растяжек. — Не переоценивай себя, Би. Ты не настолько хорош.

— Я покажу вам, лохи, — пробормотал Брэндон, пока он возился с машиной.

— Грей! — Позвала Рэйчел из-за двери. — Она здесь!

Кира захлопала в ладоши и посмотрела на свое платье с блестками. — Это так чертовски весело!

Орион дремал за одним из столиков. При звуке голоса Киры он поднял голову и проворчал.

— Что бл*ть мы снова делаем?

Грейсон вышел на улицу, чтобы встретить её. Промиз на этой неделе начала работать в клинике Паркера. В настоящее время она ездила на автомобиле Рэйчел, до тех пор, пока не накопила, на что-то другое.

Ее улыбка, когда она увидела его, была обворожительной, как и всегда. Слишком много было у неё стресса в эти дни. Статья Элис Картер, разоблачавшая Свободный Кооператив, встряхнула несколько ответвлений, даже вызвала раскол основного ствола, и все деньги частных вкладчиков, которые вкладывались, пусть и косвенно, в этот бизнес массово отказались от этого. Давление — было беспощадным. Другие женщины и девушки начали выступать со своими ужасающими историями. Имя Уинстона Оллрида была неразрывно связано со схемами Свободного Кооператива. Он был первым, кого арестовали.

С тех пор, более ста женщин и детей уехали из Долины Иерихон. Элис работала со многими из них, помогая им в поселении в Фениксе.

И вот вчера пришло известие. Джон и Эштон Тальбот, отец и дядя Промиз, оба были арестованы. Список обвинений был длинным. Мошенничество, угроза жизни ребенка, насилие.

Дженни расцвела в новой обстановке. Грейсон и Промиз поедут в Сан-Диего к ней в гости утром. Но сначала он хотел дать своей девушке — любви всей его жизни — кое-что еще. Кое-что, что она упомянула перед сном однажды ночью, а потом, скорее всего, забыла.

Она вскочила на него, и он кружил ее, пока она смеялась. Когда он опустил ее на землю, она попыталась зайти в бар, но он удержал ее.

— Что ты делаешь? — Спросила она, ее зеленые глаза блеснули.

— Минуточку, — сказал он, заглядывая внутрь. Рэйчел подняла большой палец вверх. — Хорошо, сейчас.

Она ахнула, когда вошла и обернулась к нему с удивлением. — Что?

Кира и Рэйчел обе были одеты с иголочки. Рэйчел надела прекрасное серебристое платье, что соответствовало декоративным лентам, которые Мэддокс неохотно прикрепил к

потолку.

Промиз все еще моргала в растерянности.

Грей поцеловал ее в щеку и схватил маленькую коробочку, которая ждала на соседнем столе. — Ты жалела, что пропустила это в средней школе, — сказал он ей, надевая корсаж, и поправляя его на её маленьком запястье. — Так что, это твой выпускной. (Прим. На выпускной парень дарит девушке вот это браслет цветочный — корсаж, а вот девушка дарит ему бутоньерку (цветок на булавке) который он приколет к своему пиджаку. Ну, именно за границей он называется корсаж...)

Она мгновение смотрела на него, и он подумал, что она застеснялась. Но потом она посмотрела вниз на свой корсаж и аккуратно потрогала белые лепестки.

— Ничего себе, — прошептала она.

Рэйчел спешно отвела ее в кабинет, чтобы нарядить в серебристую одежду, в то время как Брэндон ругался и пинал караоке.

— Я же тебе говорил, не еб*ться с этой штукой, — смеялся Мэддокс.

В то время как Грей ждал ее, забрел Тиг. Он взглянул на серебристый бедлам и сказал: — Еб*ть это, — и в гневе ушел.

Дверь в кабинет открылась, и она была прекрасна. Но теперь, она была прекрасна со всех сторон. Когда она растворилась в его объятиях, он решил не допускать мерзости вечером. Не будет никаких Правоверных, кошмаров насилия и коррупции. Там будет только он и она.

Брэндон, наконец, запустил машину. Все в комнате остановились и уставились на него, когда он начал в песню. У него был тягучий, мелодичный голос, он инстинктивно знал, когда потянуть для максимального эффекта. Брэндон улыбнулся в свою бороду, явно наслаждаясь сюрпризом.

Грейсон подошел и что-то прошептал ему на ухо. Брэндон подумал, а затем медленно кивнул. Когда он закончил свою песню, он в течение нескольких минут поискал в меню машины, пока он не нашел то, что он хотел.

— Что это за песня? — Спросила она, когда обняла его за плечи.

Он улыбнулся ей, когда обнял ее за талию. — Это из старого. Еще из пятидесятых. Это вечное, эта песня. Она называется «Земля Ангела». Он притянул ее ближе, от нахлынувших чувств. — Потому что, детка, ты мой ангел.

Она закрыла глаза и прижалась щекой к его груди. Он спрашивал, часто ли она задумывалась об их первом танце. Это был первый раз, когда он действительно держал ее в своих руках, и она поняла, что чувствует к нему то же, что он к ней. Момент, когда он понял, что они сочетаются друг с другом, как два потерянных кусочка пазла.

Он смутно понимал, что Рэйчел и Каспер танцевали рядом с ними, погруженные в свою историю. Кира громко жаловалась, пока не уговорила Ориона подняться, но когда он встал, он быстро подхватил ее.

— Грей, — вздохнула Промиз.

— Я знаю, — он поцеловал ее. — Я тоже.

Она слегка подтянулась, глядя на него снизу вверх и касаясь его лица.

— Пусть всегда будет так, — сказала она.

— Будет, — согласился он, возвышаясь над ней, пока она смогла почувствовать его всего. — Я обещаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От автора:

Этот роман был эмоциональным путешествием, история, приправленная некоторыми весомыми вещами, в которой я изо всех сил управлялась с чувствами.

Я надеюсь, что кому-то понравилось.

Кстати, я искренне люблю отзывы читателей, так что напишите мне, даже если вы хотите просто поздороваться.

Рецепты Десертов, указанные в главе двадцать из моей личной коллекции старинных рукописных рецептов. Я не знаю, кто записал их и откуда они первоначально пришли, но, тем не менее, они здесь:

«Кости мертвеца».

1 стакан муки
3 яичных белка
1 чайная ложка ванили
1 стакан молотого миндаля
1 стакан сахара
щепотка соли

Взбить яичные белки до белой пены.

Добавить постепенно сахар и хорошенько взбить.

Используя вилку, вмесить муку и соль.

Медленно добавить миндаль.

Влить ваниль.

Выложить печенье чайной ложкой на смазанный маслом противень.

Выпекать при 300 градусах до светло-кремового цвета.

Торт «Вишневый Гайка».

1 стакан сахара
1 яйцо
2 столовые ложки топленого сливочного масла
1 стакан муки
1 стакан Консервированной Вишни
1 чайная ложка соды
½ стакана грецких орехов
щепотка мускатного ореха

Смешайте все ингредиенты.

Налейте в смазанную форму 9х9.

Выпекать при температуре 325 градусов в течение 45 минут:

вишневый соус:

1 стакан сахара

½ ст.л. кукурузного крахмала

1 чайная ложка масло

1 стакан Вишневого сока

½ стакана воды

½ чайной ложки ванили

¼ чайной ложки миндального экстракта

Смешайте все ингредиенты в кастрюле.

Варить до прозрачности.

Полить пирог перед подачей.

Нижеприведенный рецепт Яблочного пирога (кекса) от Промиз описан в главе двадцать пять. Рецепт адаптирован к различным ингредиентам, и я делала так, когда была ребенком. Я предварительно напомню, что во время Великой депрессии, в пирогах, использовали яблочное пюре в качестве основного ингредиента, так как сахар, стал дорогим, и его было трудно приобрести. Он был пересмотрен потомками, но остается популярными и сегодня и вкусным, как всегда.

Яблочный пирог (кекс) От Промиз.

2 ½ стакана муки

1 ½ чашки подслащенного яблочного пюре

2 стакана сахара

1 ½ чайной ложки пищевой соды

½ чайной ложки разрыхлителя

½ чайной ложки душистого перца

½ чайной ложки молотой гвоздики

¾ чайной ложки корицы

1 ½ чайной ложки соли

½ стакана размягченное сливочное масло

½ стакана воды

2 яйца

1 стакан изюма (по желанию *)

* Поместить изюм в миску с теплой водой, чтобы набухло.

Смешать все сухие ингредиенты и хорошо перемешать.

Добавить остальные ингредиенты, кроме изюма, и тщательно вымесить, желательно с помощью электрического миксера, а при его отсутствии с энтузиазмом загребая локтями.

Замочите изюм и добавьте в тесто

Смазка / мука

13x9 форма для пирога (кекса)

Залить тесто пирога (кекса) в форму и выпекать при температуре 350 градусов в течение 55 минут